

ART ART

3
2020

ART

12+

Журнал «Арт»

ART ART

АКЦЕНТЫ

Третий номер журнала посвящён литературе и тем, кто её создаёт, – писателям. Тема не случайна – в этом году состоится 14 съезд писательской организации Республики Коми. Соответственно, номер открывается беседой с членами правления Союза писателей РК Еленой Козловой, Андреем Поповым и Еленой Афанасьевой. В этом же разделе – статьи Елены Ельцовой и Дианы Холоповой. Они знакомят с историей писательской организации, с теми людьми, которые стояли у её истоков.

Редакция попросила писателей республики ответить на вопрос: «Нужна ли современному обществу литература?» Их ответы составляют раздел «Точка зрения».

Раздел «Литература сегодня» – это современная проза и поэзия. Он начинается с эссе литературного критика из Санкт-Петербурга Сергея Носова «Литература сегодня». Данную статью связывает с предыдущим разделом мнение автора о том, что Слово было в прошлом, будет оно и в будущем, и это неизменно, пока человеку свойственно мыслить.

Литература республики живёт в коми и русском языках. Поэзия представлена в журнале подборками преимущественно новых стихотворений. Из коми прозы опубликована повесть Алексея Попова «Öти гоҗся лунö», а из русской – дебютная повесть Виталия Шахова «Орт». Повесть непростая, она о поэтах и посвящена двум рано ушедшим поэтам – Игорю Вавилову и Александру Лужикову.

В раздел «Литературо-видение» включены литературно-критические статьи Даниила Тестова и Павла Лимерова, а также несколько ироничное эссе Сергея Носова о классической литературе. «Арт-факт» – дань памяти писателю-старообрядцу, протопопу Аввакуму, 400-летие со дня кончины которого отмечается общественностью. Наш постоянный автор Ольга Орлова написала статью о художниках, вдохновлённых «Житием протопопа Аввакума» и написавших картины по мотивам этого произведения.

Журнал в журнале «Ы» содержит две сказки юных авторов.

*Павел Лимеров,
главный редактор.*

АРТ

12+

Содержание

Союз писателей РК: к XIV съезду

- «С Пушкиным жить интересней!» Беседа П. Лимерова
с членами правления Союза писателей
Республики Коми. 4
- Е. Ельцова.** Как всё начиналось:
писательская организация в 1920-е гг. 11
- Д. Холопова.** История в фотографиях:
Коми писательская организация
в 1918–1930-е гг. 14

Точка зрения

- Нужна ли современному обществу литература? 25

Литература сего-дня

- С. Носов.** Литература сегодня. *Эссе* 41
- Ловьяс йитгысь пас. Коми гижысьяслӧн кывбуръяс 46
- В. Шахов.** Орт. *Повесть* 54
- Поиски ответа. Стихи русских поэтов РК 115
- А. Попов.** Ӧти гождыс лунӧ. *Повесьт* 127

Литературо-видение

- Д. Тестов.** «Сущность эпохи» Игоря Вавилова 142
- П. Лимеров.** Фальшивые бусы. *Эссе* 150
- С. Носов.** Литературные призраки. *Эссе* 157

Ы

- А. Тарабукин.** Вӧрын 165
- Д. Морохина.** Вӧрса да Пывсян Айка 166

Арт-факт

- О. Орлова.** «Энергия духа» 169

Сыктывкар, 2020

АРТ

Республиканский
литературно-публицистический,
историко-культурологический,
художественный журнал

Республикаса литература,
публицистика, история,
культурология да
художественной журнал

Издаётся с 1997 года четыре раза в год
на коми и русском языках.

Публикация материалов по освещению
реализации социально значимых проектов
осуществляется при государственной поддержке
Администрации Главы Республики Коми.

Журнал издан при содействии
Союза писателей Республики Коми.

Учредители (соучредители):

Администрация Главы Республики Коми,
Министерство национальной политики
Республики Коми, МОД «Коми войтыр»,
АУ РК «Редакция журнала «Арт».

Руководитель редакции – Нина Новикова.

Главный редактор – Павел Лимеров.

Главный бухгалтер – Татьяна Леончик.

**Зав. отделом по основным направлениям
деятельности** – Татьяна Логинова.

Художественный редактор – Юрий Лисовский.

Литературный редактор,

корректор – Алёна Шомысова.

Технический редактор – Анастасия Габова.

Журнал «Арт»

Зарегистрировано Управлением
Роскомнадзора по Республике Коми.
Регистрационный номер
и дата принятия решения
о регистрации: серия
ПИ № ФС77-35079
от 23 января 2009 г.

Тираж: 1200 экземпляров.

© Журнал «Арт», № 3 (91) 2020 г.

Дата выхода в свет: 30.09.2020.

Руководитель редакции:

Новикова Н. М.

Главный редактор:

Лимеров П. Ф.

Цена свободная.

В оформлении обложки
и заставок использованы работы
(©) Ю. Лисовского.

Адрес редакции, издателя:

167982, Республика Коми,
г. Сыктывкар, ул. Карла Маркса, д. 229,
каб. 136, тел./факс: (8212) 201-499.
E-mail: artkomi@mail.ru,
www.artlad.ru

Отпечатано в ООО «Коми республиканская типография»

с электронных носителей
заказчика в полном соответствии
с качеством предоставленных
материалов. Подписано к печати по
графику – 22.09.20. Фактически –
22.09.20. Формат: 70x100 1/16.
Печать офсетная. Усл. п. л. 15,48.
Адрес типографии: 167982,
Республика Коми,
г. Сыктывкар, ул. Савина, 81.

Подписной индекс:

П4453 по каталогу «Почта России»

Все права на материалы, опубликованные в
номере, принадлежат журналу «Арт».
Перепечатка без разрешения редакции запре-
щена. При использовании
материалов ссылка обязательна.
Присланные материалы не рецензируются и
не возвращаются.

Материалы, не опубликованные
в журнале, редакция не рецензирует
и не возвращает авторам. Публикуя
материал, редакция не обязательно
поддерживает точку зрения автора.

**Союз писателей
Республики Коми:
к XIV съезду**

«С ПУШКИНЫМ ЖИТЬ ИНТЕРЕСНЕЙ»

*Беседа
Павла Лимерова
с членами правления
Союза писателей
Республики Коми:*

- Еленой Козловой –
председателем,
- Андреем Поповым –
заместителем
председателя,
- Еленой Афанасьевой –
литературным кон-
сультантом

– Союз писателей – это организация или клуб по интересам? Как стать членом СП?

Е. К. Только не клуб по интересам. Союз писателей – творческое объединение писателей. Союз писателей Республики Коми – региональное отделение Общероссийской общественной организации «Союз писателей России». В нашей республике Союз был создан в 1934 году силами наших классиков, коми писателей: Виктора Савина, Николая Попова, Вениамина Чисталёва, других. В настоящее время в нашей писательской организации 53 человека, почти половина из них пишет на коми языке, чуть больше половины – на русском. Это поэты, прозаики, драматурги. Пять человек имеют степень кандидата наук, шестеро имеют почётное звание – Народный писатель (поэт) Республики Коми, многим присвоено звание «Заслуженный работник культуры России», «Заслуженный работник Республики Коми». Многие наши писатели активно печатаются в Москве, имеют всероссийскую известность, такие как Елена Габова, Эдуард Веркин, Надежда Мирошниченко, Алексей Попов. Многие произведения наших писателей переведены на языки народов России и зарубежных стран. У нас сильная писательская организация.

Приём в члены Союза писателей России означает признание профессионального мастерства автора. Это довольно сложная процедура. Необходимо написать и издать две книги (для драматурга засчитываются две пьесы, поставленные в театре), заручиться поддержкой трёх членов Союза писателей, написать заявление о приёме. Кандидатура сначала об-

суждается на заседании правления, затем выносится на общее собрание, где выборы проходят обычно тайным голосованием. После одобрения на собрании книги и документы кандидата отправляют в Москву, в приёмную комиссию. И только там принимается окончательное решение. Иногда молодых принимают в Союз писателей без этой сложной процедуры по рекомендации Всероссийских семинаров. Это сильно упрощает вступление в профессиональный Союз.

Е. А. Лично я вступала в организацию. Но можно ведь и не объединяться, если человеку не хочется этого делать. Тем более писательство – это уединённая работа. Вступать или не вступать в Союз – это личное желание писателя. Как сказал однажды Булат Окуджава:

**Да здравствуют
литературные
объединения...
Впрочем, да здравствуют и
те счастливыцы,
которым пофартило
выплыть
в одиночку!»**

Как стать членом СП? В принципе, несложно – надо писать. Выпустить две книги, получить рекомендации членов Союза писателей России и – вперёд!

А. П. Первая часть вопроса некорректна. Совершенно очевидно, Союз писателей России – это обще-

российская общественная организация, объединяющая писателей России в творческое содружество для создания условий их профессионального роста, а также для защиты их законных прав и интересов. Так пишет любая словарная статья. Разве в этом есть какие-то сомнения?

– Современный писатель – кто он? В чём смысл писательства как профессии, ремесла? Кто ваш читатель?

Е. К. Дать определение современного писателя довольно сложно. Понятие ПИСАТЕЛЬ нельзя ограничить какими-то рамками. Как многогранна и многозначительна жизнь, так же многогранен и многозначителен писательский мир. Просто в этом сложном писательском мире каждому читателю надо найти своего писателя, поэта, того человека, на чьё творчество отзовётся душа.

Я очень люблю своего читателя. Литература объединяет писателя и читателя, мы как бы становимся сотоварищами, которые прикоснулись к одной общей тайне.

Е. А. Современный писатель ничуть не отличается от своих предшественников – это тот, у которого болит душа за судьбу своей родины, за сохранение языка, кто постоянно находится в поиске. Смысл писательства для меня лично – делиться радостью творчества, радостью находок новых граней. Люблю делиться с читателем красотой языка, дарить новую жизнь забытым словам.

Мои читатели – это, в первую очередь, моя семья и мои друзья. По их реакции, по уровню энергетики, которая идёт от них, я ощущаю нуж-

ность своего творчества. Не знаю, современна ли я как писатель, но три читателя у меня есть.

А. П. Писатель – это человек, который пишет стихи или прозу, осмысляющий время и вечность и ведущий общение с ними посредством художественного творчества. Каждый писатель находит свой смысл в своей профессии. Универсального смысла нет.

– Вы лично мечтали стать писателем с детства или это произошло спонтанно, само собой? Можно ли стать писателем по желанию?

Е. К. Нет, в детстве я не мечтала быть писателем. Сначала мечтала быть учительницей, затем библиотекарём. Много читала и хотела жить в библиотеке, чтобы не расставаться с книгами. Вообще-то в жизни так и получилось, закончила филологический факультет пединститута и всю жизнь провела с книгами. Правда, не в библиотеке, а в Союзе писателей. Хотя я частый гость в библиотеках и школах. Чтобы быть писателем, надо много читать и много работать. Даже имея литературный дар, не все могут выдержать эту постоянную нагрузку. Работая в Союзе писателей, неоднократно встречала людей, которые начинали писать, и даже неплохо, и мы с надеждой ждали продолжения творчества, но... продолжения не было. Также немало тех, кто пишет много, но они не растут творчески. К сожалению, это факт.

Е. А. Ни учителем, ни врачом, тем более писателем стать не мечтала. По жизни приходилось делать разную

работу: и коров доила, и детей учила, даже людей лечила. Думаю, по желанию стать писателем нереально. Кроме желания нужно ещё обладать многими качествами, а главное – владеть словом и энергией.

А. П. Я начал писать стихи в 15 лет и хотел стать известным автором, то есть профессиональным.

– При СП есть литературные объединения. Все ли их участники становятся писателями?

Е. К. Естественно, не все. Но они прикасаются к тайне творчества и в любом случае становятся теми людьми, кто любит и понимает литературу. А это уже немало.

Е. А. Конечно, не все. Остаются самые сильные и одержимые.

А. П. Все не становятся. Даже наоборот, становятся немногие.

– В чём разница между творчеством профессиональных или признанных писателей и так называемых самодеятельных авторов?

Е. К. Вообще-то, в литературе нет понятия «самодеятельный поэт» или «самодеятельный писатель». Это словосочетание имеет какое-то местечковое значение. Поэт (писатель) – или он есть, или его нет. Если чьё-то творчество вызывает интерес многих людей, если этого автора печатают в литературных журналах, издают его книги, он становится писателем. Если автор слагает стихи, читает их своим близким и знакомым, даже издаёт книги за свой счёт, но его не печатают серьёзные издания, то вряд ли такого человека можно назвать ПОЭТОМ. Значит, у данного автора

нет литературного дара. И не надо ни на кого обижаться.

Е. А. Во многом в отношении общества к тому или иному автору. Не все профессиональные авторы оставляют после себя что-нибудь стоящее. И наоборот, так называемые самодеятельные авторы иногда для нас открываются такой пронзительной гранью, что приходится жалеть, почему их не замечали, пока они были живы. Всё относительно.

А. П. Разница в качестве художественных произведений. Для профессионального писателя литература – способ жизни, а для самодеятельного – занятное хобби.

– Что такое – хорошая литература?

Е. К. Я думаю, что это понятие для каждого человека индивидуально. Конечно, наука может дать какие-то определения. И, наверняка, они есть. Но в жизни... Если произведение пронзило, озарило, взволновало, заставило думать, размышлять, сверять свои поступки... Если не забыл через день, через месяц, через год... Значит, хорошая литература.

Е. А. Для меня хорошая литература – это когда читаешь, и кинтылѳ (пробирает холод). Хорошие книги остаются с тобой на всю жизнь, мысленно к ним возвращаешься как в дом, где было тепло и уютно, где получил особые эмоции.

А. П. Хорошая литература – это хорошая литература. Говорят, что о вкусах не спорят, но это о хороших вкусах не спорят. Настоящая литература как раз спорит о человеке и за человека, чтобы он не жил с дурным вкусом.

Говорят, что о вкусах не спорят, но это о хороших вкусах не спорят. Настоящая литература как раз спорит о человеке и за человека, чтобы он не жил с дурным вкусом».

– В Республике Коми параллельно существуют литературы на коми и русском языках. Каковы особенности каждой из них, есть ли точки пересечения?

Е. К. Когда-то в одном из интервью я сравнила литературу нашей республики с птицей, у которой два крыла: коми литература и русская. Чтобы лететь вперёд, надо, чтобы оба крыла были крепкими. Мы в Союзе писателей занимаемся и русской, и коми литературой. Работают два литобъединения, каждый год проводим республиканские литературные семинары, чередуя коми и русский, конкурс «Новые имена» для литературно одарённой молодёжи, Летний университет юных филологов. У нас очень развита школа перевода, в прошлом году провели всероссийский семинар молодых переводчиков, подготовили к изданию книгу переводов. У многих наших авторов творческая дружба.

Е. А. Как-то прочитав моё стихотворение в переводе, Надежда Александровна (Мирошниченко) вос-

кликнула: «Это же совсем другое!» Я тоже часто удивляюсь, читая русских поэтов: откуда такие мысли у них берутся?.. Это же совсем другое! Точки пересечения тоже есть. Это естественно. Среда со-обитания, переплетение судеб, смысловых пластов. Тем более, при переводе неизбежно происходит взаимообогащение культур. Переводчику так или иначе приходится окунуться в культуру переводимого им автора.

А. П. В основном литература и на русском, и на коми защищает одни и те же нравственные ценности, эстетические ценности могут отличаться, но это зависит не от национальной принадлежности, а от индивидуальности.

– В чём самобытность литературной традиции региона? Что она значит для культуры России, мировой культуры в целом?

Е. К. В обстоятельности и в проникновении в сущность вещей. Особенно ярко проявляется в литературе конца XIX и всего XX века. Нам есть чем гордиться, произведения наших писателей до сих пор привлекают достаточно серьёзных исследователей и последователей.

Е. А. Самобытность литературной традиции проявляется в сюжетах, героях, знании природы, глубине мысли. Значение литературы на коми языке в контексте культуры России и мировой культуры зависит от того, смогут ли наши авторы перешагнуть за границы своего региона. А это зависит от качества переводов и значимости их произведений.

А. П. Литературная традиция республики – это продолжение иска-

ний классической русской литературы и в основном в классических формах. Что не просто. Классическая лира гораздо тяжелее, чем постмодернистская. Мировое внимание к нашей литературе пока крайне незначительное. Но всё ещё впереди.

– Какие писательские истории, судьбы писателей Коми края могут считаться наиболее показательными или служить примером для подражания?

Е. К. Ни одно произведение ни одного писателя не должно быть примером для подражания. Каждый писатель должен найти свой путь в литературу. Иначе он не будет писателем. В этом суть литературного творчества. А вот судьбы писателей Коми края и их творческое наследие довольно интересны, они до сих пор будоражат умы творческой элиты. Это и Иван Куратов, и Каллистрат Жаков, и учёный Питирим Сорокин, литературное творчество которого ещё в должной мере не изучено.

Е. А. Судьбы Ивана Куратова, Каллистрата Жакова, Ивана Торопова, Геннадия Юшкова.

А. П. Становление литературы на русском языке в нашей республике начинается именно с того момента, когда появилось литературное объединение «Сыктывкарская мастерская», которое возглавляла Надежда Мирошниченко. Оно сконцентрировало вокруг себя литературную ситуацию на русском языке и, более того, дало толчок и развитию литературы на коми языке, сюда ведь входили и известные коми писатели. Конечно, литература на русском языке была и до этого: сама На-

дежда Мирошниченко, Виктор Кушманов, Василий Журавлёв-Печорский – но это скорее исключения, чем правило. Литературный процесс на русском языке начинается именно с литобъединения Надежды Мирошниченко. Ведь смысл литературного объединения не в том, чтобы научить человека писать, этому не научишь, оно помогает таланту человека раскрыться. В этом смысле Надежда Мирошниченко помогла многим: «Сыктывкарскую мастерскую» прошли Г. Спичак, В. Салтанова, А. Попов, Т. Ломбина, А. Шабанов, Д. Фролов, С. Журавлёв, А. Пашнев, А. Расторгуев и многие другие известные сегодня писатели.

– Какие книги или литературные сюжеты в истории литературы Коми края можно назвать ключевыми?

Е. К. «Биармия» Каллистрата Жакова, «Последние дни Перми Великой» Михаила Лебедева, «Трипан Вась» Вениамина Чисталёва, «Мальчик из Перми Вычегодской» Владимира Тимина.

Е. А. Я бы назвала книги: «Парма съёлöмын» Павла Доронина, «Алöй лента» Василия Юхнина, «Регыд дас квайт» Ивана Торопова, «Чугра» Геннадия Юшкова, поэзию Ивана Куратова, Вениамина Чисталёва, Виктора Савина, Альберта Ванеева.

А. П. Творчество Ивана Куратова.

– Как надо писать сегодня? Есть ли универсальный набор востребованных сегодня литературных тем и сюжетов?

Е. К. Упаси Бог каждого писателя от универсального набора востребо-

ванных и сегодня, и когда бы то ни было литературных тем и сюжетов. Нельзя писателю идти по проторённой дорожке. Среди писателей бытует такое высказывание: «Научить кого бы то ни было стать писателем – невозможно». Можно только подсказать, поправить, проконсультировать молодых, начинающих. А искать, по какому пути идти, писатель должен сам. Если, конечно, он писатель.

Е. А. Писать надо интересно, увлекательно, и так, чтобы читателю раскрылась суть сказанного. Сегодня, думаю, больше всего востребованы сказки, приключенческая литература, фэнтези, исторические повести. Темы и сюжеты могут быть разные. Но я предпочитаю читать литературу, в частности, поэзию, которая подталкивает к размышлениям.

А. П. Писать надо хорошо и искренно. Это будет востребовано всегда.

– Что будет с миром, если исчезнет литература?

Е. К. В настоящее время обще-

ство озадачилось вопросами воспитания молодого поколения. В Госдуме даже готовят какой-то законопроект по патриотическому воспитанию. И проблема, действительно, существует. А дело в том, что из школьной программы уже давно вытеснили литературу. Хорошая литература воспитывает личность, заставляет думать, сопереживать, расти нравственно и духовно.

Е. А. Не могу представить мир без литературы. Думаю, она не исчезнет, человеку свойственно стремиться к мысли, к слову. Мысль в течение веков выражали по-разному: наскальные рисунки, иероглифы, скульптуры, картины, фильмы, наконец. Как средство передачи информации, слово всегда занимало особое место. Будут меняться стили, трансформироваться жанры, но пока есть Слово, будет и литература.

А. П. Мир будет жить без литературы. Можно ли прожить без Пушкина? Можно. Но это будет другая жизнь. Мне думается, что с Пушкиным жить интересней.

Как всё начиналось:

писательская организация в 1920-е гг.

Уже в первые годы после октябрьской революции 1917 г. в Коми крае был образован ряд комиссий, объединений, культурно-просветительских кружков, направлениями деятельности которых, кроме всего прочего, являлись также создание и развитие литературы на коми языке.

Так, в 1918 г. в с. Помоздино В. Т. Чисталёв, И. Т. Чисталёв, А. А. Маегов, Н. А. Шахов и Ф. В. Попов создали организацию «Коми автономист-социалист чукӧр» (Группа коми автономистов-социалистов), задуманную в качестве политической партии, но впоследствии занимавшуюся культурно-просветительской деятельностью: её участниками решался вопрос о преподавании в младших классах школы на родном языке, на сельской сцене ставились переводные и оригинальные спектакли. В 1918 же г. в УОНО (Усть-Сысольский отдел народного образования) образована «Комиссия по собиранию и созданию зырянской литературы для школ и народа» («Коми комиссия»), занимавшаяся формированием учебников, программ и литературы для коми школ. Среди наиболее активных её членов были И. Т. Чисталёв, А. А. Цембер, А. А. Маегов, В. И. Лыткин, В. А. Молодцов и др. От имени комиссии И. Т. Чисталёв обратился тогда ко всем, кто не равнодушен к коми языку и литературе: «Главная цель комиссии – создать, поставить на ноги коми литературу. Что будут читать коми дети в школе на коми языке? Нет у нас такой литературы, как у русских, нет Пушкиных, Гоголей... Не падайте духом, сыновья коми народа! И у нас может быть литература, только нет её ещё. Надо поднять её, взяться всем за её создание». Своей главной задачей комиссия считала создание оригинальной художественной литературы на коми языке для школ и

Елена ЕЛЬЦОВА

Елена Власовна Ельцова, коми поэт, член Союза писателей России с 1998 года, автор сборников стихов: «Кассяна во», «Аскиа лун водзын», «Кадлӧн воськовьяс», «Утренний дождь» (Таллинн), «Кодзула зэр». Лауреат Литературной премии имени А. Е. Ванеева, премии «Лучшая книга года».

населения. Она сыграла важную роль в деле активизации начинающих коми авторов, в объединении творческих сил для формирования национальной литературы: прежде всего, она сплотила вокруг себя коми поэтов – М. Лебедева, В. Чисталёва, В. Савина и т. д. Кроме того, существовали и другие менее известные литературные организации: объединение «Коми котыр» (Коми сплочение), группа при Усть-Сысольской учительской семинарии «Коми гижысь чукор» (Группа коми писателей), чья деятельность также была направлена на создание коми литературных произведений. При этом единой, объединяющей все эти группы коми писательской организации в те годы в Коми крае ещё не существовало.

12 марта 1926 г. была создана КАПП (Коми ассоциация пролетарских писателей) – региональное отделение ВАПП (Всероссийской ассоциации пролетарских писателей). В оргкомитет ассоциации вошли В. А. Савин, А. Н. Надеев, И. Г. Коюшев. По результатам первого общего писательского собрания произведения коми писателей начали регулярно публиковаться на литературной странице «Коми гижом» (Коми письмо) газеты «Коми сикт» (Коми село). Уже за первые 7 месяцев существования КАПП в состав писательской организации был включён 31 автор. Большая часть членов КАПП проживала в Усть-Сысольске, остальные – в сёлах и деревнях Коми автономной области. С момента создания ассоциация сразу же начала активную литературную, культурно-просветительскую деятельность и продвижение коми литературы среди населения. Так, 21-22 августа 1926 г. в Усть-Сысольске провели I областную конференцию КАПП, во время работы которой обсуждались вопросы дальнейшей деятельности коми писательской организации и развития коми литературы. Проводилась активная агитация писательской работы на родном языке среди селькоров и коми населения.

Осенью 1926 г. начал издаваться литературно-художественный и общественно-политический журнал «Ордым» (Пресека), в котором для публикации художественных произведений коми писателей выделили раздел «Коми гижодчукор» (Подборка коми произведений). Уже в первом, ноябрьском номере журнала сообщалось об основных задачах КАПП, среди которых выделялись: объединение коми писателей для их более успешной работы над созданием коми литературы; поиск и принятие в КАПП новых начинающих писателей из числа селькоров с целью их переориентации и обучения профессиональному писательству; проведение среди членов ассоциации образовательной работы с пояснением важности писательской работы, современных требований к литературе, с экскурсами в историю литературы различных народов (русских, удмуртов и т. д.); ознакомление читателей с целями и задачами коми литературы, с необходимостью издания коми книг. Данную работу предлагалось проводить прежде всего среди молодёжи.

В 1928 г. в 5 номере журнала «Ордым» опубликована большая статья «Коми гижысьяслон могъясис котыртчом боксянь» (Задачи коми писателей с точки зрения объединения) Н. П. Попова (Жугыль), посвящённая работе КАПП. Среди основных задач писательской организации, выделяемых им,

также названы: оказание помощи молодым, начинающим писателям в работе над созданием художественной литературы, а также писателям, уже вступившим в КАПП, посредством обсуждения написанных ими произведений, публикации в журнале «Ордым» критических статей на эту тему. Важным условием работы коми писательской организации Жугыль считал также и налаживание творческих взаимосвязей КАПП с писателями, проживающими в отдалённых районах и сёлах, знакомство с их творчеством. Связь эта, по мнению автора, должна осуществляться КАПП через газеты и журнал «Ордым», а также в результате личной переписки с авторами. Помимо этого, в статье поднимаются вопросы создания единого коми литературного языка, включения родственных коми-пермяцких писателей в состав КАПП, а также вопрос создания специального литературного журнала, альманаха: существование лишь литературного раздела в журнале «Ордым» автор считает недостаточным для активно развивающейся литературы.

В сентябре 1928 г. состоялась II областная конференция КАПП. Она была посвящена вопросам дальнейшего развития коми литературы, книгоиздания и распространения литературы. Среди основных результатов работы ассоциации на этой конференции выделялись: рост издания коми художественной и учебной литературы; улучшение качества издаваемой литературы; рост профессионализма коми писателей, таких как В. А. Савин (Нёбдінса Виттор), Н. П. Попов (Жугыль), В. И. Лыткин (Илля Вась), В. Т. Чисталёв (Тима Вень), Е. В. Колегов; количественный рост числа авторов, пишущих на коми языке; активное и качественное развитие коми литературы. В дальнейшем КАПП предлагалось: сделать журнал «Ордым» полностью литературным, а газету «Югд туй» комиязычной; публиковать в журнале «Ордым» также и произведения коми-пермяцких писателей; на страницах периодической печати публиковать больше критических статей о коми литературе; привлекать к созданию коми литературы больше талантливой молодёжи; издавать больше художественной и детской литературы; распространять коми литературу среди сельского населения. Кроме того, в ходе работы конференции были выявлены и существующие на тот момент проблемы: отсутствие критики, способной указать писателю на его ошибки и направить его правильным путём, недостаточное развитие и публикация коми художественной прозы, детской литературы, бедный, скудный язык многих произведений молодых, начинающих авторов. Пристальное внимание во время работы конференции было уделено выработке норм коми литературного языка, налаживанию творческих взаимосвязей с коми-пермяцкими писателями.

Коми ассоциация пролетарских писателей в 1920-е гг. стала той литературной организацией, которая объединила существовавшие на тот момент разрозненные писательские группы, отдельных писателей, начинающих авторов, подготовив их для дальнейшего вступления в Союз советских писателей и став основой для создания его регионального отделения.

История в фотографиях:

Коми писательская организация
в 1918–1930-е гг.

**Диана
ХОЛОПОВА**

Диана Григорьевна Холопова родилась в 1949 году в д. Джеджим Усть-Куломского района. Закончила коми отделение филологического факультета КГПИ. Преподавала коми язык и литературу в Шерьягской школе Усть-Куломского района, была директором этой же школы. В 1975 году – научный сотрудник Литературного музея И. А. Куратова, с 1988 года – заведующая музеем.

Много интересных и важных событий произошло в становлении коми писательской организации после революции 1917 года – об этом рассказывает коллекция фотографий, хранящихся в Литературном музее И. А. Куратова – отделе Национального музея РК. Каждый из этих снимков является уникальным документом и повествует не только о развитии литературы этого периода, но и о судьбах писателей.

СПУСТЯ год после революции 1917 года, 26 ноября 1918 года постановлением исполкома Усть-Сысольского уездного Совета при УОНО организована «Коми комиссия» – комиссия по собиранию и созданию зырянской литературы для школ и народа. Её инициатором выступил инструктор УОНО (уездного отдела народного образования), видный деятель культуры и образования В. А. Молодцов. Членами Коми комиссии стали наиболее активные представители молодой коми интеллигенции: В. И. Лыткин, В. А. Савин, А. А. Маегов, А. А. Цембер, Д. Я. Попов, И. Т. Чисталёв, В. А. Молодцов, А. А. Суханова, А. Н. Надеев и др. Их фотографии экспонируются в зале музея.

О целях и задачах комиссии в её уставе было сказано следующее: «Назначение комиссии – быть руководителем по обеспечению школы и населения литературой на родном языке. Для этой цели она мобилизует все литературные силы народа и направляет соответственно своим задачам».

В разгаре своей деятельности комиссия вы-

ступила с двумя обращениями. Первое из них касалось широких слоёв населения и содержало призыв собирать народные песни и сказки. Автор второго обращения, поэт и деятель народного просвещения И. Чисталёв, призывал грамотную коми молодёжь «приступить к созданию письменных литературных произведений на коми языке с тем, чтобы в ближайшее время можно было использовать их в коми школах».

К 10-летию образования комиссии В. И. Лыткин выступил в Москве с докладом перед студентами Коми области на коми языке. Он сказал следующее: «1928 вося ноябрь 26 лунö тыри дас во медводдза Коми литературной организация лосьодомсянь... Сэни уджалысьясыс лыддисны асьыныс дай мукöдъяслыс гижöдъяссö, донъялысны, критикуйтисны. Кутшöм вöли лосьыд, кутшöм вöли долыд сёлöм выланым. Кутшöм вöли мичаöсь, чöскыд кöраöсь революцияөн быдтöм дзоридзясыс, медводдза коми гижöдъясыс!»

Мый вöчис тайö комиссияыс – ставсö он вермы висътавны. Сийö котыртис ас гөгöрыс коми гижысьясöс, дорис коми гижöд кыв, сылön водзмöстчöм серти школаясö пыртисны коми кыв. Комиссияса членъяс лосьодисны уна коми гижöд. Тайö литературной организация подув вылас лоис Коми издательство. Комиссиялön могыс дай уджыс зэв ыджыд вöли, торйөн нин коми литература да ставнас коми культура сөвмөдöмын».

(26 ноября 1928 года исполнилось десять лет со дня основания первой Коми литературной организации... Её участники прочитали свои и чужие произведения, дали оценку, подвергли критике. Как было хорошо, как было радостно на сердце. Какими красивыми, ароматными были возвращённые революцией цветы, первые коми произведения).

Что проделала эта комиссия – невозможно всё рассказать. Она сплотила вокруг себя коми писателей, развивала коми письменный язык, по её инициативе в школах ввели коми язык. Члены комиссии создали много произведений на коми языке. На основе этой литературной организации появилось Коми издательство. Цель и работа комиссии была огромной, особенно в развитии коми литературы и коми культуры).

Одним из самых активных членов комиссии В. И. Лыткин считал В. А. Савина. В своих воспоминаниях, опубликованных к 70-летию Савина в журнале «Войвыв кодзув», он пишет: «Виктор Алексеевич быд рыт вöли локтö-тотшсьöдö Комиссияö. Паськыд сера пальтоа, киняулас ичöтик папка. Локтас. Пукяс. Разьö папкаыслыс пельяссö. Ачыс зэв паськыда нюмъялö, мукöддырйиыс и «гир-гир» серöктылас. Ми видзöдам сылыс кыз папка разьöмсö, мөвпалам: «Мый бара гижöма?» Збыль, гижöма. Кыскас, бара «гир-гир» серöктас. Лыддыны кутас. Ми лöням, сёлöм тпкöмным кылö. Лыддьö. Лыддьöмсö унаыс вевтгылас гора серам. Мем тöдвылам уси, кыдзи Нёбдинса Виттор лыддылис «Пернапас», «Кыдъя роч», «Чöд вотöм», «Гöрд ань». Ёна шензылим Нёбдинса Виттор гижан сям вылö, мастерство вылö, ёна нимкодясим Виктор Алексеевич талант вылö...»

(Виктор Алексеевич каждый вечер приходил в Комиссию. В широком сером пальто, с небольшой папкой под мышкой. Проходит. Присаживается.

В. А. Молодцов

В. И. Лыткин

И. Т. Чисталёв

Развязывает папку. Сам очень широко улыбается, иногда громко смеётся. Мы смотрим, как он развязывает толстую папку, и думаем: «Что написал на этот раз?» Точно, написал. Вытаскивает, снова смеётся. Начинает читать. Мы затихаем, слышим своё сердцебиение... Читает. Его чтение много раз перекрывает громкий смех. Я помню, как Нёбдинса Виттор читал «Пернапас», «Кыдъя роч», «Чёд вотём», «Гёрд ань». Мы сильно удивлялись писательскому умению, мастерству Нёбдинса Виттора, восхищались его талантом...).

ЗНАЧИТЕЛЬНЫМ событием в культурной жизни Коми области стало проведение первой конференции литературных работников в Усть-Сысольске в августе 1923 года. Об этом свидетельствует фотография, хранящаяся среди материалов архива коми учёного А. С. Сидорова. Копия снимка экспонируется в зале «Коми литература первой трети XX века». В газете «Югыд туй» от 26 августа 1923 года имеется публикация основателя общества изучения Коми края, преподавателя Коми института народного образования и педтехникума А. Н. Грена «К съезду литературных работников Коми области». Следует привести некоторые выдержки из этой статьи: «...После появления алфавита Молодцова в несколько лет возродилась молодая зырянская литература, которая теперь насчитывает добрый десяток поэтов, драматургов (в первой половине 1920-х годов развитие получили поэзия и драматургия), появились зырянские учебники, зырянские статьи в газетах... Теперь, когда зырянская литература идёт полным ходом, необходимо ещё раз напомнить зырянским литературным работникам, что первую их задачу даже для установления литературного языка должно быть самое тщательное собирание всех произведений зырянской народной словесности... Только при собирании текстов со всех сторон Коми области может быть восстановлен настоящий зырянский синтаксис и литературный язык».

На конференции выступил В. И. Лыткин. Он сообщил о развитии коми литературы в

1860–1923 годах. О самых значимых именах этого периода сказал следующее: «И. А. Куратов, Г. С. Лыткин, К. Ф. Жаков – коми литературалӧн пельӧс ув изъяс. И. А. Куратов медводз петкӧдліс, кыдзи колӧ гижны коми кывбуръяс. Г. С. Лыткин велӧдіс, кыдзи колӧ лӧсьӧдны коми литературной кыв. К. Ф. Жаков вензис коми йӧз олӧм понда, коми кыв понда. Сійӧ коми йӧзыслысь олӧмсӧ петкӧдліс (кӧть рочӧн)».

(И. А. Куратов, Г. С. Лыткин, К. Ф. Жаков – это столпы коми литературы. И. А. Куратов первым показал, как надо писать коми стихи. Г. С. Лыткин научил, как надо создавать коми литературный язык. К. Ф. Жаков боролся за жизнь коми людей, за коми язык. Он показывал жизнь коми людей (хоть и по-русски).

Далее Лыткин подчеркнул, что в развитии новой литературы с 1918 года многое удалось сделать, теперь уже лучи солнца освещают литературную тропу, ведущую на новый большой путь развития.

Участниками этой конференции были самые активные деятели коми языка и литературы начала 1920-х годов. Среди них – В. И. Лыткин, А. А. Цембер, А. С. Сидоров, А. Н. Грен, Н. А. Шахов, Н. П. Попов, А. А. Суханова, П. Г. Доронин и др. Личности на фотографии удалось установить заведующей Литературно-мемориальным музеем И. А. Куратова Т. А. Чисталёвой вскоре после открытия музея, в 1971 году. В уточнении имён на снимке помощь музею оказал преподаватель коми языка и литературы педтехникума, а затем пединститута, составитель учебников по коми и русскому языкам И. И. Тарабукин. О судьбах большинства участников этого собрания многое известно из научных работ исследователей коми языка и литературы.

На конференции присутствовали представители Коми-пермяцкого округа В. И. Дерябин и Я. А. Кривощёков. Музей располагал очень скудной информацией об этих людях, лишь из воспоминаний В. И. Лыткина знали, что В. И. Дерябин с 1922 года стал писать стихи. Перелистывая историко-краеведческое приложение к газете «Рес-

В. А. Савин

А. Н. Грен

А. А. Цембер

В. Т. Чисталёв

А. Н. Надеев

Е. В. Колегов

публика» – «Дым Отечества», автор данной статьи выявила публикацию бывшего журналиста, ныне консультанта Верховного суда РК А. В. Голосова. В статье «Служили два товарища» от 20 декабря 2014 года А. Голосов сообщает: «В судьбе двоих коми-пермяков – Якова Кривощёкова и Василия Дерябина – много общего. Оба родились в глухих селениях Пермского края, участвовали в Первой мировой войне, защищали советскую власть в Гражданскую войну, трудились, приближая светлую мечту – коммунизм, подверглись репрессиям... Оба оставили и след в послереволюционной истории Коми республики».

После Гражданской войны земляки встретились в Усть-Сысольске. Дерябина избрали членом Коми областного суда. Позднее он стал помощником прокурора Коми области, а его земляк Я. Кривощёков с 1 февраля 1923 г. более полутора лет работал в должности заместителя председателя суда, возглавляя уголовный отдел. Осенью 1924 г. он был начальником административного отдела и милиции Коми облисполкома. Кроме этого сказано о том, «что Дерябин пробовал перо и в стихотворчестве – писал стихи, перевёл на коми-пермяцкий язык «Интернационал». На конференции литературных работников, проходившей в 1923 г., он говорил о создании единого для всех говоров коми литературного языка».

Я. А. Кривощёков после образования Коми-Пермяцкого округа в 1925 году был назначен окружным прокурором, затем секретарём окрисполкома. В 1930–1935 годах служил в Красной Армии, в Ленинградском военном округе. После демобилизации был назначен председателем Коми-Пермяцкого окружного совета добровольного общества ОСОАВИАХИМ. В 1937 году за «контрреволюционную деятельность» обоих – и Дерябина, и Кривощёкова, репрессировали. Я. А. Кривощёкова 8 сентября 1937 года расстреляли. В. И. Дерябин, по словам А. В. Голосова (подтверждающий документ хранится в Ижемском краеведческом музее), более двух лет находился под арестом, но обвинения против бывшего

председателя Ижемского райисполкома (работал на этой должности перед арестом) так и не подтвердились.

Как известно, участники конференции 1923 года высказали мнение о создании коми ассоциации пролетарских писателей. А В. Савин в своих воспоминаниях о конференции сказал следующее: «Ме эг вöv тайö конференция вылас (ветлі Уралö), да ог төд, кыдзи да мый сёрнитісны сэні. Но материалъяс сертиыс тыдалö, мый тайö конференцияыс вöчöма. Медтöдчана уджыс – пуктöма подув котыртчöмлы...» (Меня не было на этой конференции (ездил на Урал), и не знаю, как и что там говорили. Но из материалов видно, что осуществила эта конференция. Самая значимая работа – заложена основа организации...).

В МАРТЕ 1926 года в газете «Коми сикт» публикуется статья «Коми гижысьяс, öтувтчöй» (Коми писатели, объединяйтесь). Автор статьи под псевдонимом А. Чард высказал мысль о необходимости объединения писателей в единую ассоциацию с целью привлечения и обучения молодых авторов, совместного обсуждения литературных произведений и создания литературного журнала. Это был А. Н. Надеев. Он в 1925 году окончил Академию коммунистического воспитания им. Крупской в Москве и в 1926 году работал заведующим Коми книжным издательством.

12 марта 1926 года состоялось организационное собрание, положившее начало КАПП. Тогда же было избрано временное правление организации, в состав которого вошли И. Г. Коюшев (в 1930-е годы – председатель Коми облисполкома), А. Н. Надеев (в 1930-е годы – зам. председателя Коми облисполкома, гл. редактор учебной литературы Коми кн. изд-ва) и В. А. Савин. В августе 1926 года состоялась первая конференция КАПП, на которой обсудили пути развития коми литературы и избрали правление в составе В. А. Савина, И. Г. Коюшева, Н. П. Попова. К 40-летию образования КАПП Н. П. Попов (Жутыль) в журнале «Войвыв кодзув» опубликовал воспо-

Н. А. Шахов

А. А. Суханова

Н. П. Попов

минание о создании КАПП и о её задачах сказал следующее: «КАПП водзын сулаліс мог – кыскыны литературной уджэ выль, том гижысыяс уджалысь йоз пөвстысь. Тайё уджыс медводз заводитчис селькорьяс пөвстын, совпартшколаын да шөр школаясын велөдчысыя пиын... 1926 вося августын муніс КАПП-лөн первойя конференция. Сэки нин организацияын вөлі 30 член. Гижысыя кындзи сәні вөліны и публицистыя. Сійё восяс публицистыя вермысны сетны отсөг коми художественной литературалы литературной кыв озырмөдөмын, критика сөвмөдөмын, селькорьяс пиысь писателясыс быдтөмын. Сэся КАПП-ө пырысны и переводчикьяс, медым коми йөзөс паськыджыка төдмөдны роч литератураөн... КАПП-лы колө вөлі лөсьөдны ассыс литературной печатной орган... Партиялөн Коми обком шуом серти 1926 вося октябрь төлысянь кутіс петны «Ордым» журнал. Сійё вөлі общественно-политической журнал, лэдзис ВКП(б) обком быд төлысь өтчюд. Обком пыртіс редколлегияө өти писательөс, индіс сійөс редакторөн, журналын сетіс литературной места... Журнал редакцияө Коми мулөн став пельөсыясянь уна авторсянь кутісны воавны кывбурьяс, висьтыя. ...1927 воын май да июнь төлысыяся номерьясын В. А. Савин аслас критической статьяын гижис, мый сы ордын эмөсь кывбурьяс да прозаа гижөдьяс 127 авторлөн...»

(Перед КАПП стояла задача – привлечь к литературной работе новых молодых писателей из числа работающих людей. Эта работа в первую очередь началась среди селькоров, учащихся совпартшкол и средних школ. В августе 1926 года прошла первая конференция КАПП. Тогда уже в организации было 30 членов. Кроме писателей там были и публицисты. В те годы публицисты оказывали помощь в обогащении литературного языка, в развитии критики, в воспитании писателей среди селькоров. Затем в КАПП вступили и переводчики, чтобы шире ознакомить коми народ с русской литературой... КАПП предстояло создать свой литературный печатный орган... По решению Коми обкома ВКП(б) с октября 1926 года стал выходить журнал «Ордым». Это был общественно-политический журнал, издавался обкомом ВКП(б) раз в месяц. Обком включил в редколлегию одного писателя, назначил редактором, дал в журнале литературное место (редактором стал А. Н. Надеев – прим. авт.)... В редакцию журнала стали приходиться стихи, рассказы многих авторов со всех уголков Коми земли. ...В майском и июньском номерах 1927 года В. А. Савин в своей критической статье написал, что у него находятся стихи и прозаические произведения 127 авторов...)

Далее Н. П. Попов отметил, что именно в это время на страницах журнала появились первые произведения И. И. Сажина (Ичөт Иван), И. Н. Симанкова (Сим Вань), Г. А. Фёдорова (Педь Гень), И. В. Изьюрова (Изьюр Иван), П. А. Шеболкина (Выль Паш), И. М. Вавилина (Баярса Иван), Я. И. Чупрова (Биа Огыр), В. И. Елькина (Иван Вась), И. И. Пыстина (Иливапыс), П. Г. Доронина, Д. В. Конюхова (Вась Мить) и др. Фотография с участниками конференции также хранится в фондах музея, среди них – А. А. Чеусов, Е. В. Колегов, В. А. Савин, В. Т. Чисталёв и др.

Сентябрь 1928 года был ознаменован второй конференцией КАПП. Снимок с участниками конференции передал в музей В. И. Лыткин. На оборотной стороне фотографии имеется его автограф на коми языке:

Тӧвнырӧн водзӧ шутӧвтӧ олӧм:
Некыдзи сійӧс он домав, он кут...
Мӧдӧда Выль вося би кодъ пӧсь чолӧм,
Сӧлӧмсянь сия кузь нэм да бур шуд!

Такое необычное поздравление с Новым годом отправил своему другу, коми драматургу Н. П. Попову В. И. Лыткин в 1956 году.

Ещё одна интересная история связана с этой фотографией. О ней в конце 1970-х годов в музее поведал также В. И. Лыткин. На фотографии В. Савин и В. Лыткин находятся рядом. Лыткин в начале 1928 года вернулся из

*Коми и коми-пермяцкие писатели – участники второй конференции КАПП. г. Усть-Сысольск, 1928 г.
В первом ряду (слева направо): В. Чисталёв (2-й), Ф. Тараканов (3-й), В. Савин (4-й), В. Лыткин (5-й), М. Лихачёв (6-й), на переднем плане в очках – Н. Шахов.
Во втором ряду: В. Дерябин, Н. Попов, М. Мишин.*

научной командировки в Финляндии и Венгрии и одевался по-европейски модно, носил шляпу с полями. А Виктор Савин в молодые годы также носил шляпу. Перед съёмкой он попросил Лыткина поменяться головными уборами, поэтому на фотографии Виктор Алексеевич в шляпе, а Василий Ильич – в кепке Савина.

III конференция КАПП состоялась в октябре 1930 года. На этом мероприятии присутствовали как известные уже в то время писатели, так и молодые, в частности, рядом с В. Савиным находится И. Пыстин, заявивший о себе во второй половине 1920-х годов. На конференции обсуждался вопрос создания кадров пролетарской коми художественной литературы. Кроме этого подверглись резкой критике пьеса В. Савина «Рытъя» (Вечернее) и рассказ В. Чисталёва «Трипан Вась» (Василий Трифионович). В пьесе автор якобы не показал новые формы классовой борьбы на селе. Несмотря на это, В. Савин был избран в правление КАПП и оставался ответственным за работу с молодыми авторами. А Чисталёва назвали «мелкобуржуазным писателем», защищающим кулацкую идеологию. В дни работы конференции его исключили из коми писательской организации. Но В. Чисталёва спасло от расправы вмешательство центральной прессы – он был вновь восстановлен в рядах КАПП. А между тем, как утверждал литературовед и доктор филологических наук В. Н. Дёмин, «рассказ «Трипан Вась» – это раздумье пи-

*Первая областная конференция коми писателей. Сыктывкар, 1934 г.
Во втором ряду в центре (слева седьмой) – В. Савин.*

сателя о своеобразии и психологических особенностях коми крестьянского характера, одна из вершин коми психологической прозы».

В 1932 году ЦК ВКП(б) было принято постановление «О перестройке литературно-художественных организаций». В этом документе сформулирована задача «объединить всех писателей... в единый Союз советских писателей». Исходя из требований постановления Центрального комитета партии, Коми обком ВКП(б) принял специальное решение о ликвидации Коми ассоциации пролетарских писателей.

В том же году был создан оргкомитет Союза писателей. В апреле 1934 года состоялась первая коми областная конференция писателей. Фотография её представлена в экспозиции. На собрании заслушали доклады об итогах XVII съезда партии, о развитии драматургии, поэзии, о состоянии и задачах критики, о литературном движении Коми области. Выступающими были И. В. Изъюров, В. А. Савин, П. А. Шеболкин. Тогда же избрали правление Коми отделения Союза писателей: Н. П. Попов стал председателем правления, М. П. Доронин – секретарём, членами правления стали В. А. Савин, В. Т. Чисталёв, П. А. Шеболкин, И. В. Изъюров, И. И. Оботуров. Но осенью 1937 года, точнее, с августа по ноябрь, все они были арестованы как «враги народа». После этого первый съезд Союза писателей Коми АССР состоялся только в 1958 году. На съезде из репрессированных писателей присутствовали Н. П. Попов, В. И. Лыткин и И. В. Изъюров; остальные литераторы, принявшие активное участие в становлении коми писательской организации, исключая П. Шеболкина (он находился ещё в заключении), погибли в тюрьмах и лагерях.

СЕГОДНЯ Союз писателей Республики Коми – одно из сильнейших региональных отделений Союза писателей России. Под его руководством постоянно проводятся творческие семинары для начинающих коми и русских авторов с целью выявления новых имён. По словам председателя правления Союза писателей Е. В. Козловой, в республике много талантливых, сильных писателей. Есть перспективные молодые авторы – и коми, и русские. Главной задачей Союза писателей Республики Коми считает создание новых художественных произведений, утверждающих достоинство человека и народа, обогащающих духовную культуру древней земли коми.

Точка зрения

НУЖНА ЛИ современному обществу ЛИТЕРАТУРА

**Надежда
МИРОШНИЧЕНКО**

Надежда Александровна Мирошниченко, русский поэт, народный поэт Республики Коми, член Союза писателей России с 1981 года, автор сборников стихов: «Русское сердце», «Полёт невозвратимый», «О любви», «Избранное» в 3-х томах и других. Лауреат государственной премии Республики Коми в области литературы, премии журнала «Наши современник», премии Союза писателей России и Республики Саха (Якутия) «Северная звезда», Большой литературной премии России, Международной премии «Имперская культура» имени Эдуарда Володина, Международной премии Славянской Академии литературы и живописи «Серебряное перо», премии Правительства Республики Коми в области литературы имени И. А. Куратова и лауреат конкурса Министерства национальной политики Республики Коми «Лучшая книга года». Лауреат Литературной премии имени А. Е. Ванеева.

– Литература в России всегда частично принимала на себя функцию религии, когда роль традиционных религий ослабевала. Потому многонациональная литература России и, в первую очередь, русская литература в XX веке, отринувшем все религии и заменившем, например, в православии соборное интернациональным, взяла на себя заботу о духовности и нравственности народа. И т. к. главный ущерб понёс русский православный народ (самый многочисленный в стране и многонационально-единый), именно русская литература не дала изменить и разрушить основные векторы его духовности и нравственности. Хотя попытки этого разрушения извне не прекращались никогда. И особенно видны стали за последние 30–40 лет.

Таким образом, все ведущие писатели России XX–XXI веков, осмыслив результат интернационального, т. е. исключая национального путь традиционного исторического развития русского и всех народов России, массово вернулись к анализу предшествующих литератур своих народов и русской литературы как литературы соборной, включившей через русский язык особенности и традиции всех литератур и национальных характеров народов нашей страны. Ещё и сегодня, постоянно говоря о тайне русского характера, очень редко кто осознаёт, что эта тайна в первую очередь состоит в наднациональном и надполитическом смысле нашего христианства, обобщившем национальные образцы духовности и нравственности, принятые нашими народами. И отличающем в чём-то Русское православие от христианства западного.

Исключив ревность и борьбу за места на бессмертном поприще литератур, русская литература через безграничные возможности Общего русского языка и присутствия в этом языке всех главных языковых групп (славянских, финно-угорских, тюркских) народов России объединила общий духовный результат в своих героях и культурах, сохранив в них особенности характеров и традиций северных, южных, западных и восточных народов нашего государства.

И пока религии не окрепнут, только русская литература, благодаря Общему, т. е. русскому языку, остаётся главной скрепой государства и Родины. Ибо при разрушении этих двух мощных Держателей Сути народного существования, необходимость и самого государства лишается смысла. И это хорошо понимают враги России.

В начале было Слово. И это Слово всегда было связано со своим продолжением – Делом. Русская литература и литературы всех народов России служат этому принципу и сегодня.

Галина БУТЫРЕВА

Галина Васильевна Бутырева, коми поэт, член Союза писателей России с 1997 года, автор сборников стихов: «Пас туй», «Бог с тобой», «Сёкатё, эзысьё, донай», «К портрету моей родины» и других. Лауреат премии Правительства Республики Коми в области литературы имени И. А. Куратова, лауреат Литературной премии имени А. Е. Ванеева.

– В первый момент, услышав этот вопрос, невольно задаёшься встречным вопросом: а о какой части современного общества говорить и о какой литературе?

Наверное, я попробую сказать о тех людях, которые составляют мой ближний круг, и о литературе, которой они интересуются или... не интересуются.

Моим друзьям нужна литература, с одной лишь оговоркой – хорошая ли-

тература. Но ещё одна оговорка: и нас, меня, моих одноклассников, однокурсников, коллег по работе (в разные периоды жизни...), просто близких и друзей, мне кажется, уже тоже в разной степени немного удалил от большой книги интернет... Да-да... Мы чаще сидим в нём, чем за большой книгой. Из современников я в последнее время читала Василия Воронина «В Загряжке нет американцев». От корки до корки, испытывая почти полузабытые чувства, когда хочешь читать не отрываясь и внутренне боишься, что книга ведь вот-вот уже и закончится... Это из прозы. А из поэзии, к сожалению, давно не держала в руках новую книгу, но зато частенько читаю подборки стихов в «Росписателе» (интернете). И это почти всегда очень интересные подборки. Буквально вчера читала стихи Надежды Мирошниченко. Сколько лет знаю её, не перестаю удивляться неиссякаемому её таланту, работоспособности...

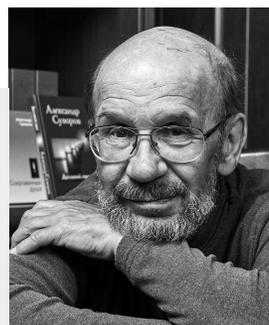
Вообще, должна признаться, обилие поэтов с одной стороны и радует и одновременно смущает... Все пишут стихи, рисуют картины и т. д и т. д.

Все творят! Плохо ли? Прекрасно! Но почему это должно стать достоянием всех? Начитаешься такой поэзии или прозы и... сами понимаете, что может произойти.

Поэтому я желаю всем искать свою прозу, свою поэзию, свою литературу. Недаром же кто-то из великих говорил, чтобы понимать живопись, например, стоит пересмотреть тысячи картин, обойти десятки, сотни музеев... Смотреть – значит учиться... То же самое с художественным словом: читать, слушать – значит учиться слышать красоту слова...

Александр СУВОРОВ

Александр Васильевич Суворов, русский поэт, член Союза писателей России с 1995 года, автор сборников стихов: «Чёрный ящик», «Память огня», «Вещий ветер», «Сокровенная душа», «Из одного колодца», «Непрерывное время» и прозы: «Дальний свет». Лауреат премии Правительства Республики Коми в области литературы имени И. А. Куратова. Лауреат Литературной премии имени А. Е. Ванеева.

– Нужна ли современному обществу литература? Вопрос риторический. Конечно, нужна. Художественная литература поддерживает общественную эмоциональную сферу в тонусе и не даёт ему скатиться в невозвратную яму бездушия. Другое дело, что общество неоднородно: кто-то дня не может прожить, чтобы не прочесть хотя бы несколько страниц, а кто-то всю жизнь умудряется не прочитать ни одной книги. И речь не только об исконном человеческом любопытстве и стремлении к новизне. Чтение стихов и прозы – большой и напряжённый труд, а сегодня вокруг огромное количество лёгких возбудителей нервных окончаний, которые буквально лезут в глаза из всеядного интернета и

с отупляющих телеэкранов: всё разжёвано и упаковано в яркие обёртки. И всё равно без настоящей, возвышающей душу литературы не обойтись: она мудро живёт сама и освещает жизнь общества таинственным, животворным светом. Я, конечно же, не имею в виду литературный ширпотреб и море интернетной графомании, которые повсеместно и надоедливо снижают планку общественной культуры. Речь идёт о подлинной поэзии – и в стихах, и в прозе, которая тревожит, удивляет, вселяет надежду и веру, заставляет сверять свою жизнь с высокими образцами человеческого духа. Важно только найти, выбрать в информационных завалах эти истинные образцы. А их невозможно все перечислить. А. Пушкин, М. Лермонтов, Л. Толстой, Ф. Достоевский, Н. Некрасов, И. Тургенев, С. Есенин, А. Ахматова, В. Астафьев, В. Распутин, вся высочайшая русская и не только русская, но и национальная литература, океан иностранной прозы и поэзии, произведения современных поэтов и писателей живут и дышат рядом с нами, и было бы непростительной ошибкой не познакомиться и не подружиться с этими великими соседями. Я часто выступаю перед читателями в библиотеках, в школах и вижу, с каким неподдельным интересом и дети, и подростки, и взрослые, буквально не дыша, внимают стихам, как ответно горят их глаза, как искренно они выражают свои чувства. Значит, есть у моих современников подспудная потребность в художественной литературе. Жаль только, что лучшие книги, в отличие от всепроникающего чтива, с большим трудом доходят до полок домашних библиотек. Нынешние тиражи и непонятная книжная торговля не способствуют всенародному книгораспространению. Впрочем, бывшие ещё недавно предметом гордости и признаком хорошей культуры личные библиотеки становятся исторической редкостью. Наверно, читатели уже поняли, что ставить рядом тома, скажем, Дарьи Донцовой и Антона Чехова нельзя, к тому же вся мировая литература сегодня легко умещается в памяти электронной книги или смартфона. И кто знает, что читает сейчас, сидя в автобусе и уткнувшись в экран своего телефона, вон та миловидная девушка и какая увлекательная книга прячется в рюкзаке вон того молодого человека, мчащегося на скутере. Им никак не обойтись без литературы, потому что они должны и хотят быть и оставаться людьми. Тем более, что к уже написанным и изданным стихам, рассказам, повестям, романам каждый час на нашей планете добавляются новые произведения поэтов и писателей. И если их не прочитывать, жизнь человечества станет духовно беднее, заземлённее, скучнее. Не хлебом же единым.

* * *

Не заросла чертополохом
Поэзия в сердцах людских.
Живёт меж выдохом и вдохом
Одушевлённый, честный стих.
И это тот счастливый случай,
Когда, молитвенно дыша,
В потоке искренних созвучий
Растёт и полнится душа.

И омывается, как кровью,
Её невидимая грусть
Не ненавистью, а любовью,
Чтобы запомнить наизусть.

**Елена
ГАБОВА**

Елена Васильевна Габова, народный писатель Республики Коми, член Союза писателей России с 1989 года, автор более 30 книг для детей. Лауреат Международной литературной премии В. Крапивина, лауреат международного Конкурса детской и юношеской художественной литературы им. А. Н. Толстого, Всероссийской литературной премии им. П. Бажова, премии Правительства Республики Коми в области литературы имени И. А. Куратова.

– 75 лет Победы в Великой Отечественной войне отмечали странно. Эпидемия заточила всех в квартиры, кто-то уставился в затхлый телевизор, кто-то взялся за книги про войну. И школьники читали про войну, им нужно было писать сочинения по «военной» тематике. Книга одного сыктывкарского лицеиста попала мне в руки. Хорошая книга из серии «Школьная библиотека», сборник, в котором произведения о молодых людях, попавших в самое военное пекло. Не люблю предисловий, но тут его написал критик Игорь Дедков, которого уважаю. Были в нём такие слова: «Не за победными трофеями возвращается настоящая литература на поля давних сражений, и если ищет кому славы, то обыкновенному человеку нашей страны, сумевшему выстоять и восторжествовать. Да и не славы она ищет, а хочет понять, каким он был, тот человек, спасший нашу землю от фашистского нашествия? Какими они вообще были, вставшие от края и до края. Ведь было в них наверное что-то, что не позволяет угаснуть вечной надежде на лучшее и светлые, чистые силы человека?»

«Падучая звезда» Сергея Никитина, «Убиты под Москвой» Константина Воробьёва, «Сашка» Вячеслава Кондратьева, «Самоходка номер 120» Константина Колесова – замечательные повести о молодых солдатах, настоящая литература, которая рассказывает читателю, каким был тот человек. Два произведения сборника мне были знакомы – «Падучая звезда» и «Сашка». И так как «Падучая звезда» стояла по списку первой, захотелось мне её перечитать. Она помнилась мне как нечто чистое и большое, и образ молодого человека был чистый, который... Конечно, тут можно допустить и спойлер, но пока не хочу. Ещё эта книга помнилась мне замечательным русским языком. Небольшая эта повесть тогда, после первого прочтения (а было мне лет 15), меня потрясла.

Это вот так. Живёт человек, знакомый тебе. Добрый чудесный, с богатым внутренним миром. Не особенно он тебе близкий, не из первого твоего окру-

жения. Но тебе достаточно, что ты его знаешь и, главное, знаешь, что он очень хороший, что не сделает подлость, что сможет помочь, когда потребуется помощь. И тебе от этого хорошо. И вдруг неожиданно узнаешь, что его больше нет. Погиб или умер от болезни. И ты испытываешь шок: как так? Был и нет? Нет этого чудесного человека, и нет больше его внутреннего мира? Пустота.

Так и с повестью этой. Она начинается просто: «Идёт война. Молодой солдат Митя Ивнев сидит в окопе и ждёт сигнала наступления». Военных строк всего несколько, прочитываешь их и забываешь, потому что автор начинает рассказывать о довоенном Мите Ивнeve, обычном парне российской глубинки. О его детстве-юности, о его связи с природой, с ровесниками, со стариками-философами, о семье, о любви к маме... И так хорошо написано про этого Митю и такой он милый и добрый, что ты уже любишь героя, забыв, что он солдат уже, ждёт сигнала наступать. И радуешься его цельности...

Наверное, читатель догадается, что автор к войне вернётся. Сказал «А», скажи и «Б». И снова всего несколько военных строк. Начался бой, Митя рванулся из окопа. «Через несколько шагов он упадёт, раскинув руки, на истерзанную грудь земли, чтобы не подняться с неё никогда».

Я помню, прочла это и как будто споткнулась. Как будто и у меня остановилось сердце. Это было так неожиданно, так ужасно трагично. Невозможно ведь, чтобы такой хороший, заботливый, умный... сколько угодно можно применить эпитетов, и все они будут положительные и... погиб. И думаешь: сколько же таких молодых жизней не состоялось, жизней с огромным внутренним миром... И открылось мне именно тогда, что каждый человек неповторим, каждый человек со своим миром, а война всё прекращает на лету. Так несправедливо, так бесчеловечно... Падающая звезда... Она даже посветить не успела... Вот что такое настоящая литература. Да, ещё добавлю, что Митя Ивлев не просто природой и людьми воспитывался, его воспитывала настоящая литература, о которой сейчас и речь: бабушка читала ему Пушкина, Гоголя, и он сам много читал. Замечу, кстати, что тот мой лицеист, прочитав сборник с прекрасными повестями, тотчас взял и другую книгу «Будь здоров, школяр» Булата Окуджавы...

Хорошее тянет к дальнейшему хорошему... Не знаю, понятно ли написала.

А вопрос «нужна ли настоящая литература?» мне кажется риторическим. Всем ясно: нужна. Мы расстраиваемся, что молодёжь стала меньше читать. Но мне кажется, что зря переживаем. Всегда читали не все. Мой отец читал, а мама нет. Но была человеком прекрасным. Так и сейчас, читают не все. И не надо забывать, что бумажные книги стали архидороги, но есть электронные. Литрес, магазин электронных книг, не бедствует. Книги (а там в основном настоящая литература) скачиваются тысячами ежедневно. Мне кажется, что молодых читателей Литреса даже больше, чем людей более старшего поколения, – у всех телефоны-планшеты и ридеры. И денег у молодых поменьше, а электронные книги дешёвы.

И последнее. В своё время я была призёром конкурса имени Алексея Толстого (за повесть «Беличья шкурка», она печаталась в «Арте» году в 2002), и меня пригласили в Москву. Очень интересные были там встречи, в том

числе и с политологом Сергеем Марковым. И он вот что сказал среди прочего: проводили исследования. И оказалось, что те люди, которые читают больше, чем смотрят телевизор, всегда НАД теми, кто меньше читает, а больше смотрит ТВ. Да это и понятно: когда человек читает – мозг работает, показывает читающему его собственное «кино», «шарики вертятся», говоря по-простому. А телевизор – это жвачка для глаз. Так что читать всем полезно, и особенно художественную, то есть настоящую, литературу.

Григорий СПИЧАК

Григорий Иванович Спичак, член Союза писателей России с 1994 года, автор сборников рассказов, эссе: «От Княжего погоста до Святого Афона», «Цитала. Украинский посох», «Блог С», «Северный Плутарх» и других.

– Какая-то грусть, что-то унылое слышится в вопросе. Если коротко, то ответ – да, конечно, нужна. Причём ровно настолько, насколько общество себя чувствует обществом людей и собирается как-то сохраниться.

По всем (без исключения) наблюдениям общество вполне себе нервно реагирует на угрозы обезчеловечивания и на угрозы уничтожения вообще. А значит – общество осмысляет Путь и варианты пути – и как отдельного человека, и как человека как вида, и, наконец, как общество (рой, стаю, структуру в разных его вариантах).

Художественная литература – это вариант ЧЕЛОВЕКОВЕДЕНИЯ. Я на встречах с читателями часто говорю: «Что такое библиотека? Это хранилище историй человеческих ошибок. Историй слёз, кровищи, предательств и искуплений. Библиотека – это уроки того, как ходить и жить не надо... И как надо». Обычно наступает тишина, и ошарашенно смотрят даже библиотекари. А как надо жить? Как жить вообще? Куда идти и как? А вот в том самом коридоре между нельзя, между книг... Это и есть указатель. Вместе с бедой в психотерапии книг, в их духовной культуре есть и примеры – а как поступали люди в ситуациях, которые похожи на твою? В ситуациях хуже твоей? В ситуациях, когда дороги уже вообще нет и стоишь перед Бездной... Книги – не страховка от беды. Литература не спасла человечество от фашизма, например, не спасла от педофилии или наркотиков. Книги не спасли человечество от падений. Но зато помогали встать. И жить дальше...

Сейчас много алармистских настроений, типа: «по Фукуяме – конец истории, конец культуры». Да ладно уж – если образцы картин Леонардо можно на типографских машинах теперь тиражировать миллионами, это не значит,

что миллионами можно тиражировать веру, надежду и любовь... В своё время подсказке Бога поверил только Ной. Но говорил-то Бог всем. Представляете – всем без исключения! И так Он говорил сто лет. И только один «прочёл» и услышал то, что спасло человечество.

Человечество сегодня слишком полюбило комфорт. А чтоб его поддерживать, литература нужна. Причём чем дальше – тем больше. Человек слишком эгоистичен, он слишком самовлюблён, чтобы отказаться от созерцания самого себя, своего внутреннего мира (не обязательно духовного, но всегда голодного до зрелищ хотя бы внутри себя). Плохой путь? Да. Он прямо противоположен пути к Богу, но парадокс в том, что на пути к себе только-то и обнаруживает человек, что счастьем мешает он сам, что путь должен быть мимо себя, часто совсем по другим дорожкам.

Их тысячи – этих дорог. Миллионы. Они и есть литература – зовущая к непререкаемым ценностям и часто интересная сама по себе лишь потому, что она свидетель эпохи.

В беседе со своим давним другом и коллегой Владимиром Григоряном мы, рассуждая о странностях нашего поколения (а оно и в самом деле странно и уникально – проснувшееся после коммунистического периода ограничений и обозначившего диаметрально противоположные векторы – и к Богу, и к потреблению до самопожирания), пришли к некоторым небесспорным выводам. Поколение наше УЗЛОВОЕ. Поколение наше во многих вопросах КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ, а потому оглядываться на написанное и сказанное нами будут долго. Это не гордыня. Я не говорю же, что нас оценят обязательно хорошо или обязательно плохо. Я говорю в этом смысле безоценочно. Но повторю то, что сказал когда-то в своей речи на нашем съезде Коми писателей несколько лет назад. «После нас не будут так писать, так много писать. После нас не будут так же любить и плакать. Мы интересны... Вы интересны. Потому что не поленились и не испугались обнажить нервы и душу навстречу своему времени».

Разгрести всё то, что натворило и наворотило наше поколение (я не про Коми, Россию и даже не про Европу), будут ещё долго. Просто мы с вами не знаем точно – что и кто из литературы будет интересен через 20 лет (и переживёт пик внимания к своим текстам), кто через 100 лет, а кто уже пережил в динамике контекста выхода своих книг. Но всё вместе – это и есть попытка осмыслить судьбу и свою, и своего народа, и даже человека вообще, со всеми его заблуждениями, догадками и вопросами.

Книг (как носителей), возможно, станет заметно меньше. Но мы же задаёмся вопросом о литературе, а не о носителе.носителем, в конце концов, является сам человек – с его словом, с его чувством и с его поиском Истины.

Книг (как носителей), возможно, станет заметно меньше. Но мы же задаёмся вопросом о литературе, а не о носителе.носителем, в конце концов, является сам человек – с его словом, с его чувством и с его поиском Истины.

**Татьяна
КАНОВА**

Татьяна Алексеевна Канова, русский поэт, член Союза писателей России с 2005 года, автор сборников стихов: «Осиновая осень» и «Немногословие души». Лауреат Литературной премии имени А. Е. Ванеева.

– Мне нужна.

Другой вопрос, можно ли меня считать типичным представителем современного общества? И вообще, можно ли определить, что собой представляет средняя «единица» этого общества? Мы-то все очень разные. И потребности у нас различаются. И духовные запросы, и интересы...

И литература – она ведь тоже разная. Думаю, что письменная форма искусства и поныне находит своих ценителей: многоликое искусство находит разноликих ценителей.

Конечно, радостно иметь единомышленников; много единомышленников – ещё радостнее. Понятно, что на всё современное общество рассчитывать не приходится.

Вглядываясь в лица проходящих на литературные встречи – в основном женщин, в основном после сорока (возможно, на другие встречи я попросту не попадала), – мне остаётся верить, что литература в моём понимании востребована хоть какой-то частью современников.

**Алёна
ЕЛЬЦОВА**

Елена Власовна Ельцова, коми поэт, член Союза писателей России с 1998 года, автор сборников стихов: «Кассяна во», «Аския лун водзын», «Кадлӧн воськовьяс», «Утренний дождь» (Таллинн), «Кодзула зэр». Лауреат Литературной премии имени А. Е. Ванеева, премии «Лучшая книга года».

– Колӧ-ӧ ӧния мортлы (обществолы) литература? Юалӧмыс тайӧ виччысьтӧм, весьӧпӧртысь и, ме думысь, ковтӧм. Вочавидзӧмыс ӧд водзвыннин тӧдана да виччысяна, и мӧд ногыс лоны оз вермы: дерт, колӧ! Мӧд сикас видзӧдлассӧ оз позь и матӧ ас дӧнад – вежӧрад ни сӧлӧмад – сибӧдны. Тайӧ коланлун йывьсьыс мӧвпалӧмӧн, сы йылысь майшасьӧмӧн, сы ради, чай-

та, олісны, уджалісны да лосьодісны ассыныс художества гижодьясныс медводдза коми авторьяс: Иван Куратов (коть гогорвоис: «виршьяссө» сылысь, гашкө, некор и некод оз тодлы ни оз лыдды), и ХХ нэмö нин гижны босьтчясыс – Нёбдінса Виттор, Тима Вень, Илля Вась (коть тодісны: найö, кодьяслы гижöны, весиг и лыддысьнысö на прамöя оз кужны – унаöн на сэки грамотатöмөсь вöліны)... Сэки, асланыс кадö, найö эскисны: литература, торья нин ас, коми кывъя, литература, збыль колö и ковмас на водзö лоысь коми йöзлы. Эз кö од эскыны, эз кö тодны тайöс, эз кö овны тайö мөвпнас, гашкө, и овныныс эз вермыны...

Миян талунья олöмным дзик мөд. Быд морт нин öнi грамотаа, институт-университет диплома... Лунысь-лун ыджыд вайöн быд морт олöмö бузгысьö-пырö быд сикас литератураыс: художества и, исторической и, научной и, технической... Удит сöмын бөрйыны, кутшöм сикас лыддянтор тэныд колö, сэсыс лыддыны сійöс да гогорвоны, нуодны вежөр да сёлöм пырыд, мыйкө, медся донасö, босьтны аслыд. Кыдз öнi овны литературатöг? Ме чайта, некыдз. И кымын водзö мунö кад, сымын ёнджыка мортлы литератураыс колö, сымын унджык мог сійö ас вылас босьтö – висьталö, тöдмөдö, велөдö, сөвмөдö-быдтö, бурөдö и бурдөдö, кыпөдö, ловзьөдö да прöста сёрнитö... Торйöн нин талунья миян олöмын, кор, шуöны, йöз сэтшöм öткаөсь, некытчö инасьтöмөсь.

Литература оз сöмын мөвпав талунья олöм йылысь, оз сöмын писькөдчы ас-киа лунö, но и йитö мортлысь олөмсö и бөрö кольöм важкөд: литература – тайö тшöтш и йöзлөн, войтырлөн паметь. И кымын водзö сөвмö литература, сымын тайö паметгыс озырмö, джудждаммö. Бырö кö литература, обществолөн бырö и тайö, став йöзсö öтувтгысь, паметгыс. Миян вок-удмуртгьяслөн эм важ легенда: удмуртгьяс кульöны кыдз пу кырсь да вурöны сысыс медводдза книга, пасьялöны сэтчö олан законгьяс, молитва кывъяс, мед оз вун чужан кывныс, нэмөвöйся оласногыс, дыр кад чөжөн öктөм-чукөртөм öтувья төдöмлуныс. Но книгасö вутшкө-сөйö мөс, и йöз вунөдöны, мый найö коркө сэтчö гижлісны, а сыкөд тшöтш вунөдöны и уна нэмөн чукөртөм төдöмлунсö...

Литература, торья нин художества гижөд, а ртмөдö-тэчö, сөвмөдö мортлысь ловсö. Тадз вöлі литература артмигөн, тадз кольö и талунья кадö. Сөвмөдны, озырмөдны мортлысь (и гижысьлысь, и лыддысьлысь) ловсö – тайö художества литературалөн медшөр могыс. А сыын коланлуныс, чайта да, некор оз быр ни оз важмы. Нянь вермас пöткөдны сöмын кынöмтö, но öд эмöсь на-й лов и сёлöм... Коді найöс «вердас» и «юкталас», оз кö литература? И бур, быттьö жар гоҗся лунö горш веськөдан, лыддянтор дорö муслун садьмö морт сёлöмын дзолядырсяныыс на. Помнита, кор школаын велөдчигөн ветлывлі челядылы сиктса библиотекаö да босьтлі сэтгысь öтпырйö вит-квайт книга – ки ормөн öдва и кыскывлі найöс гортөдз. Библиотекаö ветлан лун сэки вöлі менам медшуда лунөн! Либö, помнита, кыдз орчча сиктö ыджыд мам дорö гөститны воывлігьясö ме пыр и судзөдлывлі вылі джаджыйн мичаа тэчөмөн куйлысь «Войвыв кодзув» журналгьяс. Ёна и лыддывлі найöс ме сэк, зэра гоҗся лунгьясö, öшиньдорса лабичын пукалігөн – сёлöм бурмытөдз... Эштөдчыліс да лыддыліс, дерт, и

ыджыд мамой, коть нэмсö уджаліс совкозын разнорабочойон. И эз весиг мовпавлы, колö-ö сылы литература.

Дерт, шуанныд, ставыс тайö вöлі коркö, а öні – ставыс мөд ног. Ог төд. Гашкö. Но и öні ме казяла, кызд мамой, сиктса олысь, вайö библиотекаысь сумка тыр книга да журнал, сэсса кызвын уджсö вöчöм бöрын найö батькөд öта-мөдсö вежөмөн да öчеред виччысьөмөн лыддысьöны рыгыяснас... Тöда, мый дзöля чойöй иностранной кывьяс велöдан факультет помалöм бöрын нимкодпырысь лыддьö и коми, и роч, и француз кывья книгаяс... Аддза, кызд пийö рытнас вольпасьö водöм бöрын нин лыддысьö, некызд оз вермы ордчыны выль небöгысь... Сідзкö, и налön ловныс корö литератураон вöзьяна «няньсö».

Менö тшöкыда корлывлöны аддзысьлыны лыддысьысьяскөд. Верстьö и том войтыркөд. Гырысьяс дорас ветлывла збойджыка – тöда: найö и лыддысьöны унджык, и литературатö бурджыка тöдöны. И некор оз юавны: «А мыйла тэныд колö гижан уджыд, öд литератураон уна сьöм миян кадö он нажөвит?..» Том йöз дорö ветлывла видзчысьөмөнджык. Мунігмоз мөвпала: а колö-ö налы сійö «няньыс», кодöс ме вöзья аслам гижөдьясын? Быдсямаыс, дерт, овлö. Но бөрья кадас том йöзкөд паныдасьлөмьяс бур ногөн чуймөдöны менö. Казяла: школаын, университетын велөдчысьяс уна тöдöны, сідзкö, уна и лыддысьöны. Литература налы абу веськодь. Лыддьöны да мөвпалöны лыддьöмтор йивсьыс, юасьöны. И, медся тöдчанаыс, оз повны сысь, мый художествоа гижöдын кыпöдөм проблемаяс уджөдöны налысь юр вемнысö, вөрзьөдöны сьөлөмнысö, гутөдöны ловнысö, путкыльтöны вежөрнысö, кызд полісны таысь америкаса менам зэв радейтана гижысь-фантаст Рэй Брэдберилөн «451° по Фаренгейту» романысь геройяс (найö полісны книгаысь да сотісны найöс). Эска – аския лунö татшөм ногөн видзөдысь талунья том йöз тöдöны и гөгөрвöоны литературалысь коланлунсö, сылысь тöдчанлунсö и торья морт, и войтыр, и общество олöмын. А сідзкö, оз и ков усыны сьөлөмөн.

**Любовь
АНУФРИЕВА**

Любовь Андреевна Ануфриева, коми поэт, член Союза писателей России с 2016 года, автор сборников стихов: «Лэбачьяс оз дивитны», «Мукöд енköлаын», «Дас витöд из». Лауреат литературной премии имени Александра Лужикова, литературной премии Общества имени М. А. Кастрена (Финляндия), литературного конкурса «Северная звезда» журнала «Север» (Карелия).

– Литература необходима. Но не всем. Люди моего окружения и не моего окружения достаточно образованные люди, но в повседневности, обходящиеся без художественной литературы. Они дышат, живут совершенно другим

миром, другими понятиями. Их миром я не живу. Но бывают общие разговоры, споры на различные житейские темы, и находятся точки соприкосновения. Я думаю, что это вполне нормальное явление. И это распространено повсеместно. Современный человек не побежит за книгой в магазин, как, например, в аптеку при зубной боли. Но необходимость в чтении есть, и она останется. Порой мы даже не подозреваем, но бывает и такое, что одно прочитанное произведение человек пронесёт через всю свою жизнь. Эта книга, может, станет стержнем его поступков, возможно и то, что герои повлияют на его мирозерцание.

Совсем недавно я ездила домой – в деревню Гам Ижемского района Республики Коми. Наш вагон был полон людей. Многие пассажиры в утренний час листали новости в смартфоне, сидели в соцсетях, либо дремали и пытались заснуть. В этой толпе я заприметила одну девушку. Она читала книгу русского классика Ивана Бунина «Тёмные аллеи». Для меня это стало утренним открытием! Я мысленно выдвинула её из толпы и долго наблюдала за ней. На лице девушки были совсем молодые морщинки, что при чтении её даже очень красило. И знаете почему? Временами эти морщины озарялись то светом, то лёгкой грустью, а душа девушки была полна живыми сюжетами писателя.

На мой взгляд, каждого человека на свете можно представить пассажиром в поезде жизни, его время – железная дорога, со своими станциями, стрелками и проводниками. В этом поезде есть и общий, и плацкартный, и купейный вагоны. В любом из этих вагонов можно повстречать тех, кому близко чтение хорошей литературы, а кому-то – разгадывание сканвордов. Но найдутся и те, кто никогда не коснётся сердцем художественной литературы. И так было и будет во все времена.

Валерия САЛТАНОВА

Валерия Анатольевна Салтанова, русский поэт, член Союза писателей России с 1997 года, автор сборников стихов: «Сквозь жернова времён», «Песенка о подаренных картинах», «Вьюжный крест», «Стан», «Два полюса» и других. Лауреат Международного конкурса «Север – страна без границ – 2013», VII Международного поэтического слёта «Зов Нимфея – 2015», Литературной премии имени А. Е. Ванеева.

– Должна сразу заметить, что постановка вопроса мне кажется несколько провокационной. Ибо без литературы вообще невозможно развитие человеческое общество, в какие бы времена это общество ни существовало. К тому же «литература» понятие достаточно широкое, в ней всегда присутствует немало разных направлений, и востребованность тех или иных жанров опреде-

ляется многими вещами, в том числе общественным строем, уровнем культуры людей и их сознания. В одни времена в большом фаворе – низкие жанры, в другие – жанры более сложные и возвышенные, но интерес к произведениям литературы не затухает даже в периоды войн и других тяжёлых катаклизмов.

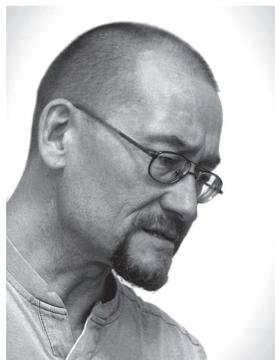
Когда-то «низким» жанром считалась, предположим, басня, а сегодня этот жанр вполне «в законе», он завоевал совершенно справедливую популярность. Такой поэтический жанр, как ода, совсем ушёл в небытие, да и в последнее время почти не встречается у современных поэтов крупных форм вроде поэмы – мне кажется, созданное Пушкиным малое лирическое стихотворение заслуженно заняло лидирующие позиции. В малой форме очень удобно выразить момент, дать смысловую концентрацию, показать чувство в его мгновенной вспышке, не растекаясь мыслью по древу. Немаловажно и то, что краткая форма не занимает много времени при чтении и осмыслении. И это особенно важно в наше суматошное, скоростное, прагматичное и вместе с тем неуловимо-мистическое время.

Сегодня, например, всё больший вес приобретает развлекательная, коммерческая литература (фэнтези, детективы, дамские романы) и наряду с этим – литература обучающая, или прикладная. И это тоже такая своеобразная примета эпохи – думаю, само по себе это не плохо и не хорошо, а просто неизбежно. Тут очень важно понимать, что литература отражает процессы, происходящие в обществе, и отражает, как мне думается, наиболее многосторонне, объёмно и объективно – несмотря на то, что в ней многое суть художественный вымысел, образное переосмысление действительности и даже плод фантазии авторов. Однако именно художественность помогает литературе в целом избегать исторического догматизма и, как ни парадоксально, исторических искажений, перегибов и кривизны в оценке тех или иных событий. Между прочим, даже прикладная и развлекательная литература способна фиксировать своё время и впоследствии останется для потомков некой знаковой координатой, ориентиром и не меньшим историческим свидетельством, нежели труды историков и политологов.

Да, мы пережили трудные времена, которые привели к снижению интереса к книге. Общественные сломы и глобализация, переход на электронные носители и «компьютеризация всей страны» уже взрастили поколение людей, не читающих бумажных книг, не пишущих полноценных развёрнутых писем и не нуждающихся в том объёме литературной продукции, что их родители и родители родителей. Тем не менее не вижу в этом опасности для литературы в её общественно-историческом развороте. Постепенно всё придёт к равновесию: электронная книга займёт своё прочное место в жизни людей, бумажная перейдёт в разряд элитной и подарочной – но читать и создавать литературу люди, думается мне, не перестанут и в дальнейшем. Когда 88-летнего Николая Амосова, великого хирурга и кардиолога, спросили, как он относится к чтению в электронном виде, он с оптимизмом ответил, что нет разницы, как читать «Войну и мир» – главное, читать. И это мудрый ответ.

Литература и книга, возможно, ещё не раз будут претерпевать изменения, но их востребованность обществом не умрёт никогда.

Кстати, в последнее время не без удовольствия отмечаю неуклонный рост интереса к поэзии и, соответственно, поэтам, о чём свидетельствуют многочисленные конкурсы поэзии, выпускаемые десятками учебные пособия по стихосложению, а также вновь и вновь создаваемые литературные сайты. Не отстаёт и проза, вновь растёт популярность короткого и ёмкого рассказа. Позитивные изменения переживает и детская литература. Стили и поэтические приёмы сегодня оттачиваются и видоизменяются как никогда, версификация как наука интенсивно развивается, конкуренция среди пишущих очень высока, и «выживают» опять сильнейшие, что даёт надежду на возрождение России как страны великой литературы. Возможно, это приобретёт иные, неведомые доселе формы, возможно, не раз ещё изменятся соотношения «пишущий – читающий», но духовный ренессанс и новый всплеск интереса и любви к серьёзной и глубокой литературе уже не за горами.

Олег УЛЯШЁВ

Олег Иванович Уляшёв, коми поэт, член Союза писателей России с 2012 года, автор сборников стихов и прозы: «Орд ордъм», «Излань зыран, зарни зыран», «Кад пыр верзьёмбн» и других. Лауреат Госпремии в области искусства, премии республиканского конкурса «Лучшая книга года», Главной премии в номинации «Малая проза» общества Кастрена (Финляндия) и премии родственных народов в категории художественных прозаических произведений (Эстония).

– Если возник вопрос о том, нужна ли человеку литература, то дела у человечества обстоят совсем плохо. Убери литературу из жизни общества, из человеческой культуры, из межличностных отношений, и останется один вопрос: из какого камня (кремня или обсидиана) лучше мастерить топоры? Потом и этот вопрос потеряет актуальность, поскольку человек без литературного (шире: художественного) творчества – просто животное. Причём не самое оснащённое для выживания среди других животных, поскольку у него нет ни мощных клыков, ни острых когтей, ни могучих крыльев.

Сила человека – в его сознании, в том числе и в самосознании, само-осознании, в самоосмыслении, разительно отличающихся от животных рефлексов тем, что человек может саморефлексировать, то есть осознавать не только своё существование в мире, не только себя как частицу мироздания, но и как самостоятельный мир. Именно это даёт человеческая культура (как умение творить), частью которой и является литературное творчество. Первым шагом примата к очеловечиванию было открытие огня, вторым – открытие

металлов. По сравнению с этими открытиями, все остальные несущественны и незначительны. Даже открытие электричества и ядерного синтеза.

Человек научился передавать свой жизненный опыт не генетически и не только через практическое подражание, но и через слово, оттого Слово было в Начале. Устная передача опыта расширила возможности человека как вида, но была ограничена количеством слушателей и ближайшим кругом потомков. Речь письменная позволила человеку передавать опыт не только через расстояния, но и через времена.

Научная деятельность понятна не всем, требует длительного обучения и специфического восприятия. Бытовое письмо ограничено бытовой сферой. Литература же даёт возможность человеку даже не совсем обученному воспринимать и впитывать идеи, эмоции, опыт, идущий от того, кто способен сформулировать и выразить свои мысли. И если человек хочет Быть, он просто вынужден хранить литературу.

Када шыяс

Ловгөн сувтльвлө, кывъяд инман да,
Жугыль жуглө, а *нимкодь* нимөдө.
 Аддзан кывйыслысь пыді сюрөссө,
 Гуся дзирдьясөн сійө дзулөдчө.
Төрьит төрөма олөм видзисьө.
 Киён асалөм *аски* виччысьө.
 Öни «ö!»-нитлө ониш босьтгөн,
 Оз пө узьлыны *аски* восьтгөн.
Коркө корөны. *Гашкө* гажтөмтө.
Войдор пемыдас, войлань мунөма.
Кольөм му эжас колльөн вунөма.
 Кадыс *кадьялө* зыбуч лестукөн.
 Кадыс *кадалө* асья петукөн.

Литература сего-дня

Литература СЕГОДНЯ

(Эссе)

Литература началась если не с глиняных табличек Древней Ассирии и Вавилона, то уж с Библии – совершенно точно.

Литература высокохудожественная и отмеченная подлинной духовностью, литература эстетически и этически значимая и философски насыщенная и осмысляемая...

Потом были в истории человечества и его культуры и периоды угасания литературы, и периоды её яркого и одухотворённого взлёта...

Собственно, было всё: плохое и хорошее, исторически значимое и кажущееся «нетленным», вечным и заслуженно преданное забвению, забытое, как только миновала его краткая и суетная эпоха...

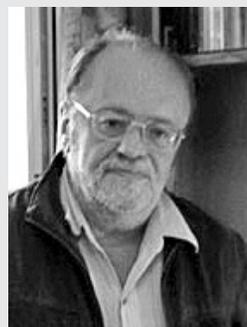
Но чем же является литература сегодня в современном обществе и в современной культуре?

От слова и в том числе высокого художественного Слова в нашей культуре, конечно же, и сейчас очень многое зависит: общение людей есть прежде всего словесное общение (общение посредством слов, произносимых или написанных на источниках информации), знания тоже передаются прежде всего с помощью слов....

И так далее.

Но тем не менее значение высокого Слова и высокой литературы в современной культуре, казалось бы, неумолимо падает.

Слово успешно заменяется в нынешней культуре зрительным образом – в кино, живописи и фотографии, в различных формах осмысленного «видеоряда», который благодаря Интернету воспринимается ярче и проще, чем Слово печатное, «слово в виде букв», и потому легко и властно воздействует на человеческое сознание.

Сергей НОСОВ

Сергей Николаевич Носов – историк, филолог, литературный критик, эссеист и поэт. Доктор филологических наук и кандидат исторических наук. С 1982 по 2013 годы являлся ведущим сотрудником Пушкинского Дома (Института Русской Литературы) Российской Академии Наук. Автор большого числа работ по истории русской литературы и мысли, в том числе нескольких известных книг о русских выдающихся писателях и мыслителях, оставивших свой заметный след в истории русской культуры. Стихи выходили в различных российских и зарубежных изданиях, переводились на несколько европейских языков. Живёт в Санкт-Петербурге.

Для того чтобы осмысленно читать что-то (роман, стихотворение, эссе или даже словесную запись серьёзной беседы), надо использовать воображение и непременно думать, представлять в своём воображении, что же стоит за словами, что словами изображается и передаётся.

Когда ты смотришь кино или видео в Интернете, этих усилий ума и воображения уже не требуется: ты просто смотришь красочные бегущие по экрану картинки, в которых всё и так ясно и которые как бы говорят сами за себя и подаются в «готовом виде»...

Если же то или иное литературное произведение становится ныне вдруг «сверхпопулярным», его непременно экранизируют... И экранизируют не однажды, а много раз и «на все лады»...

Сколько было уже экранизаций «Анны Карениной», например, или «Лолиты» Набокова, «Трёх мушкетёров» Дюма или рассказов Конан Дойля о Шерлоке Холмсе – больше десятка, наверное, или что-то около этой цифры.

И только тогда, после нашумевших экранизаций, современное (в широком смысле) литературное произведение наконец «дойдёт до народных масс»... А так оно сегодня – для избранных, для интеллектуалов и корифеев культуры..

Такова жизнь.

Но тем не менее в Слове как таковом есть нечто сакральное и магическое...

Не случайно же в конце концов было сказано – «В начале было Слово...»

И не потому это было сказано, что телевизора ещё не было, кино не было и Интернета с его картинками и видеорядом...

И искусством Слова, высокого и подлинного Слова, владела и владеет только литература...

В кино теперь давно уже говорят на экране (немое кино почти полностью изжило себя), и в Интернете есть в изобилии всевозможные записанные «разговоры» и прочее...

Но это – не искусство Слова...

Это – или только передача информации, или «болтовня», некое незатейливое «говорение» и ничего более...

А Слово, высокое Слово – в лучших своих проявлениях и духовно осмысленных взлётах своих – становится священным... Оно и только оно способно оказывать по-настоящему гипнотическое действие на сознание человека – околдовывать «до дна души» и безоглядно покорять...

Что вспоминать в этой связи только какие-то знаменитые и общеизвестные стихи Пушкина, Есенина, Блока?..

Иногда и поэт «второго ряда», такой как Аполлон Майков, например, оказывается способен подняться на высоты подлинной колдовской Магии слова....

Весна! Выставляется первая рама –
И в комнату шум ворвался,
И благовест ближнего храма,
И говор народа, и стук колеса.

Мне в душу повеяло жизнью и волей:
Вон – даль голубая видна...
И хочется в поле, в широкое поле,
Где, шествуя, сыплет цветами весна!

В этих строках – и нет ничего особенного вроде бы... И в то же время – в них зримо сияет солнечным светом и чарует колдовство волшебницы-весны...

И простота этих строк – святая простота подлинного чуда Поэзии.

Хотя да – большим Поэтом Майков так и не стал...

Но великая Магия Поэзии была порой доступна и ему.

Трудно доподлинно установить и физиологическую, и духовную одновременно природу Слова.

Слово – это и звук, и знак (изображаемый на бумаге или на экране) в то же самое время...

Но изначально слово стало для человека Священным.

Когда человек прекратил только рычать и мычать... Когда он стал сложнее и одухотвореннее пресловутой «обезьяны», от которой он якобы произошёл...

Не будем ставить вопрос о том, что есть Человек в иерархии «видов живых существ»... Но человек разумный – именно через высокое и вдохновенное Слово – выражал и выражает свою душу...

Иного способа полноценного самовыражения ему просто не дано.

С помощью слов можно выразить, как это ни странно, гораздо больше, чем с помощью любого живописного полотна, – даже если слова уподобятся мазкам краски на холсте великого художника...

Всё равно – эти слова будут значить намного больше, чем мог бы изобразить художник на своей красочной картине.

Вот вспомним стихотворение русского поэта тоже не первой величины, Константина Случевского, «На кладбище», когда-то жестоко и совершенно незаслуженно осмеянное так называемой «демократической критикой».

Я лежу себе на гробовой плите,
Я смотрю, как ходят тучи в высоте,
Как под ними быстро ласточки летят
И на солнце ярко крыльями блестят.
Я смотрю, как в ясном небе надо мной
Обнимается зелёный клён с сосной,
Как рисуется по дымке облаков
Подвижной узор причудливых листов.
Я смотрю, как тени длинные растут,
Как по небу тихо сумерки плывут,
Как летают, лбами стучаясь, жуки,
Расставляют в листьях сети пауки...

Слышу я, как под могильною плитой
Кто-то ёжится, ворочает землёй,
Слышу я, как камень точат и скребут
И меня чуть слышным голосом зовут:
«Слушай, милый, я давно устал лежать!
Дай мне воздухом весенним подышать,
Дай мне, милый мой, на белый свет взглянуть,
Дай расправить мне придавленную грудь.
В царстве мёртвых только тишь да темнота,
Корни крепкие, да гниль, да мокрота,
Очи впавшие засыпаны песком,
Череп голый мой источен червяком,
Надоела мне безмолвная родня.
Ты не ляжешь ли, голубчик, за меня?»

Я молчал и только слушал: под плитой
Долго стучал костяною головой,
Долго корни грыз и землю скрёб мертвец,
Копошился и притихнул наконец.
Я лежал себе на гробовой плите,
Я смотрел, как мчались тучи в высоте,
Как румяный день на небе догорал,
Как на небо бледный месяц выплывал,
Как летели, лбами стучаясь, жуки,
Как на травы выползали светляки...

Это же – мистический шедевр...

Это стихотворение – «по ту сторону» жизни и смерти... Оно – воистину сродни подлинному волшебству.

«Мир мёртвых» и «мир живых» – таинственно близки и как бы переходят один в другой...

Магия и мистика!

И причём та, в которой, конечно же, есть волшебная покоряющая красота.

Естественно, что примитивные былые русские «демократы» (стихотворение это было впервые опубликовано в 1860 году), для которых по их широко-вещательным утверждениям «сапоги важнее Шекспира», стихи эти не поняли и не могли понять...

И с упоением начали травить Случевского в русской печати – якобы за недалёкость и в то же время явные симптомы безумия ...

Но историческое время исправляет ошибки и заблуждения господствующей культуры любой эпохи...

Это тоже неизбежно.

И сейчас наряду со знаменитым стихотворением «Ворон» Эдгара По это стихотворение Случевского воспринимается как одна их вершин мистиче-

ской поэзии вообще, поэзии, не только передающей колдовство таинства «жизни и смерти», но и реально творящей это колдовство, олицетворяющей Магию всепроникающего Слова, которому доступны Светлые и Тёмные тайны мира.

Мы убеждены, что Мысль слита со Словом органически и что в то же время сама Мысль – материальна...

Мысль есть форма материи и энергии.

Любое однозначное противопоставление материального и духовного – искусственно и давно устарело.

Этому надуманному противопоставлению мог быть предан в относительно недавние исторические времена только фанатик грубого материализма Владимир Ленин в своём пресловутом «Материализме и эмпириокритицизме»...

Сейчас хотя бы та же кантовая физика доказала уже «и детям», что весь мир – это потоки энергии...

В том числе, конечно, – и энергии Слова и Мысли.

И потому у Слова как единственно адекватного выражения высокой и одухотворённой мысли – великое Будущее.

Это будущее Слова и Мысли не отменить ни Кино, ни Интернету, ни любым зрительным образам любой природы..

Человек, который только «видит», не способен понимать, осознавать, не способен и переживать Мир как Таинство, не способен ощутить в Мире волшебное и чудесное.

Слово в культуре было в великом Прошлом и Слово же и останется в ней в Будущем....

Останется Навсегда.

Пока жива сама эта Высокая Культура человечества.

Ловъяс йитысь пас

Коми гижысьяслӧн кывбуръяс

Галина БУТЫРЕВА

* * *

Мый талун и оз сёрнитны
поэзия йылысь, –
мый сійӧ «некодлы ковтӧмтор»
и мый «тадзитӧ быдӧн вермас...»
Гашкӧ, нӧшта на
кутшӧмкӧ видзӧдлас эм?
Но ме ог тӧд.
И ола чӧв. Весиг гижны дугдӧ.
Юрӧс жугла, вочакыв корся...
Ог тай аддзы.
Важ моз лыддя поэтъясӧс.
Коркӧ бӧрддзывла, –
мича, стӧч, джуджыд мӧвпъяса
кывбуръяс кӧ сюрлӧны...
Коркӧ дӧзмывла,
весиг скӧрмывла, –
мый и сӧрӧ тайӧ гижысьыс
нинӧм абусӧ...
И яндзим оз тӧд.
А тэныд яндзим.
И бара усьлан чӧв.
Он тэрмась пуксьыны
гижысьяслӧн пызан сайӧ.
Сӧмын кӧнкӧ пытшкын морӧсад
он на кусӧд лачатӧ,
виччысян, мый воас кад,
и тэ гижан збыль кывбур.
И тайӧ лоӧ
медся шуда лун.

2020. 07. 27.

Евгений ВАЛЕРИАН

Емдін вылӧ волӧм

Съӧд енӓж тыр кыа, юр кольмӧдан чад
Да чунь костӧд лыа моз визувтысь кад.
Ог вежӧртӧй, кодкӧд-ӧ нуӧдам тыш,
А мудзӧмсьыс поткӧдӧ дубалӧм мыш.
И водзын, и бӧрын вир кыста́на кось;
Ми сулалам шӧрын, но мунны оз позь.
И ымзӧм, и ойзӧм, но некод оз бӧрд,
И кӧрт бердӧ войсӧбыд клёнӧдӧ кӧрт.
И ворссяс, и сывсяс, и кӧдзала́с вир,
А югдӱгас кывсяс, мый вӧзйӧны мир.
И руалан асывкӧд ваясны сур,
И кыпӧдлас Асыка Памалысь юр.
И сӧвтчасны пыжӧ да катасны бӧр.
А емдінса – пыр жӧ и керавны вӧр.
Бӧр лӓптасны вичко, да выльдасны кар,
Мед ен найӧс видзас, мед пӧткӧдас ар.
И мӧдысь оз пырны мед, содтасны вын.
Но пӧртмасяс дыр на
Важ кар весьтас тшын.

Алёна ЕЛЬЦОВА

* * *

Съӧд вой бара пельпомӧ плавгысис шалльӧн,
Нор съӧлӧмын лунтырся майшасьӧм содӱс,
Мый том кадсянь ачымӧс ньӧти эг жалит,
Лӧз биын моз олӧмӧс чишкалі-сотӱ.
Но ыргысь ён быыс тшӧтш бордӱӧдліс лолӧс,
И би кывъяс вылас ме кыпавлі вылӧ.
Но коліс-ӧ тайӧ?
Да, коліс. Дерт, коліс.
И бара мен съӧд войыс надзӧник съылӧ.
Ме кывъяссӧ сылысь ог ставсӧ дзик велав –
И лӓбачьяс моз найӧ тӧвзьӧны водзӧ.
Лӧз асывлы паныд ме вой пырыс кела,
И вояс, кыз йӧз, меным локтӧны воча...

Елена АФАНАСЬЕВА

Сандра

Сиа Л. Ануфриевалы

- Но тэ жö абу...
– Тэ тшöтш абу, Сандра!
– Ме эм. Ме тан, ог кольöм кадас ов.
– Да, да, ме тэнö кыла, Муса Сандра.
– Кötь таысь... оз мöй шызьыв тэнад лов,
И абу-м кöсйöм лэбны енэж эрдас
Да бал вылын моз бергалыштны сэн?
Тэ помöдз видзöд, кызди шондi бердас,
И мöдысь тайö здуксö козьнав мен...
- Мен бурджык тайöс шуны гижан кывйöн...
Тэ лыддян, и син водзад сувтас пыр
Сöдз руа юным, кодлөн шоныд сывйын
Важ керкаяса кöдж и Кырув нырд.
Ме тэнö сiдз жö сывъям босьта, Сандра,
И некытчö тэ меысь он нин мын.
И вой шыяссö козьнала тэн, Сандра,
И выль шондiлысь олöм пестан вын.
- Тадз оз ло! Оз! Ме стöча тöда öнi:
Мед гижтöма нин кыклы индöм кад,
Ме лоа öтнам. Тэ сэк лоан кöнi?
И панлам-ö ми коркö öтув сад?
Тэ гижöдын?
Ме пачын сйöс сота
И овны тэнад вемöсын ог мöд!
Кötь эськö выльысь радейтöмсö вота,
Но кутшöм дзуысь? Весиг ен оз тöд.
- А колök, татшöм радейтöмыс нэмсö
Медсöстöм овлö, сöмын сыын лёк,
Мый юрад кутан абусö и эмсö,
Но тiөн тэчöм мирö ме ог лок.
Кötь мöвпнам, Сандра, ме öд век тэ дорын:
Со шызьöмыд, со лоин рыт кодь рам.
Став вöрасногнад сибöдчывны коран,
И сьölöм тyö, но оз кывзы сям.

– А петан туйыс тайö дзугсьыс абу.
Мед менö босьтас съывъяс вына төв.
Тэ топöдан сэк ассьыд тыртöм кабыр,
Тэ горöдчöмнад торкан асья чöв.
И колян öтнад Шондйыслы воча.
И виччысян на мыйкö – лунтыр дик.
И пасйöм кывсьыд кабалаыс сотчас.
И мöд, и коймöд – тадз жö лоö дзик.

– О мыйта тэын ворсан руыс, Сандра.
Ме шуны тайöс морт кывйöн ог куж,
Но тэ и төв ныр, тэ и би кыв, Сандра.
Вöргормöг, кодлөн пыдын-пыдын вуж.
Ме ставсö тайöс пессьысь лолөн кыла
И сöмын тэөн ола лун и вой
Да корысь вер моз кысья тэлань Кывла,
Кöть ачyd нин тэ ставнас восьса дой.

– А дой оз личав, лунысь-лун пыр ёнтö,
И весиг унма турунысь оз лöнь.
– А менсьым сьöлöм öти казьтöм шонтö,
Кöть татшöмторйыд вермис вунны скöнь.
...Кор струбаад тай видзöдчим водз асыв,
И шуин тэ: сэн олö эзысь дзирд.
А ме эг эскы. Другысь быгтьö вирд,
Син водзö петис мыйкö сэтшöм ясыд.

– И тайö вöли ловъяс йитысь пасөн?
– Да. Көнкö, весиг öнi сийö эм,
Но туйыс сылань, чайта, пырзис раскөн.
И некод кö оз инды, ковмас нэм,
Мед воöдчыны миян кодзув дорö,
И пондам сийöс баййöдлыны ми.
– А водзö? Водзö? Водзö висьтав, кора...
– И сийö лоö миян пони пи.

Александр ШЕБЫРЕВ

Эг и тӧдлы

Ме эг и тӧдлы: гартыштисны тывйӧн,
Да лӧзов муас кыскыштисны гусьӧн.
Мӧд олӧмас ме вӧлі – сьыланкывйӧн.
И лӧбалі сэн, олі анятусьӧн.
Ме войлалі сэн, идӧгъяскӧд сьылі.
Да енколаас восьса синмӧн узи.
Быд кодзувлысь сэн шылад тэчас кылі.
Но вӧтӧн-сорӧн тайӧ муас уси...
Кыз вӧтӧн-сорӧн?
Гартыштисны тывйӧн!
И тӧдтӧм муас кыскисны тай гусьӧн.
Мӧд олӧмас ме вӧлі – сьыланкывйӧн.
А лои...
Кыз нин сійӧ...
Этійӧ тай... шусьӧ?

Анжелика ЕЛФИМОВА

* * *

Вӧча юмов пӧлян
Улис гумысь,
Купальнича кокысь
Вӧча чипсан.
Пуксы-кывзы,
Бурӧн ветлысь-мунысь,
Сьӧлӧм пытшсьыд
Шуда здукъяс листав.

Коркӧ ачыл лоан
Дзоридз-быдмӧг,
Тӧн кодкӧ
Пуяс костас ворсас...
Лӧбзяс аслас сьыланӧн
Дзик быдӧн
Енлӧн вӧльнӧй светса
Вежа отас...

Алёна ШОМЫСОВА

Тільгун

Рака-катшалён кравзём. Эновтём керка.
Стенмас – нейджыд потас, ключлы төрмөн.
Өдзёс розьёдыс дзуввидзё чеччысь шонді,
Аддзы пё, аддзы ключсё, өдзёссё восьты,
Медым олөмыс ызмунас, кызди водзті.

Тайё керкаас дзолянам көсйылі пырны,
Но некутшөм ключ сэтчө эз лөсяв.
Ортсыас сійө некөні жө эз өшав,
Сөмын туплясис пос помас пемдөм тільгун.

Тільгунсё пысали гортын кильчө йиркө,
Бытьёкө аслым вичко сямаөс кери,
Но сійө некор эз тиньгыв – орөдөм кывъя.

Шонді пуксьөма – бара нин өдзёс розьөд
Видзөдө ме вылө гажтөмсьыс-гажтөм синмөн,
Ключсё пө аддзы да чөвлунсё татысь повзьөд.

Кытысь нө корсьны сійөс – абутөм ключсё?
Гашкө, важөн нин му пытшкын куйлө-сिमө?
Киссьөма эськө стенмыс – төрас мортыд,
Сөмын тай лолыд оз лэпты сэтисө пырны...

Любовь АНУФРИЕВА

* * *

Кор нин эштас таво му вылас төлыс?
Еджыд серпас дзикөдз кырлаліс лов.
Бытьё йөрми эзысь куржайтөм чөлас,
Сэтысь мезды менө, ловзя, – эн пов.
Топыд чарөм улас сынөдтөг пөда,
Тэтөг пемыд. Мезын вурзалө пон.
Стенын часі гажтөм өткалун нөдө,
Таво вывті көдзыд... төв нырыс ён.

Пыді жырыё пыри... тіралё лолёй,
Сэні ворсё кага... дзоляник ныв.
Сійё менё, дерт жё, воштыны полё,
Шонді югөр мыччис... медъюгыд кыв.

Ольга БАЖЕНОВА

Чуд йылысь сыланкыв

Кадё сунёма кар.
Абу кӧдзыд ни жар
Сылы эжаа эшкыныс улын.
Абу некодлы ас
Рӧдвуж ловъяслӧн пас,
Коді дзирдавтӧг куйлӧ Чуд гуын.
Сейыс зарнисӧ сейны оз сяммы.
Кадлысь эжасӧ кульыштан: сэн
Куйлӧ важ мозыс эзысь да зарни,
Медым ас йывсьыс висътавын тэн.
Киссяс сэй сора му,
Югзяс пемдылӧм гу.
Вӧвлӧмторъяс тэн воссясны.
Видзӧд.
Кызди дорйысьліс чуд,
Кызди дорлывліс шуд,
Кызди ас мусӧ кувтӧдзыс
Видзис.
Тӧдса сыланысь долыд, и кыпыд, и нор,
Зарни чусі ме шымырта соддзӧ.
Тӧдан, радейтӧм – ӧти.
Кӧть кутшӧм, кӧть кор.
Колян кадас, и ӧні, и водзӧ.
Вежа кыз пуӧ кӧртыштӧм чышъянысь тор,
Зарни Ань медым омӧлысь доръяс.
Нуӧ синватӧ Эжваӧ зіль Кар ыб шор,
Дзебӧ ымзӧмтӧ журӧдчан горнас.
Ставлӧн эм аслас дон,
Пыдди пуктан ли он,
Мыжыс пыр лоӧ сьӧкыдӧн,
Сьӧдӧн.

Муыс пыр лоӧ му,
Кутшӧм кывйӧн он шу.
Сэтысь быдмасын чюдъясыс
Чӧдйӧн.
Мойдъяс радейтам ставӧн ми: ичӧт и дзор.
Бурыс вермӧ да, сы вӧсна, гашкӧ.
Тӧдан, бурыс ӧд ӧти.
Кӧть кутшӧм, кӧть кор.
Колян кадас, и талун, и аски.

Анастасия СУКГОЕВА

* * *

Унмӧй вошис югыд гожа войӧ.
Мудзтӧг вежӧр кольӧмасӧ лойӧ.
Асылавны водз и водны сӧр нин.
Ачым аскӧд нуӧда ме сӧрни.

Татшӧм войӧ думъясӧс ог сайӧд.
Ӹнтысь дойӧс бӧрдӧмӧн ог баййӧд.
Асьядорыс кӧвта лысва войтсӧ –
Мыска сӧлӧм пытшкысь тайӧ войсӧ.

Алёна СТАРЦЕВА

* * *

Кор видз выв дзоридз мыгччин серамсорӧн
Да лабич вылын пукалыштны корин,
Сэк гӧгӧрвои: сӧлӧм тӧнӧ тӧдис...
И кызкӧ ӧти здукӧн лэдзис сӧдыс,
И кызкӧ ӧти здукӧн тыртис шоныд.
Ме юаслі, а вермӧ-ӧ сідз лоны,
Мый мортыс пыр-пыр лои медся матыс,
И йитӧдсӧ оз чышкы весиг кадыс,
И йитӧдсӧ оз орӧд весиг туйыс?
А тӧрыб тӧвру юалӧмӧс нуис
И ылі муын ветлӧ мӧвпнас тайӧн,
Мед вочакывсӧ ачыл коркӧ ваян.

Виталий ШАХОВ

Виталий Петрович Шахов. Родился 24 ноября 1957 года в селе Пожег Усть-Куломского района. До трёх лет говорил только на коми. Переехал в Ленинград и потом говорил только по-русски. Закончил Ленинградский университет по специальности «Прикладная математика». Работал в Сыктывкаре программистом, депутатом, редактором газеты «Вечерний Сыктывкар», чиновником и снова журналистом. Очерки, рассказы и переводы с коми печатались в республиканских и Санкт-Петербургских газетах и журналах. Первая повесть зрела долго. Точка поставлена в 2013 году.

Посвящается памяти
ушедших поэтов

ОРТ

(Повесть)

*Идешь – иди, в себя влюбляя местность,
Названья рек, урочищ, перелесков.*

**Игорь Вавилов,
«Строка состояния»**

Глава 1

*Жил помаленьку,
а помер вдруг.*

Для каждого в нашей Парме припасена своя полянка. Да не каждый её находит. Бело-бледно-зелёным блюдечком с тёмным еловым ободком спряталась Серёжина полянка в глубоком сосновом колодце. Ягель здесь не блестит хвастливо, а мягко светится, отдавая затаённое тепло земли.

Если лечь посередине и прислушаться вокруг, то можно различить боровые басы и тенорки перелесков. Даже молчаливые грибы что-то бормочут тут весёлой бруснике. Комары звенят, как обычно, но нисколько не мешают, а почему – непонятно...

Нельзя сказать, что она особо прячется. Просто показывается, когда захочет сама, и – только для тебя. А вздумаешь похвастать, будешь долго чертыхаться в трёх соснах, пока не улыбнёшься и не покаешься. Тогда дорогу укажет – домой. А к себе ещё долго не подпустит. Вот и теперь Серёга уж который год по ней тоскует...

* * *

Бывает просто: вдруг. А бывает вдруг совершенно, категорически и абсолютно. Именно так выкатились из тёмного ельника три бурых комочка. Посреди той самой полянки они развернулись и затеяли весёлую кучу-малу. Медвежата вздымались, лапали и валились друг на дружку, сплетались в один большой мохнатый клубок. Потом расплетались и азартно гоняли по кругу, смешно переваливаясь и высоко подбрасывая шерстяные попы. Застывший полдень ожил, зашептал, заиграл. Вековые сосны улыбались.

Сергей не успел ни вздрогнуть, ни испугаться. «Вот ведь... Понимаешь... Дети Природы... Не то, что мы... цари». – Как последнюю затяжку, жадно втягивал хвойный воздух, небо, солнце, золотые сосны вместе с брусникой, боровиками и медвежатами.

Из ближней кочки выросла тень: закрыла детёнышей, поляну, сосны, небо... Рука с ножом машинально ткнула и мягко провалилась во что-то шерстяное и вонючее. Красная пасть дохнула кислым. Череп остро сдавило. Онемели руки и ноги, на грудь навалилось...

* * *

Очнулся Серёга под мокрым одеялом, во тьме и в поту. Гулко стучало где-то в горле, дышать стало совсем нечем. Тело машинально сползло с продавленного дивана и распласталось-приникло к прохладному полу: «Кажись – приехали...»

Время потеряло смысл и размерность, так что Серёга не знал, сколько он так пролежал, пока осторожно возвращалось дыхание, просох пот, а раскалённый череп остыл до привычной тупой боли, впуская мысли и воспоминания.

«Так, значит... это мы, похоже, проходили... лет тридцать назад. Мамонт, сволочь, уболтал тогда на стакан спирта с шампанским. Так же вот очухивался. Думал – кранты, а через час уже требовал продолжения банкета. Никто и не заметил тогда... А сейчас? Где все? А я где?» – Последний вопрос попытался поставить тело ребром.

Остро шарахнуло в виски, колени подогнулись, и голова панически приникла к полу.

«Господу помолимся», – скривило Серёгу и на четвереньках потащило к двери. Осторожненько, по косячку поднялся и выглянул в тёмный коридор. На кухне свет горел. По стеночке, по стеночке страдалец потянулся «на огонёк».

Привычный бардак на сей раз уместно дополнил разбитый плафон. Сиротливая лампочка напомнила о бородатом мужичке с его дикими плясками. «Пашка... поэт из подворотни... всё понятно... за шкафом спит... выгоню на хрен». – Время и пространство обозначились, но легче от этого не стало, пока с кухонного стола не мигнуло горлышко бутылки прозрачного стекла.

«Неужели?! Да тут граммов триста будет, – в стакан булькнуло строго и уверенно. – Помнят руки-то... Надо же... И не дрожат... Живы будем... Да что тут? Вода, что ли?»

Грудусы проявились где-то на уровне груди и стали тихо подниматься к истерзанному мозгу. Посидели. Терновый венец уступил место тупому обручу, а во рту шершаво заворочался распухший язык. Сергей огляделся уже вполне осмысленно, поморщился и снова потянулся к бутылке, но вспомнил о Пашке: «Сдохнет ещё... Хоть и сволочь... А который час, поз-з-звольте поинтересоваться...»

Скромная форточка явно не отвечала проснувшимся потребностям. Серёга рванул на себя оконную раму. Одна, вторая... Заклеенные на зиму окна с треском распахнулись, впуская прохладу апрельской ночи.

«Тьма египетская...» – Рука потянулась к сигаретам, но в голову кольнуло – пришлось отставить до лучших времён. «Надо что-то делать...» – привычно сгрёб нехитрую утварь в раковину, вымыл, вытер, расставил. Прибрал и протёр стол, подмёл осколки.

«Полы, что ли, помыть?» – печальный замысел прервал радостный вой за окном. Снегоуборочный агрегат привычно будил округу. С утробным рычанием он жадно поглощал жидкий снежок с проезда и брезгливо сплёвывал на тротуар. «Сволочь. Значит, три часа. Отрубились около одиннадцати. Пашка до шести продрыхнет. Нормальный ход». – Серёга пересчитал наличность, хмыкнул и успокоился окончательно.

В ванной долго и ожесточённо елозил зубной щёткой. Полоскал распухшую морду: холодная, горячая, холодная, ещё, собака, горячее... Растёр мохнатым полотенцем, потянулся к бритве. Осторожно скосил глазом в зеркало: «Ладно. Отставить... Третий сорт – не брак». Потом прикончил пузырь, чего-то съел, посидел, закурил, прислушался к организму: «Жить будем. Пора на трамплин и в лавку».

* * *

«Трамплином» Сергей по привычке называл высоченный спуск к реке Вычегде в шаговой доступности от его панельной девятиэтажки. Когда-то сюда, на городскую окраину, вела единственная кривая и почти деревенская улица. И был здесь настоящий, большой, действующий трамплин. И подросток Серёга даже ездил сюда на горнолыжную секцию. И даже прыгал пару раз.

Потом панельные джунгли проросли далеко-далёко, а трамплин стал почти центром спального района. И почему-то загрустил: сначала гнил потихоньку; по одной, по две, и целыми прядями выпадали доски; обнажались чёрные столбы-опоры; потом останки растащили на костры весёлые горожане. Впрочем, кривая улица как-то пока выживала.

Почти настоящая деревня лежала сейчас где-то под Серёгиным окном.

По утрам он часто курил на балконе и смотрел, как оживают печные трубы, выпуская мягкие дымы в прозрачное небо, как они сливаются с туманом над двумя речками, как тают, открывая дальний таёжный простор...

Хотя «трамплин» Сергей любил всё же больше. Это было самое высокое место. Здесь, на скамеечке под тополем-гигантом, в виду реки и горизонта, думалось спокойно и легко. Даже и не думалось вовсе. Блаженная пустота сама что-то там творила.

Серёга не спеша оделся, проверил Пашку и уверенно шагнул в ночь. По дороге занырнул за стекло круглосуточного магазина. Долго бродил по рядам. Выбрал чекушку коньяка и шоколадку.

Кассирша странно улыбнулась, словно сказать что хотела. «Наверное, рожа моя с коньяком не стыкуется... подумаешь...» – Пока Сергей добрёл до заветной скамейки, ночь потеснилась и обозначила смутный горизонт.

Коньячок, сигаретка, простор... Мысли привычно покинули пустую голову и унеслись куда-то за реку, в невидимую пока Парму. А когда возвращались, то крутились почему-то вокруг одного имени: «Пашка. Павел Поляков. И какого хрена ты пьёшь, как... скотина? А я какого?..»

* * *

Паша выпал из рядов литературной общественности около двух лет назад. Самый молодой и самобытный коми поэт быстро взлетел к вершинам местного успеха и также резко спикировал. Всё вроде складывалось у парня удачно: жена, ребёнок, приличная должность, квартиру даже умудрился как-то получить... Но – попивал уверенно. Хотя для поэтов это почти норма.

Сергей познакомился с творчеством «одарённого» в одну из предвыборных кампаний. В дуэте с другим заслуженным артистом поэт «окучивал» деревенский электорат: Паша сочинял и плясал, друг-артист пел и играл, Серёга контролировал процесс. Было смешно и трогательно.

Волями судеб друзья частенько собирались в Серёгиной холостяцкой квартире. Как-то Паша вдохновенно басил свои произведения очередной случайной почитательнице талантов. И Сергей искренне поразился, узрев на щёчках волоокой красавицы почти трезвые потоки настоящих слёз!

– Софа, ты чего ревёшь? Ведь ты по-коми ни бельмеса!

– Дурак. Это так грустно и красиво.

И ведь права была! Есть в его поэзии какая-то тёмная природная сила. Необъяснимая и непереводаемая. И плясал Паша под гармошку исключительно самобытно: на полусогнутых ногах подпрыгивал почти до потолка, мягко пружинил и снова взмывал без всяких дополнительных выразительных средств (вот так плафон и раздолбал, гадёныш). Маленький, хитрый и бородатый, он смахивал то ли на лешего, то ли на домового, решившего вдруг оттянуться в человеческом обществе.

И рыбу умел взять в любой луже, и глухарей ловил чуть ли не под окнами писательской дачи в Лемью. И со старухами мог часами разговаривать о «прежних временах», хотя самому и тридцати-то не было.

Как-то постепенно его семейная жизнь «растрескалась». Из дома буйного во хмелю поэта выгнали. Потом и со службы попросили. Начальству надоели его «творческие загулы». Хотя дело он своё делал интересно: с выдумкой, озорством и смешинкой. Это был настоящий детский журнал, а Паша сам и писал, и рисовал, и праздники всякие устраивал... После Полякова так никто эту нишу и не занял. Но начальству, конечно, виднее. Давно замечено, что никто так жестоко не борется с пьянством, как бывшие алкоголики.

Потом «залуженный» подженился, и дружба их угасла, а Паша помелькал немного в районе Дома печати и пропал.

Сообщество граждан «без определённого места жительства» существовало во все времена. Этот параллельный мир живёт по своим законам вне социальной лестницы и практически вне государства. Даже милиция брезгует забирать опустившихся и вонючих алкоголиков в стены уютных вытрезвителей. Их не любят дворники, а бродячие псы зачастую ловко выхватывают из рук зазевавшегося бедолаги пакет с добытой на помойке провизией. Впрочем, и наиболее беспечные собаки нередко разнообразят мясное «бичевское» меню. Симбиоз.

Добропорядочные граждане стараются не замечать этих представителей «свободного мира», если они не срут в подъездах, не воруют провизию на дачах или как-то иначе не вторгаются в привычный порядок вещей. «Бичи», «синяки», «аисты»... Где-то среди них бродил Паша: большая редкость по нынешним... да каким ещё нынешним?! Когда это поэты пачками нарождались? И в «золотом веке» их по пальцам можно сосчитать, а нам уж где уж...

Больше года Паша кантовался где-то по подвалам. А в крещенские морозы нарисовался у Серёги с джентльменским набором: шляпа, борода, пижонский – бывший белый – шарф, пальтишко до пят, чекушка, селёдка, мороженое.

Сергей и сам оказался на распутье: со второй женой расстались окончательно, с работой неясно... В общем – «свободный журналист» или «говно в проруби». Вот Паша и прибился: пропадёт где-то на недельку и зайвится. Чекушка, селёдка, мороженое... Серёга пока что умел тормознуть и худо-бедно возвращался к общественно-полезной деятельности. А Пашу несло конкретно, грубо и безнадёжно.

Уж и говорили, и ругались... дрались даже. Пытался Серёга приобщить бедолагу к обычной журналистике, и местечко подыскал, даже серию про «бичей» задумывали. Но... не царское, видать, это дело. Убежит, прокантуется где-то и снова на пороге: бледный, грязный, вонючий, чекушка, селёдка, мороженое.

«Да... Был поэт, да весь вышел. А другого ему не надо. Ну и что с ним делать прикажете? Пропадёт ведь, козёл. И я с ним на пару...» – Сергей вынырнул из воспоминаний под странные звуки. «Блим-блём-блям, блим-блём-блям», – прямо над головой с вершины громадного тополя спускался перелив лёгкого колокольчика.

* * *

Уже светало. На фоне серого неба проступили силуэты домов, деревьев, кустов. Сергей отошёл от тополя и стал пристально всматриваться, постепенно различая ствол, ветви, крону...

«Ворона! Но голос-то не её, да и здорова уж больно. Что-то не встречал я таких ворон... Ворон! Точно! Вот разорался, зараза! Ты это зачем? Почему?» Чёрный силуэт тяжело распахнулся, оторвался от вершины, махнул раз, другой и спланировал вниз: к реке, за реку, во тьму.

Закончились чекушка, сигареты и брожение в мозгах. «Подлечу поэта в последний раз. Отмою, одену и – на хер! В люди! Ну, кончилась твоя поэзия! Кончилась! И что? Живут же люди. И ты, Паша, живи. И мне жить как-то надо... А – как?» – Сергей шагал широко, споро и зло.

В стеклянном магазине долго и бестолково бродил с корзиной. Возле кассы машинально складывал провизию в объёмистый пакет. Водка, пельмени, хлеб, селёдка, помидоры, сметана, лимон, коньяк... шампанское?!

«Странное у вас меню получается с утра. Что празднуем, Сергей Петрович?» – Та самая кассирша теперь улыбалась алым ротиком, белыми зубками, носом-пуговкой, тёмными глазами. «Вот так глазищи...» – Серёга неприлично сконфузился, с трудом подыскивая фразу.

– А мы... разве... знакомы?

– А то! Лет так двадцать пять! Вы ж меня на руках когда-то носили.

– Да ладно... Грешно смеяться... в такую погоду. Может, я вас ещё в люльке качал?

– Насчёт люльки врать не стану. Не помню. А вот первый звонок – как сейчас. Была я самой маленькой, а вы – самый большой. На плече у вас сидела. Гордилась очень.

Банты, фартук, колокольчик... глаза.

– Виноват. Должен был узнать, конечно... По глазам, они у вас и сейчас самые большие. Юля?

– Ну вот! Можете, если захотите. А извиняться не стоит. Кто же кассиршам в глаза заглядывает?

– Но меня-то вы как узнали?

– Ну, вы-то человек известный. Газеты читаем, телевизор смотрим. Да и родители про вас иногда вспоминают.

– Да... Сколько же мы не виделись? И как Владимир Сергеевич поживает?

– По лесам уже не бегает, а выпить может – дай бог каждому. Вы, я вижу, тоже не дурак по этой части. Даже шампанское для дамы припасли с утречка!

– Для какой дамы? А действительно: зачем мне шампанское?

Сергей сначала недоверчиво, с некоторым испугом, потом смелее и проще смотрел в смешинки разноцветных глаз. Подсчитал свои года, её...

– Нескромный вопрос. Вы во сколько смену заканчиваете?

– Ну... к десяти освобожусь.

– А потом? Я это к тому, что шампанское как раз к десяти созреет, а пить его, кроме вас, никому.

– Это что же? Приглашение такое? Рискуете... А вдруг приду?

– И замечательно! Как освободитесь – звякните. А я вас встречу. Тут недалеко. Запишите номер...

– Да я знаю. Я про вас много чего знаю... Вы сейчас меня не пытайте. Начальство уже косит, да и покупатели... Позвоню, приду и расскажу. До свидания, Сергей Петрович.

Юля улыбнулась ещё раз, а Сергей полетел домой слегка обалдевший, растерянный и улыбочивый. Бывает же такое...

* * *

Дома он деловито сварганил салат, сварил пельмени, нарезал лимон, хряпнул соточку и прошёл в большую комнату, к балкону. Пока возился с тугими щеколдами, за шкафом, на продавленной тахте, зашевелилась куча пальто и дублёнок. «Паша, вали на кухню. Подлечись». – Сергей шагнул на балкон, распахнул створки и закурил.

Первые лучи уже легли на мягкий апрельский снег, на лес, на реку, на чёрные крыши. Первые трубы робко задымили...

Когда затеплится рассвет

И лягут утренние тени,

Я отыщу прозрачный след

И тихо постою у двери...

Из немногих своих стихотворных опытов Сергей любил вспоминать только первые строчки. Впрочем, и у классиков, хоть в прозе, хоть в стихах, он всегда отчётливо помнил начало, реже – кульминацию, и уж совсем иногда – финал.

Есть в незавершённости какая-то магия, надежда, обещание... А когда даже великое перо ставит жирную точку, что-то уходит, тает очарование. Иногда кажется, что автор просто не знает, как закончить произведение и что делать с героями дальше. Остаётся тупо их прикончить. Как Ромео с Джульеттой.

Сергей смутно почуял тёмную волну откуда-то из живота. Бросил сигарету: «Поздняк метаться... В зобу дыханье... Не зря ворон разорялся... Прощайте, скалистые горы...» Волна поднялась, прокатила сквозь грудную клетку к горлу, захлестнула и накрыла с головой. Потом свинцово отхлынула в пол, покинув невесомое тело. Как-то странно промелькнули балконные перила, выросли до неба чахлые кусты, талый снег ударил в глаза.

Глава 2

Ты лети в мою сторонку...

«И-и-и-ех-х!» – из-под самого носа вниз и влево ушёл заплёванный сугроб с его окурками и дерьмом собачьим.

«Е-х-х, е-х-х, е-х-х!» – под пузом мелькнул первый автобус, над головой – электрический провод. «Эх-х-х... Эх-х-х», – поплыли под крылом сарай, чёрные крыши с жёлтыми трубами, вкусно пахнуло дымком. Внизу раскинулась белая река с тёмным лесом. Едва уловимый восходящий поток мягко потащил в широченную спираль, открывая город.

Сергей с удивлением рассматривал нагромождение знакомых улиц, уже едва узнавая среди сотен серых коробок свою девятиэтажку.

«Уродство...» – ближе к центру с нелепым нахальством ломали строй башни-высотки, даже золочёный купол храма подмигивал с каким-то блядским намёком. Ещё вполне различимо стоял на центральной площади одинокий вождь, то ли прощаясь, то ли указывая дорогу. «Мы пойдём другим путём», – недобро усмехнулся Серёга.

* * *

– Что-то не в настроении мы, Сергей Петрович... Не так уж плох наш городок. Прекрасная панорама. Редкая возможность. Не злиться надо, а наслаждаться полётом. Где ещё вы такое видели?

– Нормальный ход... Как в самолёте...

– Сам ты... кукурузник... Скажи ещё, что не удивился.

– Да ты ведь и так всё знаешь. К чему лишний базар?

– А поговорить?! Тебе бы столько лет помолчать!

– Помолчать... Ты всю жизнь мне спать нормально не давал. Считаю, до сорока лет летали по ночам. Где это видано?

– И без меня есть кому решать: летать тебе или не летать. Суть посланий исходила от них, а я был всего лишь средством сообщения.

– Средство... А на тополе чего не удержался? Зачем вякнул? Думал, не пойму?

– Наслышаны-с-с... аналитический ум и развитая интуиция. И всё же постарайтесь выбирать выражения. Это уже не сон. Пришло время – и показался. Так положено.

– Кем положено?

– Не спеши торопиться. Узнаешь.

– А ты сам-то... знаешь?

За мирной беседой пропал из виду город и вообще земля как таковая. Откуда-то выросла в дымке большая синяя гора. Она всё приближалась, посте-

пенно заслоняя обширное плато, туманные долины, реки, озёра...

Вершину обнимало тихое свечение, в котором мелькали неясные тени и даже какие-то звуки: то ли хор, то ли орган... Красиво, в общем. Со всех сторон к горе летели-тянулись то ли стаи, то ли вереницы странных птиц. У подножия они закручивались в спирали и таяли в густой синеве горы. Сергей сумел разглядеть даже, как тончают птичьи крылья, превращаясь в руки...

– Эт-т-то... что ещё за «Рерих»? Нам тоже туда?

– Ну, в общем, конечно... А что, боишься?

Сергей прислушался: страшно не было. Но и радости особой не ощущалось. Туманно как-то всё, неясно, непонятно. Самое время успокоиться и попытаться взять ситуацию под контроль.

– Там твоё гнездо? Нет... извини, конечно... То есть... ты там обычно... ну... Да ты сам ведь всё понимаешь! Это твой Дом?

– А что ты знаешь о Доме?

* * *

Дом... Прохладные, бескрайние воды Печоры... Они тихо качают громадные чёрные лодки, плещут, набегают на скользкую гальку. Три чумазых карапуза что-то озабоченно лепят из мокрой глины, сопят посиневшими носами, беседуют.

«У-р-ру-р-р», – заворчали и шевельнулись кусты совсем рядом. Двое округлили глазки. Третий невозмутимо продолжил труды: «Это не медведь. Это бабушка. Не бойтесь».

«Ах ты, ис-тыль-толь!» – молодая, красивая женщина с весёлыми глазами-искрами вышла из укрытия и мягко выхватила карапуза...

Стоп! Бабушки уж десять лет как нет. А эти глаза я видел только что! Ещё живым...

Потом – в лес на бабушкиной шее. Пахнет прелой листвой, ёлками и бабушкиными волосами: «Ты куда? Вон же! Вон! Гриб».

Потом – матросский костюм с бескозыркой «Аврора»: «Тёльное моле моё! Тё-ё-ёльное моле моё...»

Потом – дежурство на высоком крыльце: «Бабушка! Бабушка! Дяди йологи идут!» Потом лежу на печке и гляжу, как бородатые дядьки рубают какую-то красную картошку со сметаной. «Слезай, малыш. Попробуй. Это – помидоры».

Потом – сказки на ночь. Почему-то исключительно про медведей. Потом медведи приходят в тёплые сны: то играют, то качают, то крадут и тащат в дупло...

Теплоход, самолёт, Ленинград. Русские дяди обступили коми карапуза: «Что, неужели ни слова по-русски? Иностранец!» Малыш без страха вертит лобастой головой, вспоминает бабушку, улыбается...

Потом едет на руках у папы мимо ненавистного серого дома.

– Да где же твой садик, Серёжа?

– Дальше, папа, дальше.

– Может, здесь?

– Дальше, папа, дальше...

Так всю улицу и проехали. Попытка удалась. Пришлось на этот раз домой вернуться.

Потом плачет в длинной ночной рубашке на тёмной лестнице детского сада, зовёт маму... Где она? Где бабушка? Где мой Дом?

* * *

– Ну, допустим... У нас тут, конечно, всё иначе, хотя... Похоже, в общем.

– Так у тебя тоже бабушка есть?

– Х-х-е-е... «Бабушка рядышком с дедушкой!» Ты совсем уж в детство-то не впадай.

– Что же? Совсем один?

– Задолбал ты со своим одиночеством! И что ты с ним носишься, как дурень со ступой? Здесь не наливают! И сопли утирать некому. Да и незачем... Ведь всё ты прекрасно понимаешь, а прячешься по шкафам, как дитё малое.

– По шкафам... Вот, значит, как... А меня простят? Примут? Ну... там... у Вас?

В молчании плавно уплыла куда-то «рериховская» горка. Вдали неясно проступили очертания большого мегаполиса: купола, шпиль, реки и речки, каналы, мосты. Сергей молча любовался панорамой любимого, забытого города...

Суки-Сраки 1

Земную жизнь пройдя до середины...

БМП лениво полз по ночной набережной и небрежно, слепо плевал в мёртвые окна короткими трассерами. «Вот гады. Развлекаются. Обкурились, что ли?» – Серёга припал к гранитному парапету, нащупал ребристую ручку тяжёлой гранаты и замер, выжидая дистанцию. Потом выдернул чеку, привычно спружинил всем телом и с выдохом выкинул снаряд.

Под правым колесом полыхнуло, и бронированная дура лихо завалилась набок, нехотя задымила. В неверном лунном свете из-под машины полезли тени, распластались, замигали весёлыми огоньками. Под грохот АКМ-ов.

Сергей перекатился в густую тень дома и удобно разместился в подвернувшийся приямок.

«Вслепую лупите... А мы вас аккуратненько...» – М-16 зло и быстро – один за одним – гасил бестолковые огни. Но там уже что-то поняли и рассредоточились. Короткие очереди ложились всё ближе, а через улицу за парапетом тихо всплыла сетчатая каска. Сергей ласково прицелился и мягко спустил курок, но родимая только голодно и обиженно щёлкнула. Рука привычно дёрнулась в подсумок: «Голяк. З-з-араза!»

В спасительной тени Серёга бесшумно скользнул в ближайшую подворотню. Завыли сирены, завизжали тормоза. Фары ударили в глубину двора-колодца, заметались, нащупывая мишень.

«Сюда. За мной!» – В проёме подъезда мелькнула смутно знакомая борода. Рукав властно потянули во тьму: подвал, колодец, скобы, вонь, вода по пояс, по горло. Мерзкая жижа заперла дыхание.

– Вот дерьмо!

– Заткнись и не отставай!

Проводник уверенно булькал, шлёпал, шагал в кромешной тьме. Сергей уже устал считать повороты, подъёмы и спуски, когда в сухом тоннеле в глаза ударил фонарь, лягнул затвор.

– Руки в гору! Паша, заberi у него ствол. А ты, мил человек, ручонки пока поддержи.

– Да наш он. Сам видел.

– Лучше перебдеть... Шагай вперёд.

Фонарь переместился за спину, прожоя и указывая путь одновременно. Вскоре бородатый Паша тяжело сдвинул железную дверь в стене и шагнул в ярко освещённый проём.

– Ну, и чьих мы будем, господин товарищ? Вы присаживайтесь. Руки можно опустить.

Сергей сел на подставленную табуретку. Сначала дико щурился и озирался. Потом тупо вытаращился.

– А вы сами-то кто такие? И вообще... Где я?

– Классика!

Все, кроме Паши, коротко хохотнули-усмехнулись. Здоровенный бритый негр вскрывал ножом «кильку в томате» и зверовато скалил ослепительную пасть. Томная рыжая девица красиво развалилась в кресле: ножки подобраны с профессиональной грацией, глазищи с тенями смотрят устало. Остроносый и бледный очкарик уже разместил в шкафу свой АКМ, а Паша уже отдал Серёгину винтовку интеллигентного вида крепышу. Освободившись от оружия, мужики остервенело сдирали мокрые лохмотья...

В крепыше начальник угадывался с первого взгляда: выпуклый лоб с залысинами, спокойные серые глаза чуть навывкате, нос с аккуратной уточкой, губы тонковаты, подбородок чуть скошен, но вполне внушительен. Серый пиджак сидит, как китель. «КГБ-шник, что ли? Из бывших...» – всплыло что-то из подсознания.

– Ну, хорошо. Вас пока пытаться не будем. Павел, доложите, пожалуйста, об обстоятельствах.

– Новичок обнаружен на набережной. Подорвал собачью будку и пристрелил с десяток Сук, не меньше. Чувствуется – профессионал. Потом кончились патроны, и он рванул во двор. Там я его и подхватил.

– С десяток, говоришь?.. Ну, и зачем же вы стреляли в представителей власти? Вы ведь американец? Как вас зовут?

– Какой ещё власти? Они же внаглую из пулемёта по окнам палили... И почему – американец?

– Ну как же? Винтовка М-16, «Made in USA»... Откуда она у вас? Впрочем, виноват, не всё сразу... Так как вас прикажете называть?

– Сергей... Попов... Петрович...

– Русский?

– Ну... почти. Я – коми.

– Это где? Извините, позже сами всё поймёте. Пока всё это неважно. Будем называть вас Петрович. Не возражаете? Ну и ладненько. Вы, наверное, уже поняли, что в подвал вас затащил Павел? Ну, конечно. Партийная кличка Бич.

Бородач дурашливо отсалютовал.

– В тоннеле вас встречал Антон. Мы зовём его Катализатор. Длинновато, но лучше не сокращать. Не любит.

Очкарик сухо поклонился.

– Сейчас Роберт, а в просторечье Повар, сготовит нам ужин.

Негр уже возился у плиты и улыбался бритым затылком.

– А Натали займётся вашим гардеробом. Вопросы есть?

– А вас как прикажете называть? И где я всё-таки? То есть... Где мы все?

– Меня все называют Полковником. Второй вопрос относится к категории философских. Каждый отвечает на него по-своему... Так же, как на вопросы: кто я и откуда. Реально тут никто ничего не помнит из прошлой жизни. Почти.

– Но... я вас где-то видел. И Пашку... И Антона... И город похож на Ленинград.

– Ленинград, Петроград, Петербург... Может, и похож... У вас, видимо, исключительно хорошая память. Здесь это большая редкость, кстати. Возможно, мы с вами соотечественники... Возможно... А пока лучше привыкнуть к новым обозначениям: Город, Полковник, Повар, Бич, Катализатор. Всё! В примерочную! Петрович поступает в распоряжение прекрасной Натали. Уверю, не пожалеете.

Натали лениво усмехнулась, соскочила с кресла и легко поплыла вглубь полутёмного коридора. Рыжая грива мягко отливала медью, бёдра небрежно покачивались... М-м-н-да!

Примерочная оказалась огромным залом с длинными рядами вешалок всех цветов, фасонов и размеров. В ростовом зеркале Петрович наткнулся взглядом на бледного, небритого, седого, всклокоченного мужичка. Мокрое, пятнистое хаки противно облегало тело от широких плеч до кривоватых ног. Сергей ма-

шинально попытался втянуть живот и растерянно оглянулся на Натали. Женщина была одета просто, ловко, дорого, строго и... сексуально. Как в кино.

– И что же столь прекрасная дама может предложить столь пожилому и неказистому кавалеру? Для начала меня ведь следует раздеть? Как я думаю!

– Брось. Давай на «ты» и без выпендрёжа. Вот тебе халат. В душе есть всё что надо. Давай по-быстрому. Я пока прикид подберу.

В душе было, действительно, всё что надо. Даже бельё разных размеров и отменного качества. Усталость, страх, вонь и щетина булькнули в слив. Теперь из зеркала на Петровича щурился пожилой вальяжный барин в махровом халате.

Натали подкатила стойку с вешалками, с минуту критически рассматривала изменившийся объект.

– Примерь пока вот это. Джинсы, футболка, носки... кроссовки... куртка...

– Натали, а почему тебя настоящим именем называют?

– Настоящего я не помню. Не отвлекайся. Так... тебе, по ходу, и другой вариант не помешает.

Натали скрылась в глубине, и пока Петрович одевался под моложавого, крепенького бодрячка, успела подкатить новый комплект.

– Ну, с этим понятно... Теперь попробуем вот это.

Дорогущий серый костюм, стильная голубая рубашка, полуботинки мягкой кожи... Натали без стеснения одевала, раздевала, снова одевала, перебирала галстуки. Наконец почти любовно завязала узел и гордо развернула Петровича к зеркалу.

– Принц! В изгнании... Пожалуй, так и выйдешь к первому ужину.

– А смысл? Мне вот в джинсах как-то ловчее было.

– По одежке встречают. Кто знает, на какую роль тебя Полковник поставит? Или ты большой любитель пострелять?

Сергей вздрогнул, опустил руки и мрачно уставился на красивого, холёного господина... лет тридцати с проседью: «Ведьма она, что ли?» Натали мягко прикоснулась к плечу.

– Не паникуй. Здесь все в одинаковом положении. Никто ничего не знает. Всё очень быстро меняется. И роли не Полковник раздаёт. Тебе, считай, повезло.

– Это в чём же?

– Сразу в авторитеты попал: боец, профи и выглядишь солидно. А мог бы, как Пашка, в Бичи попасть...

– А что, Пашка настоящий бич?

– В Городе – настоящий. Бродит по помойкам, собирает информацию, новичков ловит вроде тебя... Удобно, в принципе. Здесь, в Катакомбах, мы, конечно, все равны... Только редко мы здесь собираемся.

– А сегодня зачем спустились?

– Тебя встречаем. Много шума ты наделал, пришлось сразу к нам прописывать. Я же говорю: повезло. Хотя... ладно, пошли... вскрытие покажет.

Длинный стол, шесть тяжёлых стульев, приборы, тарелки, салфетки и све-

чи, шеренга салатниц, бастион бутылок: просто и со вкусом. Строгий и доступный Полковник без галстука лучезарно лыбился во главе. По левую руку задумчивый Бич в широкополой шляпе сумрачно вертел в ладони столовый нож. Катализатор облокотился на стол: подбородок на костяшках, острый хрящеватый нос глядит на Натали, очки в металлической оправе – на Серёгу.

– Вот это я понимаю! Натали, присутствие в тебе божественного начала никогда не вызывало лично у меня никаких сомнений. Но сегодня... Думаю, что даже наш уважаемый Катализатор не сможет ничего возразить. Просим, просим...

Полковник встал, выдвинул стул рядом, галантно приложился к ручке. Натали просто села.

– Ну, а вас я даже и не знаю, как теперь величать! С Петровичем мы, по-хоже, поторопились... Хотя в этом что-то есть такое... Ваше мнение, господа?

– Первое слово дороже. Давайте жрать, пожалуйста. – Бич положил нож и взял вилку.

– Истинный смысл и роль псевдонимов вообще до конца не ясны... Думаю, надо оставить. Если объект не возражает, конечно. – Очки лукаво блеснули.

– Да я... Хоть груздем...

– Ну и отлично! Вот ваше законное место. Прошу садиться. – Полковник указал на стул напротив. – Господин Повар, пора начинать! Тащи и садись, хорош нас мучить!

Здоровенная утятница в чёрных руках смотрелась игрушкой. Повар важно водрузил объект в центр стола, мягко снял и умыкнул куда-то крышку, сел сам. Парок рассеялся, и повисшую паузу прервала Натали:

– Вы звери, господа! Неужели мы его съедим?

– Думаю, что он будет только рад до конца выполнить свой долг. Браво, Повар, ты превзошёл самого себя, – улыбнулся Катализатор.

Поросёнок улыбался Петровичу, Петрович – Натали, Натали – Бичу, Бич – Повару. Повар улыбался всем.

– Прошу наполнить. По нашим правилам каждый наливает себе сам. Сегодня я, пожалуй, хряпну водочки. – Полковник ловко опрокинул запотевшую бутылку над тонконогой рюмкой.

Бич деловито налил фужер портвейна и потянулся за селёдкой. Катализатор аккуратно нацедил какого-то вина, вождельённо косясь на поросёнка. Повар успел открыть шампанское для Натали, разрезать и разложить по тарелкам нежнейшее создание, ласково наполнить свой стакан чёрным ромом и снова улыбнуться. Петрович рассеянно налил водки в фужер и зацепил ложкой каких-то скользких грибов.

– И так, господа. – Полковник встал. – Предлагаю наш традиционный первый тост: за гостя! За нового члена нашей Шестёрки! С этого момента нити дружбы и сердечного участия прочно связали нас с Петровичем, и Петровича с нами. Мы будем всегда чувствовать это там, в Городе. Мы будем вместе плакать, радоваться, любить и прощать здесь, в Катакомбах. Это судьба. Прими её с честью. Виват!

Все встали, ловко сдвинули сосуды и разом опрокинули.

– Ну вот. Теперь ты наш. Целоваться не будем, но на «ты» переходим в обязательном порядке. Это закон такой же непреложный, как и наш зверский аппетит. Прощу садиться.

Петрович никогда ещё так вкусно не ел: «Праздник желудка, понимаешь... А, впрочем, что я вообще помню? И ни хрена не понимаю. Шестёрки, Катакомбы, Город... Что за хрень? Закурить бы...»

– Прощу налить по полной, – встала Натали. – Минутой молчания и сердечным приветом помянем нашего друга. Его звали Пак. Петрович, ты выпей тоже.

Встали, выпили, помолчали, сели.

– Слушай, как бы тут... перекурить? Или не принято? – Серёга смущённо склонился к уху Катализатора.

– Отсядем в сторонку.

Новые друзья разместились в уютном закутке, на диванчике. Катализатор зажёл свечи в массивном канделябре, достал пачку, распечатал, щёлкнул зажигалкой. Закурили.

– А кто такой Пак? Кореец?

– Не знаю. Может, японец... Он был до тебя. А сейчас ты сидишь на его месте.

– Куда же делся Пак?

– Он погиб. Вчера. Поэтому пришёл ты. Нас всегда должно быть шестеро.

– Почему?

– Не знаю. Это Закон. Ты реже спрашивай: почему и зачем. Это каждый сам должен понять. Никто не знает, кем он был раньше и уж тем более кем он станет завтра. Более или менее понятно, кто ты сегодня... Ты задавай конкретные вопросы.

– Ну... и кто ты сегодня?

– Здесь я Катализатор. А в Городе на сегодня я Ян Рудольфович Калниньш, доктор наук, заведу химической лабораторией в госпитале.

– А я?

– Ты – Петрович. В Городе будешь Сергеем Петровичем Поповым... Скорее всего. Конкретно узнаешь завтра. В Городе. Или можешь здесь у Полковника спросить. Но вряд ли он что-то конкретное скажет. Роли ведь не он распределяет. Полковник работает с фактами, а у тебя их пока нет. Кроме стрельбы. Ты к нам, можно сказать, прямо с неба свалился, почти минуя Город. Вот Натали тебя довольно странно придела... для простого стрелка. Но у неё просто интуиция работает. Объяснить она тоже ничего не сумеет.

– А ты давно здесь?

– Понимаешь... Здесь время как-то странно течёт. Я лично считаю, что мы здесь, в Катакомбах, собираемся раз в сорок дней. Но в Городе может пройти и год, и день. Потом всё сбивается. В Катакомбах у меня пятнадцатая ночь. Значит, я считаю, что в Городе прошло шестьсот дней... Но это моя версия. Бич, например, не согласен.

– А зачем? Прости... По какому поводу объявляется сбор? Когда кто-то погибает и надо встретить новичка?

– Нет. Не только. Просто приходит сигнал сбора.

– Откуда?

– Да по-разному. Мы вот прикидывали, что в некоторых случаях утром Город резко меняется без видимых причин. Значит, сигнал приходил откуда-то сверху. А бывает, что мы все разом очень захотим встретиться. Или кто-то один... Тоже получается сигнал. А до тебя я только Пашку и Пака встречал.

– А он вместо кого прибыл?

– Вместо Сержанта. Тот в полиции служил. Кстати, Бича сюда Полковник привёл. Уже с биографией.

– Полковник наверху, небось, в органах служит.

– У-уу-у ты какой!!! Как догадался?

– Да похож он на кого-то...

– Интуиция... Или память... Далеко пойдёшь. Не зря тебя Натали расфуфырила.

– А кем был Пак?

– Он тоже почти что с неба свалился. В прикольном таком костюмчике с ножичками. С ходу зарезал пару Сук. Глупо, конечно... Я его из госпиталя украл. Натали его принарядила, и стал Пак секретарём в мери, потом поваром в японском ресторане, потом в цирке работал.

– За что его убили? И кто?

– Пока не знаем. Может, кто из Сук его вспомнил... А может... Вот ты, похоже, сам всё и разузнаешь.

– А кто из вас самый «старослужащий»? Полковник?

– На этот раз мимо. Натали. Она притащила Повара. А потом уж появился Полковник.

– Это тебе кто рассказал?

– Полковник и рассказал... Ты это брось! Здесь, в Катакомбах, не врут, не предадут, не трусят, не воруют...

– Ладно, ладно... Извини. Просто не люблю я всяких там чекистов, гэбистов и прочих агентов.

– Кто знает, кем он был и кем будет Там? Здесь он будет Полковником до конца, как и все мы. Не потому что хорошие, а потому что так надо. Ты это твёрдо уясни сразу. И никаких сомнений! Наверху горя нахлебаешься.

– А зачем? Все, все... Пора нам к столу, наверное?

– Пора. Это тебе.

Катализатор протянул Петровичу пачку и зажигалку.

– Зачем? А ты сам как?

– Да я и не курю, в общем. Бросил. Тут все бросают. Ну всё, пошли, пошли, неудобно...

Повар уже не улыбался. Он нежно и серьёзно перебирал струны большой гитары. Натали опять по-кошачьи подобрала длиннющие ноги и пела неожиданно низким голосом, чуть скосив едва прикрытые ресницами глазщи:

Бэсса мэ...

Бэсса мэ мучо...

«Испанка, что ли? И, вообще, на каком языке мы все разговариваем?! Ну, Бич с Полковником, вроде, на русском... А Катализатор, а Натали? Тоже? Ну, допустим... А где акцент? А Повар вообще ещё ни слова не сказал!»

Угас последний аккорд. Народ очнулся, встряхнулся, зашевелился. Бич потянулся к портвейну.

– Ну что, Петрович, просветил тебя наш мозговой центр? Не бери в голову сразу. Давай лучше накатим! За любовь! Как, Натали?

«Этот точно русский...»

– С Петровичем? Запросто! Люблю новеньких!

«Грубовато как-то вышло... Бедняжка имени не помнит, что уж тут про нацию... А хороша».

– Ну что ж, устами поэта глаголет истина! Наливаем! – Полковник иронично скосил выпуклый глаз на Бича. – За любовь, так – за любовь! Заодно – на посошок!

Петрович махнул третий фужер водки и в упор уставился на Полковника: «Вроде тоже русский. Или – немец. Но хитёр, собака!»

– И куда же нам прикажете?

– Кому в дверь, кому – в окно! Не журысь, Петрович! Тут у каждого свой вход и выход. И каждый сам себе хозяин. На первый раз тебя Натали проводит: «В долгий путь. На добрые дела...» И, заметь, без всякого приказа. Исключительно на добровольных началах. Там, кстати, заварушка какая-то намечается с демократией. Похоже, без тебя не обойдутся. Так что заходи, если что.

Полковник по-свойски подмигнул на прощание. «Сволочь он всё-таки. Как ты ни умничай, господин Катализатор...»

Мимо знакомой гардеробной шли молча. В темноте их руки невольно и легко соприкасались. Потом Натали забралась на скамейку у стены, нащупала канделябры, зажгла свечи. Справа и слева проступили две двери.

– Эта теперь твоя, – девушка приложила к стене правую ладошку. Устало опустилась на скамью. – Закурим?

Петрович поспешно услужил.

– А ты разве куришь?

– А что, женщинам не положено? Я ещё и пью. И, вообще, чёрт те чем занимаюсь...

– Да нет, Катализатор сказал, что тут все бросают. А ты вроде дольше всех здесь...

– Живу? Да не стесняйся ты... Не все бросают. Хотя ни спирт, ни никотин здесь не катят. Просто привычка. Ритуал.

– Как это?

– Как, как! Пусть Катализатор объясняет! Фикция это, понимаешь? Вот ты сколько водки выжрал? И что?

– Подумаешь... Три фужера под такую закусь!

– Три фужера. Считаю, больше, чем пол-литра... Я – бутылку шампан-

ского. И ни у кого ни в одном глазу. И жратва здесь – фикция. Привычка.

– Ну... уж это ты брось! Я так вкусно ещё не едал... наверное.

– Это Повар расстарался. Он из бывших дачников. Поднял старые связи.

– И что?

– Короче! Всё, что можно купить в городских магазинах, – фикция. Химия какая-то. Настоящую жратву и самогон привозят дачники и продают только на рынке. Дачники живут за Городом. Через Зону их пропускают по единственной дороге: до Рынка и обратно. Зону охраняют Суки: ни туда, ни сюда никого больше впускают и не выпускают. И что там, за Городом, никто не знает.

– А дачники что же, ничего не рассказывают?

– Дачники говорить не умеют. Как собаки. Торгуются, правда, но очень смешно. Всё?

– Дела... А что, дачники все чёрные? А зачем им деньги? И, вообще, деньги-то хоть есть?

– Ну, ты совсем как ребёнок! – Натали рассмеялась и нахально взъерошила Петровичу седую шевелюру. Потом вздохнула. – Пак такой же был... Сначала. Ты не обижайся. Через час в Городе у тебя будет биография, положение. Может, даже: жена и дети. И знать ты будешь много. Уж всяко больше, чем я. – Девушка глубоко, до фильтра, затянулась сигаретой. – А дачники бывают разные: чёрные, белые, но чаще – жёлтые... И деньги в Городе есть. Но дачники денег не берут. Берут шмотки, инструменты всякие. Оружие берут, но это запрещено. Повар вот попался. Его хотели убить, но я вытащила сюда. Легализовали. С тех пор он и стал Поваром. Немым.

– А мы на каком языке говорим?

– Не-зна-ю! И знать не-же-ла-ю! Это к Бичу. Всё, Петрович! Время.

– Последний вопрос... Два... Что означает – Суки? Почему они стреляют по окнам?

– Служба Укрепления. Сокращённо – Сук. Ночью все обязаны спать. Суки проверяют. А ночью в Городе называется время от ноля до пяти. Но в Полосе Отчуждения, где очутился ты, Сук иногда убивают. Поэтому там они ездят в бронемашинах и чуют со страху.

– А что?..

– Всё, Петрович! Вопросам конца не будет, а времени без пяти пять. Вставай. Первый раз нужны две наших руки. Потом будешь сам входить и выходить, когда захочешь.

Натали приложила правую ладонь к двери. То же самое сделал Петрович. Дверь исчезла. В маленькой комнате без окон оказалась тахта, знакомая стойка из гардероба. В углу маячила родная винтовка.

– Это «шлюз». Лёг на тахту – и в Городе. Ладонь к двери – и в Катакомбах. Если что, можешь здесь просто отдохнуть и переодеться.

– А ружьё зачем? Патронов всё равно нет.

– Значит, пригодится. Вопросы отставить. Раздеться. Лечь.

Мягкая ладонь легла на грудь, волосы легко скользнули знакомым ароматом, родные глаза утонули в моих зрачках: «Бай, бай, Петрович. Пока, Серёга».

Глава 3

Что в имени тебе моём?

По-юношески трепыхнулось что-то внутри, когда с высоты птичьего полёта Сергей ясно различил границу Финского залива, аллеи громадного, родного парка, зеркальные пруды и дребезжащий трамвай. Тёплая тяжесть весла и лёгкий смех над жёлтыми кувшинками. Шпиль, колонны, купола и арки. Могучий, завораживающий водный простор в самой лучшей в мире оправе.

– Ну вот. Другое дело. Это конкретный, реальный Питер. А до этого ты куда меня возило, «средство сообщения»? Что ещё за Город, Катакомбы, Суки и прочие фантазии?

– Реальный, говорите? Ну, допустим... И как вы эту реальность обозначили? Что это ещё за «Питер»? Нет на карте такого города.

– Дело не в названии... Ладно, ладно... Это Санкт-Петербург, если уж тебе приспичило!

– Мне?! Я-то знаю, что это совсем другой город. И вообще, что вы знаете о реальности? Как отделить прошлое от настоящего, сон от действительности?

– Ах, ах, ах! Расскажите нам о бабочке, которой снится, что она бабочка, которой снится.... про пустоту, про измерения, о времени, которого нет... Реально то, что я вижу и чувствую сейчас. Сей момент. И то, что мне сей момент интересно. А все эти философские построения, «чьих» бы они ни были, меня сейчас не колышат!

– Специально придуриваться необязательно. Недостатки и особенности вашего образования, Сергей Петрович, и так со всей очевидностью проявляются не только в построении фраз... Из вашего утверждения, например, следует, что я – реален. Не так ли? И неважно, интересен я вам «сей момент» или нет... Хотя... Признайтесь, вам ведь очень интересно узнать, кто я или... что? Нет?

– ...

– Можете не отвечать. Я и так знаю, что вы с самого начала пытаетесь как-то меня обозначить. Ну, не стесняйтесь. Все свои.

– Не знаю... Шестикрылый серафим?.. Нет, разумеется... Крыльями не вышли-с...

– Отлично! Самые большие глупости совершаются с умным выражением на лице. Продолжайте, прошу вас. И предлагаю вернуться на «ты», чтобы не путаться.

– Спасибо. Извини, конечно... Если честно, то сначала я принял тебя за ангела. Но...

– Совершенно верно! Ангелы – мои смежники и в некотором роде небольшое начальство. И ведь некому на них пожаловаться! Субординация.

– А ты мне пожалуйся.

– Х-х-е... А что? Сам посуди. Ведь по инструкции они тебя должны пасти непрерывно: пост сдал, пост принял. А на деле что? Запросто может улететь

и придумать массу причин. Никто проверять не станет. Тем более, что ты, например, поводов даёшь предостаточно... Хорошо ещё, если доложит по инстанции.

– И что?

– Что... Приходится мне «стучать». Что, согласишься, не очень-то красиво.

– А я?

– А ты болтаешься без прикрытия, что, разумеется, чревато... С твоими-то наклонностями. Так что поговорка «Свято место пусто не бывает» написана нашей кровью. В том числе и – моей!

– Извини. Ты так много для меня делаешь... А я ведь, похоже, и в самом деле не знаю даже, как тебя называть.

– Лесть и лукавство, Сергей Петрович, здесь не слишком уместны. Хотя, конечно, доброе слово и кошке приятно... Хотя я и не кошка. Может, и правильно ты лукавишь. Вернее – инстинктивно.

– Ладно. С этим городом, что сейчас под нами, как-нибудь разберёмся. Вместе, конечно... Ну, а только что? Что это было? Что за хрень ты мне показывал? Ну... хотя бы: какой из меня «стрелок»? Я и в армии-то толком не служил.

– Ну, как же: лейтенант запаса. Лучший снайпер во взводе.

– Не смейся! Когда это было! Ну, постреляли... Так – не по людям, а по мишеням. А тут терминатор какой-то...

– А ты себя считаешь белым и пушистым? Думаешь, в человека бы не стрельнул? А помнишь, как ножичек за пазухой таскал? Да не просто – ножичек. Тесак! А для кого? Для женщины! Неделю ведь караулил. А нам пришлось на всю неделю дорогу закрыть, чтоб ты её не дождался... Вспомнил? Так что, думаешь, по людям ты бы не стрелял? Да пусти мы тебя в любую «горячую точку», палил бы, как миленький... И лучше других. Потому что оч-чень себя любишь и за свою жизнь чужой не пожалеешь. Нет?

В сумерках под крылом уже мельтешили линии Васильевского острова, глубокие колодцы питерских дворов... Вконец расстроенный Серёга плохо видел и уже почти ничего не соображал.

– Вот, значит, как... Всё это «на самом деле»? Это – Правда? И что, интересно, ты ещё мне припас?

– Правд много. И не я их тебе «припас»... Да не реви ты так. Суки – всё же не совсем люди. Скорее, даже совсем не люди. Тьфу! Запутался... Подъезжаем. А город я тебе всё же назову. Под нами – Ленинград!

* * *

Куда уходит детство? Или мы из него уходим? Сергей из детства улетал на самолёте. «Товарищи пассажиры, через десять минут наш самолёт совершит посадку в аэропорту города-героя Ленинград. Просьба...»

В далёком северном аэровокзале остался родной 8-й «Б» с девочкой Ле-

ной, бабушка, соседки... Серёга усмехнулся, вспомнив, как оглянулся на трапе, навсегда прощаясь с родными и близкими. Летать он конкретно боялся и приготовился ко всему. Черты мужественно закаменели. Потом отпустило, и Сергей впал в лёгкий транс от лунного пейзажа в иллюминаторе.

Белая, бугристая, бескрайняя равнина казалась странным образом тёплой и родной даже в холодном ночном сиянии. Жаль было с ней расставаться, когда самолёт нырнул в молоко низкой облачности. Теперь он боялся набегающих огней большого города.

Ночной Питер встретил почти юношу дождём: автобус, метро, трамвай, аптека, улица, фонарь... Неоновые вывески в косых мерцающих крапинках искрились чужими, столичными огнями. Даже мокрый асфальт блестел естественно красиво.

В пустынном холле интернатской общаги ироничная бабуля интеллигентно, по Питерски, читала по слогам: «Сык-в-тык-в-кар... Коми АССР... А-а-а, это где Воркута? Ладно, ладно, Сергей Попов, 9-й «В», налево по лестнице, третий этаж, комната 36, это в самой середке. Кровать застелена. Найдёшь сам. Подъём в 7. Завтрак в 7.30. Спокойной ночи».

Детство кончилось.

* * *

В семь ноль-ноль этаж оглушили раскаты львиного рыка. Шестеро парней ошарашенно сели и выпучились друг на друга. Из репродуктора понеслось:

Ол бай ю драй ю синг май френд
Фо микс ю фил ол райт!

«Ну, ни фига себе! Битлы! По радио!» – В Серёгиной провинциальной столице начала семидесятых любой обладатель хрипящей бобины с записью «The Beatles» автоматически попадал в элиту. Не говоря уж о владельцах пластинок. А тут... качественно! Пацаны оживились, разулыбались и приступили к знакомству.

В спецколу-интернат при Университете собирали способных ребят со всего Северо-Запада. Физики и математики попадали в классы с «А» по «Г», химики и биологи – в «Д» и «Е». Сергей считал своё «назначение» случайным, ожидал встретить здесь занудливых очкариков и рассчитывал на скорое возвращение к сыктывкарской шпане. Всё оказалось гораздо сложнее и интереснее.

Шура, Йёся, Димон, Николаич, Мамонт – такие «кликухи» придумали друг другу обитатели 36-й комнаты, почти сразу получившей статус главной комнаты 9-го «В». А 9-й «В» стал «основным» в школе к концу первого полугодия. Деда-десятиклассники принимали их на равных, а преподаватели

всерьёз опасались коллективных и непредсказуемых инициатив чересчур уж «способных» ребят.

Первый масштабный «демарш» 36-й имел невольный, но явно выраженный политический «душок». Тогда 9-й «В» дружно вступился за поруганную честь тишайшего Шуры с не очень благозвучной фамилией Калупин. А помог им в этом благородном деле не кто иной, как сам Солженицын. Да, да, «тот самый».

Одна из особенностей школы-интерната: прослойка воспитателей. Воспитывать они не пытались, а так: следили за порядком в общежитии. В основном это были привилегированные женщины-пенсионерки. Но в один прекрасный день в женский коллектив влился статный, седой и строгий с виду отставной военный, с ходу получивший естественное обозначение: Генерал.

Работы у воспитателей было немного: сутки через трое. И своих подопечных они практически не знали. К примеру, перед отбоем пенсионеры обходили комнаты и просто переписывали фамилии отсутствующих по каким-либо причинам воспитанников.

В свой первый обход Генерал буднично вошёл в 36-ю.

– Кто отсутствует?

– Калупин. На выходные он у родственников ночует.

– У родственников... Калупин... Х-х-е... А почему не: Золупин?

Пацаны от такого солдатского юмора потеряли дар речи. Они и сами довольно жёстко подшучивали друг над другом, особенно: над безобидным Шурой... Но до такого откровенного и тупого хамства никто не опускался. Всё воскресенье тема живо обсуждалась, а в понедельник пришло сообщение о выдворении за пределы СССР писателя Солженицына.

«Архипелаг Гулаг» никто из нас, конечно, не читал... Может, он и в самом деле гад и антисоветчик... И фамилия какая-то... И всё же... Вся эта газетная истерия была такой же пошлой, как неуместная шутка Генерала. И как раз подошла его смена. Решение пришло спонтанно, поэтому к обходу Генерала успели подготовить только «свои» комнаты: с 34-й по 38-ю.

34-я:

– Кто отсутствует?

– Солженицын.

– И где он?

– Выдворили.

– Тэк-с.

В 35-й все оказались на месте. 36-я:

– Кто отсутствует?

– Солженицын.

– И где он?

– Выдворили.

– Тэк-с.

37-ая промолчала, но в 38-й Генерал без всяких дополнительных вопросов записал «в отсутствующие» ту же фамилию.

Поведение воспитателя так и осталось для нас загадкой. Ну, допустим, га-

зет он не читает и фамилия «Солженицын» ничего для него не значит... Но ведь Генерал записал её три раза подряд! По плану должен был записать пять раз, но две комнаты стухнули... Или не записал? И про Солженицына знает? Тогда почему не среагировал? Была выдвинута версия: не все дома.

А кто ещё может так глупо шутить с воспитанниками? Некоторые даже пожалели ветерана: может быть, он контуженный, а мы издеваемся...

Косвенно версию подтвердил тот факт, что Генерала мы больше не видели. В его следующую смену обход производил парень лет двадцати с небольшим. С копной русых волос до плеч. В потёртых голубых джинсах на офицерском ремне. Короче: натуральный хиппи, мечта каждого нормального пацана.

Тема опального писателя ещё не остыла, и 36-я бурно обсуждала её после отбоя. Новый воспитатель зашёл и скромно попросил вести себя потише. «Всё, всё! Спим». Дискуссия продолжилась шёпотом:

- Никто же его не читал! Как же можно заочно осуждать?
- «Один день Ивана Денисыча» – клёвая повестуха...
- И ведь не только доярки подписались. Уважаемые люди...
- А ты бы не подписал?
- Нет!
- Не п...ди!

Лохматый зашёл второй раз:

- Ребята, я же просил.
- Всё, всё...

И снова: шёпот, робкое дыхание, аргументы, факты, контраргументы...

– Парни, уже час ночи. А вы орёте так, что на первом этаже слышно. Вы поймите: у меня первое дежурство. А может стать и последним... О чём дискуссия? Может, я сумею внести ясность?

– Солженицын... Некрасиво... Неправильно... Кому верить? Пусть он гад, но так всё равно нельзя...

Хипповый воспитатель слушал наши путаные речи минут пять: пока они сами не угазли.

– А вы сами-то как думаете?

– Как я думаю... Если бы только в Солженицыне дело... В этой стране давным-давно уже нечем дышать. И просвета не видно. И как здесь жить, непонятно... Такие вот дела...

Мы не то что бы испугались... Откуда? Но... Я, например, комсомолец... А тут: «В ЭТОЙ стране...» В общем, воспитательный эффект был достигнут: как-то сразу стало не о чем спорить.

Позднее мы слегка сдружились с этим парнем. Он даже местных гонял вместе с нами. Потом – исчез. Ещё позднее мы узнали, что как-то умудрился он жениться на англичанке и уехал в Лондон. Из ЭТОЙ страны... Странный парень. Ещё позднее стало известно, что эпизод с Генералом обсуждался не только на партбюро, а гораздо выше. И наша выходка с Солженицыным имела далеко идущие последствия.

Всё это будет, а пока надо было знакомиться.

* * *

Вообще, придумывание прозвищ само по себе очень интересно. Например, Сергею чего только не пытались прилепить: от «скрипача» до «полковника». Не прижилось, что было странно и несколько обидно. Привлекали даже признанного мастера из соседней комнаты. Его тоже звали Сергеем, но он назвал себя Жуней (Сергей – Сергуня – Гуня – Жуня) и прожил с этой кличкой лет семь как минимум.

Как-то к нам назначили новую тощую воспитательницу, которая приходила на службу с кругленьким сыночком лет пяти. Жуня с ходу определил: Грымза и Желудочек. Так они и жили, хоть и обижались. Но даже этот мастер, с которым Сергей дружил вплоть до окончания университета, не мог придумать для него подходящего прозвища.

В 36-й интеллигентный очкарик Александр стал Шурой, опытный, хитрый и авторитетный Николай – Николаичем, пижонистый Дмитрий – Димоном. Надо сказать, что эти «вторые имена» ко всем прилепились надолго. Если – не навсегда. Убей, не помню, как на самом деле звали Мамонта. Его так называли даже «двадцать лет спустя». Этот молчаливый крепыш «метр с кепкой» приехал из какой-то совсем уж глухой провинции. Кроме математики имел склонность только к рукопашному бою в чисто уличной манере. Отличался природной сметливостью, упорством и скрытностью. К сожалению, в интернате ему зацепиться не удалось в виду полной недееспособности по всем предметам, кроме алгебры.

А вот Сергей так и остался Сергеем. Даже Серёгой или, допустим, Серым его никто не называл.

Да. В 36-й был ещё один Сергей. Из Мурманска. В творческом процессе нового обозначения реальности его отчество «Иосифович» каким-то очень сложным путём преобразовалось в кличку «Йёся».

Так вот, Йёся был не только красив, как юноша с рождественской открытки: русый пробор, наивные голубые глаза, правильные черты и румянец на всю щеку. Он ещё и сложен был, как Апполон из учебника, очень силен и одарён физически. Позднее выяснилось, что он ещё и богат. Предки-северяне присылали Йёсе гораздо больше, чем всем нам. Впрочем, в интернате имущественный и социальный статус родителей фиксировать было не принято. Но, тем не менее... Почему – Йёся?

Во внутренней жизни элитного учебного заведения тупое применение грубой физической силы не котировалось. Драки, конечно, случались, но больше походило на дуэли «до первой крови». К примеру, с Йёсей скромному с виду Сергею довелось схватиться в первый же вечер. Стычка произошла при большом стечении зрителей и, видимо, смотрелась достаточно внушительно. После чего они подружились и составили авторитетный дуэт штатных «секундантов» в большинстве интернатских «разборок».

Выход природной агрессивности «одарённые» дети находили в стычках

с враждебным местным окружением. И здесь гуманным приёмам ведения войны места не было. Десятиклассники с первых дней внушали новичкам основные интернатские принципы: «Бей первым. Один за всех. Не верь, не бойся...»

Дрались предельно жестоко: что в одиночку, что в ходе массовых мероприятий. Школьное начальство закрывало глаза на проблему. Более того, на уроках физкультуры парням преподавались основы боевой составляющей борьбы самбо.

Местные интернатских побаивались: на любой факт насилия по отношению к «своему» школа реагировала незамедлительным рейдом. В одну из таких вылазок буйная 36-я наткнулась на небольшую шайку местных и долго преследовала её по переулкам и пустырям. Проблема состояла в том, что противник был вооружён ножами. И всё же страх перед интернатскими оказался так силён, что шпана предпочла добровольно сдаться в опорный пункт милиции! Вежливые физики и математики ещё долго и невозмутимо гуляли возле, пока пожилой лейтенант не уговорил их вернуться в интернатские стены.

Бурный поток интернатской жизни требовал от воспитанников известных усилий. Далеко не всем удалось доплыть до выпускных экзаменов: кто-то заскучал по маме, кто-то не справился с «гранитом науки». Сергей тоже скучал и «грыз», но без фанатизма. Адаптировался относительно быстро и внешне легко. И всё же... Всё же именно в том напряжённом, насыщенном ритме родилась в нём тихая, тоскливая мелодия.

Гусарские замашки Йёси быстро надоели. Уж слишком явно тот стремился к победам: что в драках, что «в любви». И побеждал: тут у него были все шансы. Понятно, что в науках красавец-сибарит на первые роли претендовать не мог. Да и не хотел, наверное. В учебном процессе дерзкий предводитель молодецких забав проявлял удивительную и неприятную гибкость: старался небескорыстно дружить с сильными одноклассниками и откровенно лебезил перед преподавателями. Сергей заподозрил, что и с ним Йёся «водится» не просто так, а из какого-то неясного интереса. Стало скучно. Да и не было в Серёге внутренней потребности «помахаться». Он гораздо охотнее уходил от конфликтов, чем использовал их для мордобоя, особенно в случае явного своего преимущества. А вообще, Сергей давно подозревал, что он, в принципе, малость трусоват. Так что в драку лез главным образом для того, чтобы никто об этом не догадался. А с девушками он тогда вообще не знал, что делать.

В науках Сергей тоже плыл по течению. Что легко давалось, то и брал: алгебра, физика, литература... А вот лупоглазая, похожая на большую добрую мышь химичка удивлялась: «Сергей, вы же умный юноша. А по химии даже тройка для вас – праздник. Это что, вы лично меня не уважаете?» Весёлая и грубая англичанка (по кличке Тэтчер) каждый урок с удовольствием издевалась над тупым красавчиком. Сергею она даже снилась. В кошмарах.

* * *

Эти две женщины упрямо добивались взаимности именно от него. Вероятно, его лирический образ будил в пожилых дамах некое подобие материнского инстинкта. Во всяком случае, именно его слабая тройка преподавательниц ну никак не устраивала. И Сергей решил «спрятаться в шкаф». То есть попросту переждать очередную контрольную (с очень вероятной двойкой, которую потом придётся мучительно исправлять) в спальном корпусе, в своей родной 36-й.

Где-то к середине пропускаемой «пары» в пустынном коридоре послышалась шаркающая походка старенькой-престаренькой воспитательницы. Зачем-то она решила проверить комнаты воспитанников. Сергей подумал, что уж шкафы-то она проверять не станет, и спокойно разместился в гардеробе.

Оказалось, что именно шкафы старушка и проверяла. Пустые бутылки искала. Ну, и нашла. И села на пол от неожиданности.

Происшествие получило широкую огласку, поскольку к тому времени Сергей уже был победителем школьного поэтического конкурса и вообще личностью довольно популярной. Слава получилась какой-то юмористически-обидной.

Старушка публично вспоминала, как чуть не описалась со страху. Дура... Пацаны возмущались «воспиталкой»: какое право она имеет по шкафам лазить?! Где права человека? Ну, ладно... Полузнакомые поклонницы поэтического дара Сергея стали выражать солидарность и искреннее сочувствие. Вот пристали, заразы... Но добил его озадаченный взгляд любимой учительницы по литературе: «Не понимаю... Ну, Йёся, он и есть – Йёся. А ты кто? Так и будешь всю жизнь по шкафам прятаться?»

Сергей полюбил часами бродить по шуршащим аллеям громадного парка. Прислушиваться-приглядываться к жизни тихих, пустынных прудов. Отдалённо они чем-то напоминали тайгу, просторные и чистые боры. Может, здесь зазвучит, пусть и невесёлая, но именно его мелодия?

Но и здесь порой выскочит на скамейку белка и уставится на Серёгу: «Ну вот, я – белка. А ты кто?»

Лучше всего помогал обход набережных Невы: от Лейтенанта Шмидта до Литейного, через Петропавловку и обратно. Здесь музыка камня и воды звучала мощно, грозно и многообещающе: «Предчувствие революции». Казалось, что Сергей растворяется в гигантском ансамбле, полностью теряя индивидуальность. Три часа ходячей медитации.

Маршрут заканчивался обычно между двух сфинксов. И один из них обязательно, гад, спросит: «Ну вот, я – сфинкс. А ты кто?»

Суки-Сраки 2

Пока свободою горим...

«Бр-р-р-р-р... Р-р-р-р...», – Сергей машинально шлёпнул по будильнику. Сел. «Бр-р-р-р-р...Р-р-р-р...» – потянулся к телефону. Опять не то. Встал. Поплёлся к двери: «Блин! Без пяти шесть!»

Колян ворвался, как обычно, необычно возбуждённый. Ухватил клешней за руку, обнял, поцеловал.

– Ну, ты даёшь! Семьдесят пять процентов! Рекорд! Поздравляю!

– Спасибо. Обрато равным образом. Ты ведь тоже прошёл.

– Наших ещё пять человек! И десять – во втором туре!

– Нормально... А ты как успел разузнать? Ночью спать положено.

– Х-х-а! Чья бы корова мычала! А теперь нам все Суки по х..! Мы же депутаты, мать твою! Неприкасаемые, на хер!

Город трясло уже лет пять. На стариков-мэров мор напал. Дохли как мухи, один за другим. Партия попятилась и провела первые полусвободные выборы в Думу. Скандалы, расследования, интриги... Всё это по радио, в газетах и в телевизоре. Народ тихо ох...ал.

Первые местные выборы получились, действительно, свободными. По пять-десять кандидатов на мандат, и никто не знает, что делать.

Серёгу в депутаты двинул Институт, вспомнив его шальную телеграмму в поддержку инакомыслящего академика. Тогда инженер-программист изрядно нашумел, собирая подписи и общее собрание. Дело было новое и ужасное. Но – пронесло. Позже гордые своей гражданской позицией коллеги двинули программиста «в люди».

Ну, и что было делать? Ну, листовки на АЦПУ * распечатаем – своя рука владыка. Группа поддержки имеется. Опять же – своя, из отдела. Куда они денутся? По домам походим... И Серёга рискнул: на халяву сунул в местную партийную газету предвыборный лозунг.

Кандидат Попов: «Долой партийную буржуазию!»

Кто с нами?

Чудом было, что напечатали. То ли растерялись в хлам, то ли Закона испугались, то ли недооценили... Короче – чудо. Из кандидатов откликнулось человек двадцать. В том числе – неумный Колян, лидер местного профсоюза транспортников. С ним Сергей сдружился как-то на удивление сразу. Собирались пару-тройку раз на хатах: советовались, обсуждали... Семь мандатов из ста пятидесяти. И что это значит?

– Колян, а сколько всего с первого тура прошло?

– Восемьдесят семь. Что делать будем, шеф?

– Какой я тебе шеф?.. Надо бы собраться. Обмозговать.

– Обмыть надо для начала!

Новорожденный депутат лихо дёрнул из пуза бутылку с сургучом, круг домашней колбасы.

– Вода есть? И стаканы!

– С рынка продукты?

– А то? Союз пролетариата и трудового дачничества!

– Ну что... Неприкасаемый ты наш... За удачу?

Настоящий самогон с настоящей колбасой сработали, скорее, отрезвляюще, чем наоборот. Благотворно, в общем.

– Может, у тебя и самосад имеется?

– Ты свисти, тебя не заставлю... Всё будет! А пока давай повторим. Ну, за свободу, мать нашу!

В дверь снова позвонили: «Вам заказное. Распишитесь».

Тэ-э-к-с... Уважаемый... Сообщаем итоги... Спасибо, мы в курсе уже... Поздравляем... Приглашаем на торжественное вручение... восемнадцать ноль ноль... Избирательная комиссия... Председатель...

– Слушай, Колян... А ведь надо сегодня собраться. И пораньше. До восемнадцати ноль ноль.

– А куда спешить? Всё равно кворума нет. Второй тур через две недели.

– Понимаешь... Чудо уже случилось... На хаяву практически... Пусть нас семеро всего, но мы не знаем, сколько там партийцев, врачей, цветных, бандитов... Ничего пока не знаем.

Взорвался телефон: «Алло... Привет, Инди... Да, спасибо... Взаимно... Знаю... Согласен... Хорошо... У меня в тринадцать ноль ноль... Нет, все не влезет. Давай в кабинете... Секретность, в принципе, сняли... Ну, прослушка... Всё равно ничего не успеют. Думаешь, здесь не слушают?.. Ну... Список будет на вахте. Нет. Вас будут встречать... Хорошо, если сумеешь. До встречи».

– Что, девушка с точкой?

– Да, Индира... Толковая дама.

– А уж хороша! Ладно, ладно... Понял, что у тебя в Институте к часу. Беру на себя оргвопросы: обзвонить, достать, обеспечить. Какие будут пожелания? Давай ещё по стопе!

Сергей посмотрел на часы. На друга. Неожиданно обнял. Выпили молча.

Полдня в Институте пролетели в телефонных звонках, поздравлениях, объятиях, вплоть до поцелуев. Девчонки из группы поддержки даже цветы притащили.

– Это я вам должен цветы дарить. И не только... В общем, банкет переносится на завтра. Через полчаса здесь будут депутаты. Наши. Вот список. Эдик, ты встреть их, пожалуйста, на вахте. Танюша, объявление на дверь повесь. Типа: просьба не беспокоить.

Без четверти час прибежал маленький бородатый геолог Иван Фонвизин. Следом из той же Академии явились филолог Владислав Гольдштейн и историк Ганс Раушенбах. (Интересно, что они все там изучают?) Ровно в тринадцать пришёл Колян с сумкой и Индирой. Опоздал, как обычно, безработный Боб.

Пока Колян выставлялся (О-о-о!), Индира накрывала и украшала (Эх-х-х!), все остальные взрослые просто галдели, как на перемене. Но вот расселись. И встал Гольдштейн:

– Господа! В этот исторический момент...

– Слава, кончай мозги... не при дамах! – бас геолога можно было слышать во всем институте, как из радиоточки. – Будь ты проще, и люди к тебе потянутся! Давай, Инди! Скажи что-нибудь от большой женской... души!

– Мужчины. Я рада, что оказалась в вашей компании. Нам поверили люди. А я верю в вас. Давайте не подводить друг друга. Никогда!

Ур-р-ра! Обед пролетел, как порыв ветра, когда Сергей вспомнил о деле.

– Итак. Мужики. Пардон... Товарищи... Короче, коллеги! Сегодня избранные депутаты впервые увидят друг друга, так сказать, воочию. Наше с вами избрание можно считать чудом, ошибкой природы, Партии и Комитета. Не в этом суть. Если им дать время очухаться, то цена нашей победы может резко упасть до исчезающе малой величины. Необходимо заявить о себе как можно весомее сразу, на первом же собрании. Прошу высказываться по очереди, по делу, помнить о времени и уважении к мнению коллег. Пойдём слева направо. Начнём с Раушенбаха. Вам слово, Ганс.

Дальнейшее очень точно описал известный писатель: «Всё смешалось в доме Облонских!» Заявление оппозиции, призыв к демократическим силам, обращение в Думу, долой Сук, а ты кто такой... Даже геологический бас как-то потерялся в общем гвалте, что само по себе противоречило известным законам акустики.

В самый разгар дверь кабинета открылась: «Товарищи! Что здесь?..» «Закрывать дверь с той стороны! Вы что, читать не умеете?!» – озверевший Петрович не сразу понял, что в кабинет заглядывал не вахтёр, а главный инженер института. Возникла естественная пауза, которой Сергей не замедлил воспользоваться.

– Значит, так... Господа хорошие. Мы здесь орём битый час и ни до чего не можем договориться. И ведь, что характерно, мы считаемся единомышленниками. Так называемые демократы... Ладно, ладно... Но как мы сможем хоть в чём-то убедить сотню таких же депутатов? У них на всё другая, своя точка зрения. Орать там бесполезно. Короче, предлагаю ввести временный регламент: выступать строго по очереди. Даю слово я. Имеющий что сказать поднимает руку.

Вопросы к докладчику, возражения и дополнения принимаются в том же порядке только после основного доклада.

Кто «за»? Кто «против»? Спасибо, единогласно.

Теперь по повестке... Предлагаю один-единственный вопрос: тема и порядок нашей инициативы в процессе вручения депутатских мандатов. Есть другие предложения? Возражения? Дополнения? Принято! Ну что ж... Начнём с вас. Ганс, прошу.

– Коллеги. В масштабах Города наш местный Совет мало что весит. А вес нашей группы, как образно выразился уважаемый Сергей Петрович, и вовсе исчезающе малая величина. Нам необходимо искать единомышленников! Поэтому предлагаю:

Первое. Выступить с развёрнутой Концепцией демократической платформы.

Второе. Предложить её собранию в виде обращения в Городскую Думу.

Третье. Опубликовать в средствах массовой информации.

У меня всё.

– Спасибо. Теперь вопросы к докладчику. Иван, давай. Только умоляю: приглуши октаву.

– Да я что... Э-э-э... Ганс Эрнестович, как и, главное, когда вы намерены согласовывать собственно текст этой Концепции? Мне это представляется весьма затруднительным. Э-э-э... Предположим... Но собрание уж точно её не поддержит... Э-э-э... А уж о так называемых средствах и говорить нечего. Из того, что мы здесь можем согласовать, никто ничего опубликовать не станет. Или вы сомневаетесь? Э-э-э... У меня всё.

– Понятно. Прошу вас, Ганс.

– Концепция должна быть короткой. Принципиальной. Почти как лозунг. Думаю, что здесь мы, в принципе, сможем договориться. Не первый раз встречаемся, слава Богу. Не поддержит собрание? Скорее всего... С газетами тоже проблемы будут. Но! Дорогу осилит идущий. Надо пытаться.

– Понятно. Больше вопросов и возражений не имеется? Нет... Значит, ставлю на голосование... Кто «за»? Трое. Против? Трое... Господин Гольдштейн, значит, воздерживается? Так... что будем решать?

– Петрович! Не тупи. Дай другие предложения послушать! Потом переголосуем, если что.

– А ведь верно... Вот ты Боб, э-э-э..., извини, Борис, и предлагай. Есть что? Давай. Только я тебя умоляю... Здесь не только дамы!

Сергей покачал головой и выразительно развёл руки по стенам.

– Да ладно... Короче! Чё мудрить-то? Есть конкретный лозунг: «Долой партийную буржуазию!» Все мы, и не только мы – «за». Вот и двинем его депутатам. Пусть голосуют. Всё!

– Всё? Погоди. Не понял... Ведь не поддержат же, сам понимаешь... А смысл?

– А смысл простой. Мы поставим на голосование и посмотрим: кто есть ху! Уже легче будет. И потом... Ну, не пройдёт наш номер... Но уж этот-то эпизод журналоги точно озвучат. Значит, и до масс дойдёт: кто есть ху.

– Н-н-да... Занятно. Ещё вопросы, возражения... Нету... Кто «за»? Трое. Против? Трое... Ну, Владислав, вы последовательны... Индира, у вас третье предложение? Прошу!

– Господа... Вот нам семерым довольно трудно договориться по одному вопросу. Депутатов на сессиях будет 150. Вопросов – сотни! Мнений – тысячи. А вы видели регламент местного Совета? Эта филькина грамота сделана под прежний состав. Одна Партия – один голос. Первая же сессия превратится в полный бардак. Это – факт. Вот я и предлагаю предложить избранным депутатам проект нового, настоящего регламента. Думаю, что это предложение будет принято большинством. Здравый смысл победит. Значит, и мы с вами. У меня всё.

– Ин-те-рес-но... У тебя вопрос, Иван? Давай.

– Инди, у нас три часа осталось. Где мы возьмём этот регламент?

– Э-э-э... Прошу прощения, можно я отвечу? Спасибо. У меня в отделе истории имеются несколько регламентов Думы. Последний вполне приличный. Можно взять за основу.

– Спасибо, Ганс... Ещё вопросы, дополнения... Нет-ту... Тогда у меня есть... Нормальный текст нового регламента подготовить мы явно не успеваем... Думаю, имеет смысл предложение Инди сформулировать перед депутатами... в виде проблемы... Она реально существует, тут вряд ли кто станет возражать... А в ходе обсуждения внести предложение о создании рабочей группы по подготовке первой сессии. В том числе и по подготовке проекта регламента. Имеет собрание такое право? Разумеется. Как, Индира?

– Я согласна.

– У меня дополнение.

– Давай, Борис. Прошу.

– Группу надо формировать быстро. Мы все выступаем и предлагаем друг друга. Список закрываем и ставим на голосование! Как?

– Нормально. Ещё вопросы? Дополнения? Хм. Ставится на голосование предложение Индиры, с учётом дополнений моих и Бориса. Всем всё понятно? Вопросов нет? Итак. Кто «за»? Шесть. Против? Нет? Да всё понятно, Слава, ты не волнуйся. Ну, кажись, закончили! Повестка закрыта. Нет? Прошу, Владислав Соломонович.

– Господа, с темой мы определились. А как быть с проведением в жизнь? Кто будет выступать от нашего имени Там? Кто кого предлагать в рабочую группу? Надо определиться сейчас. Это вопрос, так сказать, архиважнейший! Я, например, предлагаю основным докладчиком назначить Сергея Петровича! Он, так сказать, на деле сумел доказать... Всех нас примирил и убедил. Вот так.

– О чём базар? Само собой Петровичу выступать. Голосуем! Всё, Петрович! Хана тебе.

Всеобщее оживление прервал мощный зуммер внутреннего телефона.

– Сергей Петрович, я вас не очень отвлекаю?

– Да нет, Владимир Леонтьевич, мы уже заканчиваем.

– Давай, кончай там... И немедленно ко мне! Депутат.

Диалог с Директором слышали все. Сергей чуть помолчал, улыбнулся.

– Ну что, коллеги? Нормальный ход. Думаю, что кто кого будет предлагать в рабочую группу, определитесь в рабочем порядке? Только за Индиру не передеритесь! Что, на посошок?

Суки-Сраки 3

Что было – то и будет...

Институт обеспечивал проектной документацией гигантский Город. В каждом районе имелся филиал, а только в центральном офисе работало более тысячи сотрудников. Так что Владимир Леонтьевич Кобыляцкий в городской номенклатуре был человеком не последним.

Красивый, вальяжный мужчина лет пятидесяти имел уместное в его по-

ложении плотное телосложение, здоровый цвет лица и умные синие глаза. Даже седина была Директору кстати. Поговаривали, что когда-то он занимал крупный пост в мэрии: то ли первый заместитель, то ли зам. по строительству. Понятно, что простым директором он стал не по своей воле. В народе таких руководителей называли «парашютистами». Говорили, что в «свободный полёт» Владимира Леонтьевича отправил какой-то второй секретарь, у которого Кобыляцкий умыкнул жену. Институтские дамы рассказывали даже, как красиво их директор ухаживал... когда-то.

Аппаратная школа чувствовалась буквально в каждом жесте «парашютиста». Но лично Сергея убивала его способность с первого раза запоминать имя и отчество любого, даже не очень значительного человека. Казалось, что в огромном Институте он помнит каждого. Более того, он помнил, что этот каждый имел неосторожность когда-то пообещать. Но и своих слов Владимир Леонтьевич на ветер не бросал. Во всяком случае, старался. По возможности. Директора уважали: каждый по-своему.

Муза Францевна при скромной должности секретарши считалась в институте человеком номер два. Хотя многие ставили её выше. Ведь добрую половину вопросов она решала без допуска к телу шефа. «Роковая бабушка» с явными признаками былой красоты одевалась строго и небрежно. Не считала нужным скрывать свои симпатии и выражала недоверие, не взирая на лица и должности. Музу любили и ненавидели.

Сергей акцентированно влетел в приёмную, по привычке попытался прилечь к ручке несравненной Музы. Но: «Присядьте, Сергей Петрович. Придётся подождать». Сняла антикварную трубку: «К вам главный конструктор САПР. Хорошо».

Минут десять она что-то неприступно печатала. Потом скосила глазищи на пискнувший пульт и медленно подняла взгляд. «Вот это я понимаю, школа... Вий, да и только», – Сергей искренне восхищался актёрским дарованием Музы Францевны и пытался ей подражать. Но, когда она правой рукой царственно указала на дверь, при этом лихо мигнув левым глазом, да так, что тушь с ресниц осыпалась, он окончательно понял бесплодность своих попыток. Это был талант.

Гигантский кабинет Директора таил в себе множество сюрпризов и ловушек: подвёрнутый у порога край ковра, неожиданно скрипучий стул, предательски мягкое кресло, пустой графин, шаткая ваза с цветами... Пока Сергей привычно огибал опасное пространство, Владимир Леонтьевич внимательно изучал свежий номер «Вечернего острова», смешно спустив очки в лёгкой оправе на кончик носа.

– Добрый день, Владимир Леонтьевич...

Сесть не предложил. Потемневший взгляд поверх стёкол достал до пяток.

– Уволить тебя я теперь не могу... по закону. Но орать на главного инженера не позволю. Он тебе в деда годится.

– Это недоразумение. Я обязательно извинюсь перед Арнольдом... Аскеровичем. На колени встану.

– Уж будь так любезен... Это что за хрень ты у себя на двери написал? Что, совсем «в зобу дыханье спёрло»?

– ...?

– Что, сам не читал? А твои архаровцы тоже с ума посходили? Им-то с чего бы?

– Да что там такое написано?! Я Танюшу попросил, чтобы не мешали...

– Нашёл кого просить. «Хороша была Танюша...» Угадай с трёх раз, что она придумала.

– ...?

– «Тихо! Идёт сессия!» Не х...во? Аскерыч, например, чуть не обо...ля.

Ох, не зря уважали Директора. Привыкнуть к его манере можно, конечно, но... Отсмеявшись, барин легко поднялся над столом.

– Сесть не предлагаю. Есть для тебя... сюрприз.

За пять лет Сергей умудрился сделать в Институте головокружительную карьеру: от инженера до фактического заместителя главного инженера. Молодой программист создавал Систему Автоматизации Проектных Работ с нуля: вникал, придумывал, внедрял, горячился. Через год он уже был для всех Сергеем Петровичем и запросто выпивал с умудрёнными главными специалистами. Дело шло туго, можно сказать, мучительно, но... На сегодняшний день только в центральном вычислительном центре набралось больше сотни сотрудников: программистов; проектировщиков, обученных азам программирования; электронщиков и операторов.

От руководящей должности начальника отдела Сергей отказался: гораздо интересней было внедрять в традиционное проектирование всё новые и новые разработки. И Система росла, проникая во все поры Института. Вместе с ней рос и авторитет Сергея Петровича. Для визитов в филиалы ему даже выдали постоянный именной пропуск через Зоны отчуждения: привилегия почище персональной квартиры улучшенного качества. Но вот за таинственной дверцей в торце директорского кабинета бывать ему ещё не приходилось. Сергей вообще не знал, кто кроме Директора заходил за эту дверь. И вот она открылась.

– Прощу, Сергей Петрович. Да проходи ты, не стой столбом. «Отдохнём» без посторонних.

В скромном интерьере «комнаты отдыха» Серёгу с ходу заворожил мерцающий монитор компьютера: «Ну, ни х...я себе! Дюймов двадцать». Шеф немного грустно улыбнулся восторженному пацану, подошёл к клавиатуре и немело потыкал пальцем.

– Узнаёшь?

– Ещё бы... Это же наша карта... А мы мудохаемся со всякой рухлядью: перфокарты, машинка, плоттер допотопный. И дремучих проектантов мучаем. Откуда это? Зачем?

– Откуда... Тебя куда звали после универа?

– В среднее машиностроение.

– Ну вот и шёл бы. Там таких игрушек хоть жопой ешь. Чего отказался? В

«ящике» не захотел сидеть? Вот и работай: свободный и голодный. Впрочем, не такой уж и голодный. Кстати, а ты никогда не задумывался: с чего бы это тебе так подфартило? И людей тебе дали, и деньги, и карьера: «мама не горюй!»

– Ну... Так ведь я работаю... Дело делаю.

– Все работают... Ладно, не об этом сегодня речь. Как-никак, ты у нас именинник почти. Или нет?

Директор легко выдвинул встроенный бар, поставил тяжёлые бокалы из тёмного стекла, налил чего-то из чёрной бутылки. На столике уже уютно желтел нарезанный лимон, отливали синими боками маслины, в розочках поблёскивала икорка. Хозяин вручил слегка прибалдевшему Серёге бокал, серьёзно и внимательно глядя прямо в глаза.

– Или нет?

– Да как сказать. Победил всё-таки... Вроде бы и радоваться надо... Да чего тут врать: приятно, конечно, но...

– Вот за это и выпьем. Чтоб никогда не забывать про «но»!

Густой напиток приятно обволакивал. Серёга с улыбкой вертел-рассматривал опустевший бокал: сколько же в него влезает, интересно?

– Присаживайся и закусывай. Не стесняйся. Небось, не хуже, чем контрабанда «от Коляна»?

– А вы ...?

– Брось, брось... Прекрасно ты всё знаешь. Ну, не знаешь, так догадываешься. И правильно догадываешься. Не обо всём, конечно, но – в целом. За что тебя и ценим. Ладно... Между первой и второй... А ловко ты сегодня братву свою построил! Почти как я. И это в твои-то годы... Молодец! Поздравляю от души!

Владимир Леонтьевич ловко чокнулся, лихо опрокинул бокал и встал, хитро улыбаясь голубыми глазами:

– А теперь посмотрим кино.

На тёмной стене высветился большой экран, на котором масштабно проявилась всё та же карта острова Центральный. Последние два года Серёгин отдел скрупулёзно собирал её по кусочкам, и Главный конструктор САПР, разумеется, знал свой район «до точки». Но в целом видел картину впервые. Ведь на отдельных планшетах она смотрелась несколько иначе. А здесь явно обозначились даже Зоны Отчуждения.

Директор наслаждался произведённым эффектом, как ребёнок, то уменьшая, то увеличивая масштаб, сдвигая изображение вдоль улиц или вдруг высвечивая во весь экран какой-нибудь занюханный дворик.

Сергей сначала с неподдельным интересом наблюдал за манипуляциями. Потом загрустил. И Директор остановил «кино» на самой первой – масштабной – панораме острова. Задумчиво наполнил бокалы снова.

– Правильно думаешь. Именно для этого тебе и давали всё, что ни попросишь. Ну, из того, что можно, разумеется. Ты ведь и раньше понимал, что вся эта автоматизация – в смысле повышения производительности труда – по

большому счёту на хрен никому не нужна. Да и повышения как такового она не даёт. Я могу запросто посадить дополнительных чертёжниц и расчётчиков вместо чёртовой прорвы программистов и электронщиков. И платить им нужно не так, как твоим «яйцеголовым». Нет?

– Была бы у нас такая техника... Только вы совершенно правы: никому это на хрен не нужно! Понимаете? Не нужна людям хорошая работа! Планы, отчёты, титульные списки, встречные планы, досрочное перевыполнение... Куча типовых проектов для полки, для «галочки»... До мааразма дошли! Никто ведь не работает нор-маль-но, да и не живёт. Ведь не может Система так существовать вечно. Она, по сути, сама себя съедает. В Городе уже дышать нечем: отчёты, доносы, книги на свалках, ночью Суки на улицах, днём – менты, Партия и Комитет. И всем по х...! Номенклатура только жрёт да подличает... Извините, я не о присутствующих.

– Валяй, валяй... Читал я твои листовочки доморощенные... Да и не только твои. Процесс пошёл не от тебя, так что ты тут на забор особенно-то не залезай.

– Виноват. Исправлюсь. Ничего тут нового, конечно, нет. Да! Мы придурки и многого не понимаем. Но ведь надо что-то делать! Вы вот, как выяснилось, держите ценнейшую информацию в «комнате отдыха». И что? Кому от этого горячо или холодно?

– А ты сам хоть примерно понимаешь, что нужно делать? Ты имеешь представление о том, как работает Система, на которую замахнулся?

– Общее представление имею.

– Никакого представления ты не имеешь! И не можешь иметь. Так: догадки, мечты и дурацкие фантазии. Ты просто знаешь, что товары и всякие блага сегодня не продаются, а распределяются. Это так. И контролирует процесс распределения Партия: Свобода, Равенство, Братство... Что-то имеешь против? А ведь этим лозунгам тысячи лет. Партия только подправила их... самую малость. Не согласен? А как ты предлагаешь добро делить? Рынок? Откуда он возьмётся в одночасье? Ладно, это, пожалуй, сложновато будет... А вот простой пример: натуральный продукт, алкоголь, табак, наркотики. Сейчас всё это не то что бы запрещено, но... подменено. Да, многие это понимают и находят варианты. Кто-то с дачниками снюхался, вроде твоего Коляна. Менты продажные приторговывают. Номенклатура, вроде меня, в пайках получает. Но! Всё под контролем! Пользуются избранные. Надо будет прихлопнуть ручеёчек – прихлопнут. А ты попробуй открыть плотину. Что произойдёт? Представить страшно пьяное и обкуренное быдло... поубивают друг друга за кусок колбасы!

– Люди – не быдло. Будут проблемы? Разумеется – будут. Может, ещё и покруче, чем вы тут описываете... И люди их сами станут решать... По мере поступления. Как – не знаю. Но проблемы есть уже. Они уже вот тут! А ваша Партия захлопнулась сама в себе и ни хрена не решает. Вот вы, Владимир Леонтьевич, далеко не худший представитель. Но и для вас народ – быдло. А чего о быdle беспокоиться? Мне-то нормально...

В повисшей тишине Директор распечатал какую-то диковинную пачку. Предложил Сергею, щёлкнул массивной зажигалкой, закурил сам. Усмехнулся.

– Ты, значит, за народ... Признаться, думал, что ты умнее.

– Да я что... Я тоже на вас рассчитывал... Могли ведь и раньше прищучить. Но зачем-то ведь дали нам проклюнуться?

– Ты особо-то не наглей... Рассчитывал он... А насчёт «зачем»? Этот Город понять невозможно. И чем выше ты поднимаешься, чем больше видишь, тем меньше понимаешь. А может, и не надо?

– Что не надо?

– Понимать Город. Ведь и тебе не Город нужен. И народ, который ты всё равно не понимаешь, у тебя, по большому счёту, на десятом месте. Нет? Ты ведь себя вспомнить хочешь. Как и мы все.

– Допустим... Но я делаю то, что должен. А как иначе? Чтобы понять. Или вспомнить. Свобода нужна. Без дураков.

– М-н-да... А знаешь, кто по-настоящему свободен? Бичи. Ходят, где хотят: хоть днём, хоть ночью. На хрен никому не нужны. И им никто не нужен. Говорят, они и в Зоны запросто проходят... «Я всюду призван, изгнан отовсюду...» Нет? А ведь ты в Бичи не пойдёшь, «белая кость».

– Кто знает? Да и можно ли к ним попасть добровольно? Вот вы... Можно нескромный вопрос? Правда, что из мэрии вас за «аморалку» турнули?

– Х-х-е... За жену секретаря? Правда. Но не вся. Секретаришка был так себе: далеко не первый. Ну, а легенда получилась добротная... Может, «кино» досмотрим? Лучше один раз увидеть...

Директор взялся за пульт. Экран на стене раздвинулся, открывая Зоны, реки, острова... И вот уже перед изумлённым Серёгой лежал весь Город. Мысли его смешались, черты лица заострились. Петрович молча и зло уставился на Директора. Первый раз в жизни.

Владимир Леонтьевич (или как там его?) невозмутимо взялся за бутылку. Протянул Серёге бокал и ответил на взгляд уже вполне серьёзно.

– Да, Сергей, без твоих систем координат мы бы эту карту не склеили. Или ты думал, что тебеменной пропуск за красивые глаза выдали?

– Ты что, думаешь, открыл мне государственную тайну и всё? Завербовал? Я, между прочим, никакой подписки не давал. Ну, есть у меня третья форма. Спасибо, больше мне не надо. На Комитет работать не буду.

– Чудак-человек... Ты давно на нас работаешь. И не нужны нам никакие твои каракули. Брось ребячиться. Никто на твои «прынцыпы» не покушается. Стукачей и так «выше крыши».

– Тогда зачем?

– Карту показал? Так ты всё равно рано или поздно сопоставил бы хрен с редькой: наш район ты сделал сам; в филиалы обучать ездил; преобразование местных систем придумал. Всё-таки математик ты серьёзный. Может, зря в политику лезешь?

– Погоди... Но выходит, и проходы в Зонах теперь просчитать: не фиг делать...

– Ты, Сергей, определяйся: или политика, или математика. На два фронта тебе всё равно работать не дадут. Пока, во всяком случае.

– Пока что?

– Пока ты не наш окончательно. И не дури. Никто тебя силком тащить не будет. Ты нужен такой как есть.

– А если я разболтаю?

– Про карту? И что? Для друзей ты станешь комитетчиком. Для Комитета – врагом. Вернее – дураком, что похуже врага. Какой смысл тебе болтать? В общем, не ищи себе врагов, их есть у тебя.

– А Партия? Ну да... При чём тут Партия... Сами же её и хороните... Нашими руками... Да... Хитры же вы с подходами вашими...

– На том стоим. Да, не журысь, Серёга! У тебя тоже глаз что надо: даже я чуть не струхнул. Так что – держись! Денёк у тебя ещё не кончился. Кстати, ты в префектуру в джинсах всё-таки не ходи. Послушай старика. Там тебя и так далеко не все поймут.

Муза Францевна встретила взглядом трезвым и печальным. «Аскерыч у себя? – Ресницы Музы тихо согласились. – Ну, пойду извиняться. Не поминайте лихом, Муза Францевна».

Приёмная проводила тихо и тревожно.

* * *

Стены «шлюза» мягко светились чем-то «неоновым». Сергей полежал, подумал, сел. Притронулся к винтовке, пощупал серый бостон, встал и приложил ладонь к двери.

За длинным столом сидел Полковник: уставший и задумчивый.

– Привет. Ты что, один?

– Здорово. Остальные ещё подтянутся.

Сергей поразмыслил и выбрал себе стул напротив. Закурил.

– Что, не бросил ещё?

– А смысл? Вообще-то всё пытаюсь, да не получается... Вроде и не действует, а руки девать некуда.

Что-то в Полковнике не располагало к обычной пикировке. Сегодня он был очень похож на человека. Хорошего.

– Полковник, что сегодня стряслось? Опять кого-то потеряли?

– Да нет вроде... А разве не ты вызывал?

Сергей внимательно пригляделся и не увидел ничего хитрого.

– Так ведь первым ты пришёл. Про Пака что-нибудь выяснилось?

– Пока нет. Похоже, сегодня именно нам с тобой надо кое-что «перетереть». Это ведь ты там на Центральном острове «бузишь»?

– В каком смысле?

– Рабочую Группу создал. Готовишь захват префектуры. Партийцы «на ушах». Не знают, что с тобой делать.

– Глупости... Ничего «захватывать» мы не собираемся. Да и куда нам? Но погоди... А как ты меня там – в Городе – «вычислил»? Всё-таки видел я тебя где-то!

– Нет, Петрович, в Городе ты меня видеть никак не мог. Аналитический отдел Комитета – структура сверхсекретная. А я его начальник. Меня из конторы-то человек пять в лицо знают. А тебя «вычислить»... Это я уже здесь сейчас понял, кто есть «ху». Ты же под своим именем работаешь и там и тут. Счастливчик. Но в Городе я, разумеется, этого знать не буду.

Досье твоё ко мне случайно попало. В принципе, не мой уровень... Но больно уж пухлое. Такие романы редко на кого пишут.

– И что там?

– Хм... Интеллект, интуиция, психически неустойчив, амбициозен, отсутствие честолюбия и реальных мотиваций, склонен к алкоголизму, упрям, но подвержен влияниям со стороны противоположного пола, дисциплина отсутствует... Всё это довольно обычно, но вот выводы...

– Давай уж... добивай...

– К службе непригоден. Вербовка невозможна. Может быть исключительно полезен при проведении ОСОБЫХ операций.

– А если на нормальном языке?

– Тебя будут использовать «втёмную». И уже, наверняка, используют. Повторюсь, что ты пока не мой уровень, но иное было бы непрофессионально.

– За дурачка держите? Так я и поведусь.

– А ты нас за кого держишь? Работать ты будешь добровольно. Исключительно из лучших побуждений.

– А вы за ниточки дёргать?

– Слушай, ну что ты никак не повзрослеешь? У каждого своя работа. В Комитете полно отличных мужиков – не чета твоим депутатам.

– У нас тоже имеются.

– Разумеется... Но у вас приличные люди... от наивности. Они – как дети. А у нас – от знания и ответственности.

– Значит... Я буду типа рукой взрослого дяди в детском садике?

– Не думаю... Депутатский корпус в сфере ОСОБЫХ операций не входит. Ты вот проявил тягу к публицистике. Вот тут и жди «бомбочек»... И ничего здесь зазорного нет. Нормальное сотрудничество. Цель-то общая. И – благая.

– Послушай, а на хрена козе баян? Мы тут сидим чего-то, делимся, обсуждаем... А в Городе живём другой жизнью и ничего из всего, что здесь, не помним. Какая связь?

– Не всё так просто. Бич, к примеру, и тут и там – один и тот же. Всё помнит и ещё больше читает. Ходит везде свободно. Так что при случае может и ещё кого-нибудь вывести отсюда напрямую: при памяти и в полном сознании. Пак вот его уговорил...

– И сгинул.

– Значит, такая у него была задача... Но дело не только в этом. То, что мы не помним конкретно, всё равно проявляется на уровне интуиции. Чувствуешь, что свой, а объяснить не можешь. Да и многие решения ведь принимаются неосознанно, без видимых причин. Так что Система Разрушения работает.

– Это что же? Мы шестеро – это Система?

– А почему бы и нет? Разве в количестве дело? Хотя я разделяю вывод Катализатора о том, что таких «шестёрок» много. Он даже прикидывал, сколько примерно... Но это всё очень сложные выкладки: чистая математика. А вот и наш теоретик.

Катализатор вышел к столу в заляпанном белом халате. Плюхнулся рядом с Петровичем.

– Где это вы видели теоретика в таком наряде? Общий привет.

– Да вот я тут изложил Петровичу твою версию насчёт «шестёрок»...

– Ерунда! Никакой математики – обычный здравый смысл. Плюс немного мистики: число зверя и прочая лабуда. А вот за экземплярчик, что ты мне подкинул, спасибо. Есть над чем поработать. Хоть он и испарился, но кое-что сохранить удалось.

– Как это: «испарился»? Неужели всё-таки вычислили?

– Вряд ли... Во всяком случае, в госпитале никто от Сук не появлялся. Тут другое... И гораздо более интересное.

Сергей видел, что Полковник загрузил окончательно, побледнел даже. Но возбуждённый Катализатор тараторил без остановки. Петрович, наконец, уяснил, что не без помощи Комитета Госпиталю удалось заполучить сильно изувеченный и обгоревший труп одной из Сук. Возможно, из того самого подбитого БМП.

На первый взгляд тело было вполне человеческим. Но Катализатор, повинаясь какому-то чутью, отделил некоторые фрагменты (это он так голову назвал и половые органы) и поместил их в абсолютно изолированную от любых внешних воздействий, включая магнитные поля, камеру. Оставшиеся в морге куски сначала стали деформироваться, пытаясь принять форму полноценных рук, ног, туловища. А затем... испарились. Ну, а химик занялся изучением сохранившихся фрагментов на молекулярном уровне. И тут выяснилось...

Увлечённые рассказом слушатели не заметили, что из тоннеля давно уже вылез Бич. Он хмуро переоделся и шумно сел за стол рядом с Полковником.

– А я всегда говорил, что Суки – не люди. Они тупые. И одинаковые, как роботы. Офицеры только немного отличаются. И то... В общем, было всё это уже... Лет триста назад. Я же вам рассказывал. Вот вам и сказки. Кстати, а пожать у нас нет ничего?

Тут выяснилось, что Повар давно уже чем-то гремит на кухне. На последней фразе он вылез оттуда с подносом и слегка виноватой улыбкой.

– Суки-Сраки, – Петрович рассеянно наблюдал, как ловко негр вскрывает банки, расставляет тарелки, режет хлеб.

– Чего-чего?

– Над Городом – Система Укрепления – Суки. Под Городом – мы – Сис-

тема Разрушения – Сраки. Значит сам город называется Суки-Сраки. А что? По-моему, красиво. Слушай, Полковник, я вот что-то не пойму... А Комитет – он на чьей стороне? Кстати, что можешь сказать о Кобыляцком? Он ведь ваш?

– Владимир Леонтьевич? Это – фигура. Наш-то он наш... Да не всё так просто...

– Мальчики, помогите же! – В растаявшей двери появилась весёлая и красивая Натали с ящиком. – Тут ещё два!

Мужчины с удовольствием отвлеклись: затащили ящики, облобызали Натали, вынули запylённые тёмные бутылки. Петрович с Бичом закурили и отошли в сторонку.

– А ты откуда знаешь про «триста лет назад»?

– Ну, может, и не триста. Это я так. Но в книгах, действительно, в разных вариантах описывается примерно одна и та же схема Системы Укрепления: один центр и множество исполнителей. То, что можно назвать разумным началом, – в центре. А исполнители могут быть разные: монстры всякие, животные, роботы. Но всё всегда повторяется.

– В смысле?

– Систему Укрепления разрушают. Город живёт сам по себе и постепенно наступает полный бардак. Снова приходят Суки. Потом появляются разрушители... В общем: «У попа была собака...»

– И ничего не меняется?

– Трудно сказать. У разрушителей всегда есть какие-то идеи, герои, подвиги, любовь, морковь... А Суки вроде бы ни хрена не меняются. Всегда безликие. Но вся штука в том, что книги-то остались от разрушителей. Правда, только те, что Суки в своё время уничтожить не смогли.

– Так вроде сейчас не уничтожают. На свалку только вывозят. И не Суки вовсе, а Комитет.

– Не Комитет, а Партия, то бишь – Народный Контроль... Без бутылки не разберёшься. Но всё равно в Городе настоящих книг не достать: только газеты, журналы и ещё всякое говно. Сам ведь знаешь... А на свалке их крысы жрут. Вот они-то гораздо опаснее Сук. Эти придурки вообще очень медлительны, сам же видел. Их задача – охранять Зоны. А меня, к примеру, они вообще не видят. Или видят, но не знают, что со мной делать: хоть в Зоне, хоть днём, хоть ночью. А крысы – видят. Пока не нападают, но наглеют день ото дня. А главное – растут. Некоторые уже здоровые стали, как собаки. И бегают быстро.

Сергей остро и исподтишка пригляделся к собеседнику: грустный взгляд в тени пижонской шляпы, нос картошкой, толстые губы где-то в короткой, густой бороде...

Было в Биче что-то значительное, непонятное. Трудно не заметить. Петрович стал вспоминать знакомых городских бродяг и никого не вспомнил: испытые, жалкие лица слились в один виновато-испуганный образ; разномастное тряпье объединял единственный стилевой штрих – запах.

Стало тревожно от понимания, что он, как и Суки, не видит этих людей.

Может подать чего-нибудь, даже поговорить под настроение, посочувствовать... и – не видеть. А крысы – видят!

– Постой, постой... Ты говоришь, что книги пишут разрушители... Типа нас с тобой? А куда они потом деваются? И сколько нас?

– Много. Тут Катализатор прав. Он вообще молодец. До многого своей головой допёр. И ещё допрёт. А разрушители делают своё дело и уходят из Города совсем.

– Все люди уходят?

– Нет. В Городе большинство бедолаг болтается вечно: не Суки и не Сраки. Они просто выживают, приспособливаются. Умрёт вроде, а, глянь, уже снова родился тут же. Только роли меняют: сегодня – дворник, завтра – начальник... И так – по кругу.

– Но они тоже – люди? Так сколько лет Городу?

– Они – люди. А Город был всегда.

– Силён ты мозги компостировать... Значит, все Суки управляются из одного центра... Есть какая-то Верховная Сука, которую можно замочить и валить отсюда на хер.

– Ну, может, она и не единственная. Скорей всего – не единственная.

– Всё равно. Центр должен быть один. Как и у нас.

– В смысле?

– Должна быть симметрия. Нами ведь тоже кто-то руководит. Откуда все эти сигналы? Кто меня сюда послал? Или – тебя?

– Меня Полковник на свалке нашёл.

– Полковник... Тот ещё кадр...

– Зря ты всех подозреваешь. Да и в чём, собственно? Мы все разные, и каждый из нас сам по себе... И не сам... Да, может быть, мы и в самом деле просто клетки какой-то одной Сраки. Но мы все разные... В отличие от Сук.

– А с чего ты взял, что они все одинаковые? Может, мы для них тоже все на одно лицо?

– Вот Катализатор и разбирается. Он умный. Я просто чувствую, что они – одинаковые. И в книгах так написано.

– Кстати, ты не мог бы для меня что-нибудь притащить? Из настоящих книг.

– Книга сама читателя находит. Как я могу для тебя выбрать? Кстати, ты ведь депутат теперь. Свободный доступ. Вот и сходи на свалку. Сам поищи.

– Поищи... Как я об этом в Городе вспомню? Вот если б ты меня прямо отсюда на свалку вывел... По своим каналам...

– Не могу. Обратной дороги для тебя не будет.

– Ну хоть расскажи что-нибудь... Что искать-то? Вдруг я там вспомню? Вы ж тут мою интуицию расхваливаете.

– Есть одна такая книжка. «Библия» называется.

– Это про что?

– А это про всё. Про всех нас. «Не убий», «возлюби ближнего», «не возжелай»... «не сотвори себе кумира»...

– Ха... «Моральный Кодекс»... Что-то такое я уже слышал от одного комитетчика... продвинутого.

– А-а... ну да, конечно. Кодекс не дураки придумывали. А в Комитете без «продвинутых» – никак. Где же им ещё быть?

– А ты с ними как?

– А никак.

– Ну, это понятно. А вот Полковника любишь.

– Полковник здесь и начальник Конторы там – это разные люди. Здесь – сущность, а там – обстоятельства.

– Он уже начальник всей Конторы! Не может быть! Я бы его узнал.

– Опять эти заморочки со временем. Если ещё не начальник, значит, будет.

– И мэром...

– А что? Он мужик последовательный... Не то что некоторые.

– Ты о чём?

– Бывает, но редко, очень редко... самый тяжёлый случай. Когда сущность как бы раздваивается. То есть сущность одна, а реализаций две... или больше.

– Это ты в книжках вычитал?

– И в книжках тоже...

И так глубокие карие зрачки Бича стали совсем уж бездонными. До жути. Петрович закурил ещё одну.

– Значит, на свалку не выведешь?

– Нет.

– А Пака зачем вывел?

– Очень уж ему приспичило. Уболтал он меня. Сказал, что с крысами разберётся. А мне кажется, что Город достал этого самурая окончательно. Не выдержал он.

– А ты?

– А что я? Я – не боец. Но тоже откинусь в своё время от какой-нибудь левой самогонки...

– Боец... Не боец... Просто алкоголик. Значит, Сраки делятся на самоубийц: буйных и тихих. А я?

– Головка от х...я! Много на себя берёшь, депутат недоношенный. Ещё поглядим, куда тебя занесёт. Хорошо, если в «простые» алкоголики.

Тем временем Повар с Натали закончили сервировку и пригласили всех к столу. Виноватая улыбка негра объяснилась просто: на сей раз продукты оказались обычными, не с рынка. Зато вино Натали достала не просто настоящее, а антикварное. Она с гордостью разливала густой напиток по громадным бокалам, время от времени странно улыбаясь Петровичу.

– Итак, Петрович, по какому поводу мы сегодня собрались?

– Мнениями обменяться... Да откуда я знаю?! У Полковника спроси. Он у нас главный аналитик и секретный агент.

– Не любишь ты нас, комитетчиков, – Полковник улыбался, но не добродушно.

– А за что вас любить? Вы кто вообще? Я не удивлюсь, если выяснится,

что ты на Сук работаешь. Специфика профессии. «Контролировать процесс», «шаг за шагом»... А на самом деле балдеете от власти и ничем не рискуете. Разве что – чужими жизнями. И ни за что не отвечаете.

– Хм... А ты сам-то что сделал, кроме того, что десяток бедных Сук подстрелил? Думаешь, в депутаты ты бы без Комитета пролез? Что толку от твоих случайных и бестолковых вылазок? И ты можешь разве вообще за что-то, а уж тем более за кого-то, отвечать?

– Мальчики, мальчики, – Натали дурашливо постучала вилкой по бутылке и издевательски округлила глазищи. – У меня есть тост. С предысторией. Хоть женщинам умничать и не положено... Но, в порядке исключения... Итак... Один хороший, смелый, но глупый мальчик зачем-то взорвал машину с нехорошими дядями. Другой хороший и умный дядя для чего-то спрятал нехороший труп и подбросил его другому очень хорошему и очень любопытному мальчику. Мальчик трупик немедленно распотрошил и нашёл в нём много чего интересного. Полковник, я пока ничего не путаю?

– Натали, ты никогда и ничего не путаешь.

– Отлично. Дальше будет интереснее. Нехорошие дяди трупик нашли и обратно выкрали. Ну... не совсем выкрали, но уничтожили... Как выяснилось, не весь. Так ведь, Катализатор? Кроме того, они догадались, откуда этот сильно умный хороший дядя взялся. В наказание Суки сожгли сверхсекретный склад с дефицитом для всей городской номенклатуры. Такая вот в Городе приключилась беда. Спецпайков лишилась разом вся верхушка. Но и это ещё не всё. Забавно, что опять же случайно возле склада оказались местные бандиты и спасли «чисто для себя» несколько ящиков отличного вина. Озверевшие комитетчики вкупе с ментами решили, что склад сожгли бандиты. В отместку они «наехали» на рынок, пересажали кучу спекулянтов и до смерти напугали дачников. Теперь нормальных продуктов нет и у «обычных» горожан. Вот почему так расстроен наш драгоценный Повар.

Куда ещё заведёт эта цепь случайных событий, я рассуждать не стану. Не женское это дело. Я предлагаю поднять бокалы этого божественного напитка за нашу дружную «шестёрку»! Ура!

Суки-Сраки 4

*Лягут двое, и им тепло,
а как согреться одному?*

– Хорошо сегодня посидели. Душевно. Даже Полковник что-то там замурлыкал. – Натали прислонилась спиной к стене, красиво выпустила струйку дыма, чуть прикрыла глаза и вытянула ноги. – Зря ты на него кидаешься... Несolidно... Ревнуешь, что ли?

Свечи в канделябрах ровно и равнодушно раскладывали лучи по куску

стены между двумя железными дверями, скамейке и сидящей на ней парочке. Сергей курил, облокотившись на колени. Скосил глаз на нижнюю половину Натали: даже в джинсах и кроссовках половина была прекрасна. «Ревную?! Может, и так... Может, и не так... Какая разница?» – Петрович выпрямил спину и принял позу собеседницы. Теперь ему казалось, что он её понимает.

Гладкая кожа с каким-то матовым оттенком, лёгкий румянец, тонкий профиль... Жестковат для женщины. Уголки губ немного вниз. В живом огоньке свечи волосы отливают тёмной медью. «Вроде красавицей и не назовёшь... Сколько же тебе годков, несравненная Натали?»

– Да, расслабился комитетчик... Хотя... Столетнее вино да плюс твоя «Бэс-са мэ муча»... Тут и волк замурлыкает. Умеешь.

– Ну, допустим, подпевал Полковник не мне, а тебе. «Нас извлекут из-под обломков»... Танкисты, понимаешь... А меня достать ты даже не мечтай. Слишком много мне «годков». – Натали неожиданно повернулась и весело заглянула Сергею прямо в душу. – И никакая я не ведьма. Обычная женщина.

– Это правда, что Полковника ты сюда привела?

– Привела?! Сильно сказано... Давно это было и к тому же – неправда.

– И всё же? Или ты тоже «боец невидимого фронта»?

– Дурачок... Ну, ладно... Тогда была война всех со всеми. Остров на остров, чёрные на белых, бандиты на дачников... Партия и Комитет только народились и с бандитами справиться не могли. Да они и сами были не лучше бандитов. Уже оружие копили, чтобы вырваться за Город, дачников в заложники брали... Но появились Суки и закрыли Зоны. Внутри комитетчики начали «мочить» наших. Я спряталась здесь... Повара привела.

– Так ты, значит, из бандитов? Хотя... Мог бы и сам догадаться...

– Ну вот... Тогда меня и нашёл Полковник. Он был лейтенантом и боролся с бандитизмом. Уж как он сюда попал – не знаю. Впрочем, и сама я сюда попала путями неисповедимыми.

Черты Натали смягчились. Чему-то она там улыбалась, зараза.

– Выходит, это он тебя завербовал?

– Чудак. Вербуют там, в Городе. А здесь мы просто поняли, что заодно. И друг без друга нам – никак.

– Но ведь Суки тогда были нужны. Почему же комитетчик пошёл против них?

– Это в Городе он комитетчик. А здесь Полковник понимал, что рано или поздно их надо будет убирать. И всё снова пойдёт по кругу. Бич вот доходчиво рассказал. Мы это тоже чувствовали. Правда, не так конкретно.

– Ну, допустим... Комитет, бандиты... Две стороны одной медали. А зачем нужны Полковнику Бич, Катализатор, Повар? Я тут для чего?

– Уф-ф-ф... Пацан ты ещё всё-таки. Да не Полковнику вы нужны. У него свой крест: выйти из круга. И Город заодно вывести. Потому что без Города он и сам не выйдет. Тяжёленький крест, доложу я тебе. Мужской. Это тебе не из ружья палить да с трибуны выступать. Ладно, ладно... Что ты всё время ду-

ешься, как мальчишка? Без таких, как ты, Полковнику вообще хана. Тупик. Но и твои подвиги без него – пустая фанаберия. Здесь нет «лишних людей». Бич – это свобода, образы, эмоции. Катализатор – интеллект, поиск, обобщение...

– А я, значит, «пушечное мясо». Болтун и убийца. Кстати, в Городе я и мухи не обижу. И через человека переступить не смогу. Как Бич, как Катализатор...

– Ну, насчёт Бича я согласна. Он – особая статья. Книги помогают ему вспомнить. Не только книги, конечно... А он должен помочь всем нам. Так что рук замарать он никак не может... О тебе что говорить? Ты живёшь как хочешь. Что сможешь, что не сможешь – сам не знаешь. Не переступишь? Да ты и не заметишь! А если ты опять на Полковника намекаешь... Да, он переступит. Осознанно. А как иначе? И потом... Представь, что Катализатор стоит на пороге открытия. Настоящего. Ради которого живёт. И надо переступить через человека. Ну? Думаешь, он вообще задумается? Он же настоящий фанатик. Ни себя не жалеет, ни людей. Он просто не ведает жалости. У него – свой мир. А иначе ничего стоящего не открыть.

– Складно у тебя получается... Повара ведь тоже ты привела... Он-то за чем?

– А кто бы нас кормил? Да не делай ты из меня какого-то монстра! Ничего толком я не знаю... Даже имени своего не помню. А Повар – дачник. Это – связь с другим миром. Зачем и когда она понадобится? Значит – понадобится. Он тоже своё дело сделает.

– И уйдёт?

– Мы все уйдём.

Сергею стало не просто неловко. Пижонство, похотливые мыслишки, ревность и злоба... Рядом с Натали Петрович таял и усыхал, превращаясь в точку. Женщина почувствовала его состояние и тихо тронула за плечо.

– Да не терзайся ты так, Петрович. Из нас ты самый живой и искренний. Ну и что, что мальчишка? Ведь никто не знает, что ты должен здесь сделать. А то, что должен, – не сомневайся. И сделаешь.

– Пора уже идти, наверное? Послушай, вот ты не помнишь своего настоящего имени... Извини... Но ведь, как тебя в Городе зовут, знаешь?

– Конечно.

– Ну и как?

– А не скажу!

– ...

– Ты и так смотришь на меня, как на древность какую-то. А я всё-таки женщина! А в каждой женщине должна быть загадка. Иначе как вас, кобелей, удержишь?

Натали странно смутилась. Порывисто, по-девичьи, вскочила и скрылась – растаяла за железной дверью.

* * *

Сергей тупо и опустошённо смотрел на воду. Струи фонтана изредка касались краешком его лица, но Петрович ничего не чувствовал, не замечал.

Горячка последних месяцев сумбурно шевелилась в черепной коробке и не отпускала: регламент, Рабочая Группа, Институт, партийцы, демократы, споры, трибуна, голосование... В дыму противоречивых впечатлений до странности явственно он видел только тонкое смуглое лицо, глаза-миндалины и точку.

Сегодня завершилась первая сессия нового местного Совета. Новый префект приглашал Сергея Петровича «отметить по-взрослому». Но Серёга удачно уклонился, сославшись на друзей-демократов. Соратникам обещал подойти попозже, после randevu с префектом.

Здесь, на лавочке возле фонтана, он не грустил: всё вроде бы получилось. Никто и не рассчитывал на такой успех: стихийные полудикие депутаты с ходу захватили основные комиссии и большинство в Президиуме. Их знаменем сподобился оказаться Сергей Петрович Попов, всю минувшую ночь готовивший программную речь. На самые первые должности никто из «демократов» не прошёл. Но и цели такой не было. Побоялись чего-то. На должность префекта сами двинули одного из самых грамотных, продвинутых партийцев. Успех был налицо, но почему-то не радовал. Пусто. Откуда-то всплыло: «И скучно, и грустно, и некому руку подать...» А навстречу всплыла только ироничная усмешка.

Серёга неожиданно шумно выдохнул и огляделся. В наступающих сумерках лавки вокруг фонтана пустовали. Рабочий день закончился, и чиновники префектуры слаженно разбежались по домам. Вечерние парочки ещё не подтянулись. Можно.

Папироса весело затрещала в спичечном огоньке, сладковато пыхнула, пробираясь в закоулки сознания. Речи, споры, друзья-демократы, хитрый префект и урны для голосования уплыли и рассеялись. Осталась Индира. Девушка с точкой...

Помнится, тогда он очень спешил на первое собрание единомышленников. На объявление «Долой партийную буржуазию!» откликнулось довольно много кандидатов в депутаты: звонили, заходили... Договорились встретиться на квартире у Сергея Петровича.

Такси в Городе поймать проблематично, и Серёга вызвал машину к институтскому подъезду. Возле первого перекрёстка чуть ли не под колёса дефицитного жёлтого автомобиля метнулась стройная фигурка. Девушка, очевидно, куда-то отчаянно опаздывала. Она трогательно жестикулировала и строила жалобные рожицы. Сергей тронул шофёра за плечо: «Возьмём».

На радостях новая пассажирка лихо рванула переднюю дверь и с размаху врезалась головой в верхний край кабины. Казалось, что искры из глаз посыпались даже у шофёра. Не ойкнула, не пискнула, села и тихо выдохнула: «Спасибо».

Мужчины с любопытством разглядывали красавицу: жгучая брюнетка с красивым матовым оттенком кожи; густые волосы гладко зачёсаны с идеальным пробором; большие карие глаза подёрнуты лёгкой влагой (здорово всё же шарахнулась!); брови вразлёт от выразительной чёрной точки. Одета в жёлто-серые тона. Непривычно, скромно и очень ловко.

Обычно развязный Серёга на сей раз стушевался. Уж больно красивой и необычной показалась ему пассажирка. Минуты через три молчание нарушил шофёр: «Девушка, если говорить уже можете, то скажите, куда ехать. Или хоть рукой покажите. А то ведь отвезу к молодому человеку. Вы как, не против?» Пожилой водила по-свойски подмигнул Серёге в зеркальце. Девушка вымученно улыбнулась и назвала адрес. «Надо же! Та же улица, тот же дом...»

Когда Сергей расплатился, девушка так горячо и настойчиво стала совать шофёру свою половину стоимости проезда, что тот рассмеялся. Потом попыталась отдать деньги Петровичу, но и этот пассажир повёл себя странно: поспешно выскочил из машины.

На улице Сергей закурил, поджидая попутчицу возле арки огромного – на весь квартал – высотного дома. Пропустил её вперёд: «Интересно, если и подъезд совпадёт...» Совпал.

Рядом кто-то хрюкнул. Из жёлтой полусферы, тихо накрывшей Сергея, вылезла забавная мордочка:

– Ты что же, такой большой, а в сказки веришь?

Поросёнок хитро улыбался и подмигивал стеклянным глазом.

– А ты, свинья, откуда взялся? Мы ж тебя съели.

– Ага... и кровь мою выпили. А я тут вот и... везде.

– Ага... Смертью смерть поправ. Вы с Полковником не из одного полка?

– Ты зря к нему прицепился. Он – мужик. А тебе ещё топать и топать.

– Да пошёл ты... порсь!

– Может, и порсь, но долг свой выполнил. Теперь вот тут отдыхаю.

– Долг твой был, чтобы комбикорм жрать и потом к нам на тарелочку лечь?

– Ну, во-первых, не комбикорм, а экологически чистые отходы. И умер молодым и красивым. С пользой для общества. А что, не понравилось? Стрелок недоделанный... Кушал же? И глазки девушкам строил... И теперь вот... о чём мечтаешь?

– Ну... уж не о твоих... ножках... Съели и съели.

– Вот-вот... Ты взрослей помаленьку. Просто так и прыщ не вскочит.

– Это ты к чему?

– К тому... подъезд у него совпал.

Сергей как-то вдруг заметил, что его уже давно и настойчиво теребят за рукав.

– Серёжа, Серёжа... Ты совсем обалдел, что ли? Нашёл место.

– А-а... Инди... Девушка с точкой... Так нам теперь сам чёрт...

– Дурак! Ну, перенервничал, понятно. Совсем с катушек не съезжай...

пожалуйста. Тебя уже с собаками ищут. Вот-вот или префект заявится, или наши нагрянут. Вот. Возьми. Только один глоток, и пойдём отсюда.

Малюсенькая фляжка оказалась на удивление тяжёлой. Округлые бока опоясывал причудливый узор из сплетённых мужских и женских тел. Обнажённых. Сергей хмыкнул и сделал осторожный, недоверчивый глоток. Вкуса не понял. Но девушка быстро выхватила антикварный сосуд и спрятала в сумочку.

Какие-то удивительные и давно забытые запахи... В голове прояснилось, и что-то встало на какое-то место.

Теперь Сергей отчётливо услышал завывания пожарных сирен. Мимо проскочил кортеж с мигалками. Где-то урчал утробно БТР.

– Это что за праздник? Суки среди бела дня в Городе...

– Да... пожар где-то большой... и на рынок кто-то напал. Всеобщий шухер.

– Ну и хрен с ними! Пойдём куда-нибудь в тихое место... О! Я даже знаю – куда!

Инди так ловко просунула ручку в подставленный «калачик», что Сергей как-то сразу почувствовал её всю. С этим неожиданным пониманием они шли мимо патрулей, высыпавших на сонные улицы, мимо красивой кованой ограды большого тенистого парка. Вот и массивная арка старинных ворот. Шлагбаум. Постовой. За воротами маячат тени БТР-ов.

– Серёжа, это же Зона.

– А вот сейчас и проверим наши мандаты.

Сержант пригляделся к новенькой корочке. Козырнул.

– Сержант Новиков. Чем могу служить, Сергей Петрович?

– Нам надо обследовать парк. У Совета возникли вопросы.

– Я должен доложить начальству.

– Валяй.

Сержант вернулся из будки минут через пять – слегка обескураженный.

– Что-то в Городе творится непонятное. Всё начальство недоступно.

– А ты в Комитет звякни. Они всегда на проводе.

– Это не по нашей линии. Пусть они сами себе «звякают». Да и не по вашей, как я понимаю. «Долой партийную буржуазию?» Кстати, многие наши вас вполне поддерживают.

– Ну... так пропускай.

– Ладно. Только... Сергей Петрович... Не ходили бы вы туда вдвоём.

– А что так?

– Многие не возвращаются.

– Что, всё – депутаты?

– Разные... И парами, и поодиночке. Мы туда только на БТР-ах ездим.

Пропадают люди.

– И что, не ищите?

– Искали. Как заедешь – так и выедешь. Ничего не понятно.

– Вот и нам интересно стало. Не волнуйся, сержант, мы выйдем.

Сержант Новиков ещё раз козырнул и поднял шлагбаум.

На броне БТР-ов сидели сонные Суки.

- Серёжа, а почему они все такие одинаковые?
- Форма.
- У Новикова тоже – форма. Но у него есть лицо.
- Так, и у этих есть... вроде.
- Нет... Это – не лица. И на нас даже не посмотрели. А мы ведь в Зону вошли.
- На законных основаниях. У нас – мандаты.
- А ОНИ откуда знают?
- Несколько шагов по тенистой бесконечной аллее. Инди обернулась.
- Ой! Серёжа! А куда они все делись?
- За спиной уже не было ворот: всё та же бесконечная аллея.
- Искривление пространства. Ты не оборачивайся. Надо просто идти.
- Откуда ты знаешь?
- Долго объяснять... Математика.
- Под ногами зашуршали жёлтые листья. Где-то в кронах зачирикала синица.
- Господи! Смотри! А в Городе вся трава всегда зелёная! А это кто? Боже! Белочка! А это кто?
- Аполлон... Кажется...
- Как сквозь сон, они брели, прижавшись, по бесконечной аллее. Пока не вышли на гранитную набережную. Два сфинкса охраняли могучий водный простор. Дышалось так, как никогда не дышалось.
- Ай!!! Серёжа!!!
- Мимо ног зашуршала серая хвостатая масса. Колонна крыс деловито потекла по каменной лестнице в чёрную воду. Сергей легко подхватил ставшее уже совсем родным тело и усадил девушку на постамент изваяния.
- Что-то много этих тварей стало. Везде. Здоровые какие.
- Ой, Серёжа... А он тёплый.
- Кто?
- Сфинкс.
- Сергей пригляделся к облупленной улыбке.
- Нагрелся на солнце.
- Нет... Он – живой, кажется. Смотри – что там на ступеньках?
- В наступающих сумерках на сером граните отчётливо блеснуло лезвие. Сергей сделал несколько шагов. Спустился на пару ступенек и вдруг почувствовал опасность. Угроза исходила из воды. Туда сгнули крысы. Теперь оттуда на Сергея смотрели тысячи злобных огоньков.
- Серёжа! Не ходи! Вернись! Мне страшно.
- Сергей медленно присел. Взялся за рукоять и потихоньку вытянул из каких-то грязных водорослей сверкающее лезвие. Пятясь, вернулся к постаменту.
- Слезай. Ничего страшного не будет. Смотри, какая сабля смешная.
- Девушка охотно соскользнула в подставленные руки.
- Это – не сабля. Это – меч. Самурайский.
- А ты откуда знаешь?
- Девчонкой в цирке видела. Там японец рубил такими мечами всё подряд.

– Ладно... Домой пора.
 В обратную сторону аллея показалась ещё длиннее.
 – А нам далеко ещё?
 – Не знаю. Тут всё сложно... Надо просто идти.
 – Что-то ноги уже не держат. Смотри, какая скамейка. Давай отдохнём.
 То ли сумерки, то ли рассвет. Не было ни солнца, ни луны. Казалось, что смутное сияние исходило от самой аллеи. И даже не от аллеи, а от скамейки.
 – Слушай, а откуда у тебя такая фляжка прикольная? И что там за зелье?
 Инди хитро – по-детски – улыбнулась. Достала из сумочки фляжку. Отвинтила крышку. Понюхала.
 – Что? Понравилось? Фамильная. А зелье можно ещё попробовать по чуть-чуть. Даже мне не помешает.
 Она буквально капнула себе на язык маслянистой жидкости и со странной улыбкой передала Сергею. Он тоже не стал злоупотреблять.
 Усталость улетучилась. Любопытство проснулось. Самурайский меч манил каким-то смутным воспоминанием. Попробовал лезвие. Ого! – большой палец немедленно окрасился кровью.
 – Ничего, милый. Это мы быстро.
 Девушка мягко взяла широкую кисть в маленькие ладошки. Приблизила к лицу. Высунула язык.
 Неожиданно повалил снег. Огромные снежинки плавно опускались на лицо, ресницы и долго не таяли. Потом был нежный дождь, смывающий всё. Потом... Потом всё ушло в небытие. Свободные люди в свободном пространстве. И по хер веники, сколько в нём измерений.

Суки-Сраки 5

Прощайте, скалистые горы...

С высоты Город смотрелся странно: острова, острова, острова, туман какой-то между ними. Только по самому краю поблёскивают в болотах какие-то озёра и зелень.

– Мутный он какой-то. И примитивный.
 – Да, не самое весёлое место. А насчёт примитивности... Где ты ещё в Катакомбах побываешь? В твоём Санкт-Петербурге? Или – в Сыктывкаре?
 – А оно мне надо?
 – Как знать, как знать... Конечно, это не то, что ты привык называть глупым словом «реальность». Но ведь похоже? Это ведь было.
 – Да не так всё было! Проще.
 – И противнее?
 – ...
 – Упрощать – сложно. Вот ты ведь так и не поверил в многомерность

мира. Хотя это многое объясняет. К примеру, сколько должно быть измерений в Городе?

– Хм-м... Суки-Сраки... Затягиваешь? Ладно... Пространственных... минимум четыре. И временных... получается две. Выходит – шесть.

– Ну вот. Математика есть математика. Но чего-то в супе не хватает.

– Пашки не хватает. Его Суки не видят. Да и я в самом Городе – тоже. Что же получается? Гипотеза неверна?

– Исключения подтверждают правило. Получается, что мир ещё сложнее. Хотя... а что, если у твоего Пашки персонально больше измерений? Тогда всё более или менее... Меня ведь ты тоже не можешь видеть из своих четырёх.

– Сравнил. Ну, допустим... Тогда должны быть миры и с тремя, и с двумя... с одним?

– Туда лучше не попадать.

– Что? Типа – тюряги? Да, надо думать... И есть там сидельцы?

– А ты кого бы туда посадил?

– А я не прокурор. И уж тем более не судья.

– Эт-т-то точно.

– Погоди, но ведь тогда должны быть и те, и другие... И адвокаты.

– Полный комплект. Не волнуйся. Всё, что в ваших трёх соснах творится, происходит и тут.

– В четырёх.

– Что в четырёх?

– В четырёх соснах. Ты про время забыл.

– Ты кого учишь?! Я образно. И, заметь, опять же образно: сидельцев этих время от времени вытаскивают.

– Что, и Сталина вытащат?

– Скорее всего. И покажется тогда Иосиф Виссарионович младенцем... Ладно, хоть у нас тут и три времени, на всё не хватает...

В дымке над Городом опять проявилась Синяя Гора.

– Нам туда не пора ещё?

– Экий ты... Всё с наскока, с наскока. Потрудись ещё.

* * *

У пересохшего фонтана валялся то ли труп, то ли бич обкурившийся. Сухой ветер гнал по пустынной улице обрывки газет, какие-то мягкие жестяные банки, тряпки. То и дело дорогу перебежали вконец обнаглевшие крысы.

Сергей Петрович смотрел на ставшую привычной картину умирающего Города из окна своего редакторского кабинета. И ничего не чувствовал.

Потом сел за свой широченный стол и брезгливо смёл в сторону привычный бумажный хлам. Достал стакан, бутылку... С отвращением снял трубку дребезжащего телефона.

- Петр-р-рович!
- Здорово, Колян...
- Что пьёшь?
- Вискарь.
- А-а-а... конторский... Всё статью про бандитов обмываешь. А говно статья.
- Да пошёл ты.
- Я-то пойду. Мы все пойдём... А пш-шли с нами?
- Куда?
- А куда ТЫ нас завёл? Вот и в-выводи.
- Ну да... Щас накачу и поведу. Ты заходи, если что. Домой. Только без Гольдштейна.
- Ха... А Славу теперь и рукой не достать. Иван вот тут...
- Ну и Боба с Гансом выцепи. Ты Индиру давно видел?
- А Инди разве не у тебя?
- ...
- Я тоже давненько её не видел. Ладно... Когда заходить-то? А то уж больно важный стал.
- Давай на завтра. Вечерком. Созвонимся. А то у меня тут начальство чего-то...
- Мэрский телефон гудел, как заводская сирена.
- Здравствуйте, Владимир Леонтьевич.
- Здоровей видали! Что за голос? С похмелья, что ли? Заходи – подлечим.
- Да уж как-нибудь сам. Вашего вискаря надолго хватит.
- Хамишь... А я порадовать тебя хотел.
- Так радуйте.
- Хвост с тебя сняли. Враги наши обезврежены. Живи спокойно и счастливо.
- Какой хвост? Статья уж две недели назад вышла.
- Ну вот. Две недели и ходили. Не бросим же мы тебя на съедение.
- Ну... а сейчас что случилось? Убили, что ли, Анвара?
- Ну, зачем убили? Просто подкрепили твой материал более весомыми аргументами. Так что мы у тебя в должниках. Я серьёзно говорю.
- НАШ материал.
- Наш-наш... о чём я и говорю. Тебе эта писанина не надоела? Давай к нам.
- В Контору, что ли? Смеётесь?
- Нет, для Конторы ты не годишься. Тебе ведь весь этот бардак с демократией надоел? Всё понял? Ко мне иди. Будем власть брать.
- Отказаться могу ещё?
- Их-х-хе-кхе... Можешь, можешь... если захочешь. Короче, завтра к 12 – в мэрии. Буду тебя знакомить с кем надо.
- Сергей с омерзением бросил гудящую трубку и налил полный стакан.
- Серё-ё-ёжа...
- Мягкая ладошка приятно холодила лоб. Открывать глаза не хотелось. Он жадно перехватил родную руку и прижал к глазам.
- Ты где пропала?

– А ты всё пил, бедненький?

Сергей заставил себя сесть и оглядеться. Бутылки убраны, на столике и в канделябрах – свечи. На Инди посмотреть почему-то боялся.

– Так что? Так две недели и пил? Тогда придётся истратить неприкосновенный запас.

Рядом со свечой появилась знакомая фляжка и два крошечных стаканчика.

– Он у тебя что, на все случаи?

– Почти.

– Тогда, может, поберечь? Подлечиться можно и проще.

– Один раз живём. А проще вряд ли получится. Тебе ведь завтра в форме надо быть.

– А ты откуда знаешь?

Инди встала и зачем-то подошла к окну. Сергей с какой-то тоской смотрел на точёный профиль, хрупкую и такую беззащитную фигурку. Девушка вернулась к столику. Тихо наполнила стаканчики. Подала.

– Я много чего знаю. Выпьем по последней. Расскажу. Теперь уж можно.

Привыкнуть к такому зелью, конечно, невозможно. Сергей с сожалением проглотил последние капли, улыбнулся и потянулся к Инди. Она неожиданно встала и снова отошла к окну.

– Мне пора, милый. Ждут.

– Ты что? Ночь же на дворе.

– Да. Без пяти час. Меня машина ждёт.

– Машина?! Твоя?

– Брата.

– Ты никогда не говорила о брате. А кто он, если по ночам на своей машине разъезжает?

– Его зовут Анвар.

С неумолимой ясностью сцепилось в жестокую, холодную цепь всё.

– Тот самый?

– Да.

– Значит, этот поросёнок не шутил.

– Какой поросёнок?

– Ты случайно оказалась в моей группе?

Сергей как-то очень беспомощно закурил и тоже подошёл к окну. У подъезда маячил габаритами «чисто конкретный» джип.

– Не случайно. Но, Серёжа... Я ведь не знала, что там будешь ты!

Девушка заплакала, вцепилась в его рукав, ухватилась за шею. И они снова провалились в бездну.

– Теперь мне совсем пора. Если уже не поздно. Всё равно. Идти так и так придётся.

– Почему?

– Потому что иначе они придут сюда.

– А где ты пропадала две недели?

– Брат подумал, что твоя статья написана с моих слов.

– Блин! Суки! А – теперь?
 – Ему всё объяснили.
 – Каким образом?
 – Гранату в окно кинули.
 – Он жив?
 – Почти. Мне пора. Прощай, милый. Да, вот ещё.
 Инди сняла с шеи какой-то странный кулон на простой верёвочке.
 – Это тебе на память.
 – Да что ты... как на похоронах! Не смей! Я не прощаюсь!
 Девушка взъерошила его седую шевелюру.
 – Дурачок! Куда ты от меня денешься? Просто эта пуля мне больше не нужна.

Кулон и в самом деле оказался обычным винтовочным патроном. Только потяжелее. И пуля как-то непонятно отсвечивала. Изнутри.

Пока Сергей вертел в руках странный подарок, девушка торопливо оделась, коснулась губами его щеки и выскользнула в дверь.

– Я тоже не прощаюсь...

«Сегодня в четыре часа ночи взорвана машина авторитетного бизнесмена, известного в определённых кругах по кличке «Анвар». Ранее неустановленным лицом в окно его офиса была брошена граната. Авторитет отделался лёгкими ранениями. На этот раз погибла его сестра – депутат местного Совета острова Центральный...»

– Владимир Леонтьевич, ничего, если я попозже подойду? Часам... к пяти?

– Ты в своём репертуаре! Чёрт с тобой! Только джинсы свои смени!

– Хорошо.

– Алло, Колян. Завтра приходите часам... к семи. Да... помянем. Только заранее не набухайтесь. У меня всё есть. Да и разговор серьёзный... Да, о том самом.

* * *

В матовом свечении шлюза тускло поблёскивал ствол и сияло лезвие меча. Петрович удивился невесть откуда взявшемуся на такой знакомой винтовке оптическому прицелу. Прихватил и то и другое и шагнул в дверь.

– О! Вооружён и очень опасен! Доброй ночи.

Катализатор хитро поблёскивал очками и нервно вертел в пальцах какую-то тонкую пластину неизвестного металла.

– Что такой радостный? Открытие сделал?

– Н-н-у-у... Кое-что... Кое-что... Стало более-менее ясно, из чего сделаны Суки.

– А толку-то?

– Толку... Будет вам и дудка. Вот на эту пластину напылён металл, вер-

нее, вещество... Точнее... неважно. Это то, что при соединении с атомами Сук уничтожается.

– Ты не томи. Уничтожается... И что?

– Ты не понял! Взаимно уничтожается. Аннигиляция. Полная. Теперь дошло?

– Хм...

Полковник появился, как обычно, ниоткуда. Хмуро поздоровался. Сел. Закурил!

– Что, Катализатор, удивил уже Петровича? Только радоваться рано. Нужны килограммы этого... как ты его назвал, кстати?

– Дело не в названии. Ну, допустим, «либертин». Там, где грамм, будет и килограмм. А для напыления на пулю достаточно миллиграмма.

На кухне загремел кастрюлями Повар. Смурной Бич плюхнулся за стол, как обычно, в шляпе.

– Привет. Ну что, все в сборе.

– Как это все? А где Натали?

Бич молча бросил шляпу в угол. Полковник загасил окурок, обошёл Петровича сзади и положил руку на плечо.

– Петрович... Я знаю, что ты затеял. Но... пойми... Никто не виноват в смерти Инди. И уж Кобыляцкий – точно. Никто из комитетчиков и предположить не мог такого итога. Бич, скажи ты.

– Инди, то есть – Натали – сама выбрала путь. Мы все сами выбираем. Ну, а там уж... как карта ляжет... Натали реально подустала в Городе.

– Да пошли вы все... Ни хрена ты, Полковник, не знаешь! Надулись от важности в своём Комитете... Затеял... Может, и затеял, да тебе не скажу. И ты, Бичара...

Сергей бросил на стол меч.

– Пак тоже сам решил на крыс с ножичком кинуться?

Он встал и вышел к своей двери. К дверям. Зажёг свечи. Сел. И сидел, пока не услышал: «Я тоже не прощаюсь...»

Когда вернулся, все замолчали. Даже Повар не улыбнулся, а как-то совсем неслышно поставил на стол знакомую утятницу.

– Тот самый? А её вино осталось?

Негр радостно закивал. Исчез. Вернулся. Открыл. Разлил. Все встали.

– Бич... скажи.

Станет белым одуванчик,
Разлетится на ветру,
Дедушкой станет мальчик
И замрёт навек к утру.
Колыбель, постель, могила,
Звукопись согласных «ЭЛЬ» —
Жизни призрачная сила
Выйдет, как вчерашний хмель.

Но не белый одуванчик
 Я, не листик на ветру.
 Я – притвора и обманщик,
 Буду вечен. Не умру.*

Петрович снял с шеи кулон, отцепил пулю и зачем-то положил её в пустой бокал.

Нехотя перекусили. К поросёнку почему-то никто не притронулся. Бич налил по второй и снова одел шляпу.

- А что, Полковник, что-то шестого не видно. Пора бы уже.
- Думаешь, я знаю? Может, и не будет больше шестого.
- Что, дело к финишу? Ты, говорят, уже умеешь Сук убивать?
- Научимся... Но дело не только в этом.

Петрович молча выпил свой бокал.

– А в чём проблема? Сук перестреляем. Тебя мэром выберем. Повара пошлём связи налаживать. Так и выйдем из круга. Или у Комитета свои планы?

– Комитет не всесилен. Война с Суками ещё неизвестно когда начнётся, а уж чем закончится... А пока что Город катится в пропасть. Мэр стал совершенно неадекватен и неуправляем. То есть кто-то им управляет, но так, что скоро люди будут убивать друг друга за шепотку дури или, вообще, просто так. На некоторых островах уже пошло... Так что с Анваром ты, Петрович, не горячись. Дело того стоило. Ну, всё, всё... не будем об этом.

– Как же так? У вас же все рычаги, все ниточки! Вы же опутали весь Город своими агентурными сеточками! Для чего всё это?

– Все наши планы спотыкаются о какую-то непонятную и невидимую нам силу. Это не те Суки, которые зоны охраняют. Это какая-то СУКА прямо в мэрии. Мы даже на Кобыляцкого думали. Но это не он.

– Невидимую... На хрена тогда вас там тысячи дармоедов? Так набрали бы сотню Бичей. Они всё видят.

– Ты где их сотнями видел? Может, ты в Городе сумеешь Пашу вычислить? Вот и мы не можем.

Пока Полковник с Петровичем препирались, Катализатор вынул из бокала пулю и с интересом её рассматривал. Бич налил ещё по бокалу.

- Петрович, это откуда?
- Инди, то есть Натали, подарила.
- Ну-ка, ну-ка...

Катализатор аккуратно завернул патрон в платок и куда-то умчался. Бич усмехнулся.

– Кажется, лёд тронулся. И шестой нам уже не понадобится. А может, и пятый. Ну, за успех нашего безнадежного дела!

- Бич, а ты можешь эту главную Суку вычислить?

* Здесь и далее стихи Игоря Вавилова.

– Могу.

– ...?

– И ты тоже можешь.

– Я?! Как это?!

– Ты его сразу узнаешь...

Влетел возбуждённый до невозможности Катализатор с патроном.

– Петрович! Это ОН!

– Кто?

– «Либертин»! Ей-богу. Я специально экспресс-анализ провёл. Один в один!

Бич отобрал патрон и сначала озадаченно, потом очень внимательно его рассмотрел. Взял винтовку Петровича. Зарядил. Поставил обратно.

– Бич, ты что хочешь этим сказать?

Бич молча налил ещё по фужеру.

– Ты можешь меня вывести и показать эту Суку?

– Тебе обратного пути не будет.

– Да на хрена мне обратно! Веди!

Полковник о чём-то глубоко задумался.

– Да, похоже... Сегодня на площади острова Центральный открытие памятника демократии. Академика нашего решили увековечить. Будут все.

– А чего это в нашей дыре?

– Хм-м... Всё один к одному... Кто-то у нас решил, что он здесь родился. Почему именно на Центральном?

Непривычно взволнованный комитетчик вдруг поднялся с бокалом.

– С крыши госпиталя они будут как на ладони. Охрану там я убрал. Вернее, не предусмотрел... Почему-то. Всё одно к одному. Ну, а на крышу Бич знает, как забраться. Не такое уж и безнадёжное у нас дело. Ну, за Победу?

И Полковник совершенно неожиданно по-мальчишески разулыбался.

* * *

До выхода официальных властей оставалось минут десять. Петрович уже проверил прицел, выставил расстояние и как-то совсем успокоился. Бич лежал рядом на спине, прикрыв лицо своей вечной шляпой.

– Слушай, ты вот здесь давно и всё помнишь: что в Катакомбах, что в Городе... А ещё что помнишь? Откуда имя Паша?

– Имя помню. Стихи вот тоже, наверное, оттуда.

– И не хочешь туда?

– Хочешь, не хочешь... Что-то, конечно, и от нас зависит. Не хочу, наверное. Мне здесь интересно.

– А что здесь дальше будет?

– То-то и интересно, что непонятно... Полковник вот мэром точно будет. Кстати, вон он... Выходят.

В перекрестие оптического прицела Петрович отчётливо различил похмельную рожу мэра, серьёзного до невозможности Полковника, вальяжного Кобыляцкого, сразу за его спиной стоял кто-то знакомый... в сером костюме. Вот он вышел из-за спины вице-мэра. Сергей резко отшатнулся от окуляра.

– Узнал?

– Вспомнил.

– Всё вспомнил?

– Всё.

– Значит, пора.

Сергей вывел крест в центр такого... ненавистного лица и мягко спустил курок.

Возле памятника происходило что-то странное. Мэр схватился за сердце. С академика слетело покрывало и накрыло всю официальную делегацию. Забыли сирены.

– Ну, теперь дёру! Сейчас все Суки сюда сбегутся. Проскочим.

Друзья счастливо миновали возбуждённые тревогой посты и очень скоро оказались на набережной. Тормознули у кованой ограды парка. До сфинксов оставалось метров двадцать.

– Тебе ведь туда?

– Ну... наверное...

Сфинкс повернул голову и подмигнул.

– Понятно. Ну, прощевай, значит.

– А ты?

– Есть у нас ещё в жизни дела. С крысами вот надо поразбираться. Кстати, вот и они.

На парапет из воды вылезли первые твари.

– Всё растут и растут... Как коровы, что ли, будут скоро? Все книги ведь сожрут! Значит, так: я их сейчас уведу, а ты не зевай. Бегом лезь на свою собаку.

– Почему – собаку? Смотри-ка... Это ж водолаз!

– Да, чуть не забыл. Это – тебе.

– Библия! А закладок-то! Закладок! А ты сам как же?

– Рабочий экземпляр. Я её уже наизусть попомню. Ну... всё... всё... Кто знает, может, и увидимся ещё.

Бич ловко подпрыгнул на коротеньких ножках, спружинил и взлетел ещё выше. Дико свистнул и помчался по аллее. От парапета за ним бодро затрусила мерзопакостная колонна.

Сергей незамеченным проскочил от ограды, мигом забрался на тёплую спину и кинул последний взгляд на Город. По аллее лихо мчалась, подпрыгивая, размахивая шляпой и постепенно тая, длиннополая фигурка. Следом ползла серая масса.

– Прощайте, Суки-Сраки.

Сфинкс-собака повернул лобастую голову, кивнул и прыгнул.

Глава 4

Идёшь – иди...

Свободный полёт над водными просторами был лёгок, нежен и приятен. Восходящие потоки мягко покачивали и толкали невесомое тело в широкую спираль. Солнце ласково грело, пронизывало лёгкие облака, поблёскивало в осколках водоёмов. Сергей улыбался и время от времени соскальзывал вниз. До тех пор, пока какая-нибудь речушка не открывалась перед ним всем своим струящимся нутром.

Едва коснувшись водной глади, он снова уходил ввысь... И не было конца сладкому одиночеству.

- Увы, Петрович... Всё – конечно.
- Открыл Америку. Поздравляю...
- Не обижайся, не корысти ради... Ты ведь и сам всегда уходишь вовремя, пока радость не наскучила. Пора возвращаться «на круги»... А то получится, как с тем шкафом.
- И не лень тебе эту мебель за мной таскать. Садист.

* * *

– Петрович! Ты там умер, что ли, на балконе? Стучу-стучу! К тебе дама пришла!

- Какая ещё дама?
- Какая... Красивая! С глазами. Как кукла в магазине...

* * *

Для начала сентября погодка стояла на удивление тёплая. Солнышко щедро дарило тепло увядающей природе. Правда, ночи уже стали холодными.

Сергей поёжился. Подбросил сучьев в костёр. Снял ветровку, вынул из кармана пухлый томик с закладками, с которым он теперь не расставался ни при каких обстоятельствах, и укрыл женщину, свернувшуюся в тёплый клубок. Умаялась.

Найти ночлег,
Уснуть, как провалиться,
Едва прочтя
Священный оберег.

Оставить мир,
а может, с миром слиться
И с Богом расстилать
На землю первый снег.

Ну, до снега ещё далеко, а до рассвета оставалось часа три-четыре. Темень: ни луны, ни звёзд.

Из светлого круга костра Сергей соскользнул по глиняному спуску на берег милой речушки. Присел, всматриваясь и вслушиваясь.

Депутатство, газета, жёны, споры, кэжэбэшники, чиновники... Страхи, ревность, жадность, водка... Всё как-то потихоньку растворилось в журчании невидимой воды, в кромешной тьме сентябрьской ночи. Остался день сегодняшней.

Теперь Сергей уже мог улыбнуться.

Теперь пижонство, с которым он повёл подругу в осенний лес, показалось ему забавным. Их бурный роман длился уже полгода, но Сергей, наученный предыдущими браками, всё никак не мог определиться с перспективой.

Сегодня он решил не ограничиваться обычными дачными радостями, но повёл даму на прогулку по своим таёжным местечкам. Вышли налегке да ещё и чуть-чуть под градусом. Ну, и завёл он красавицу в такую чашу... Напрямую не выйти – бурелом и болотина, возвращаться по следу – плутать и плутать.

Наконец, вышли на берег малюсенькой речушки. Сергей её знал. Она причудливо петляла среди болот и должна была вывести на шоссе. А там до дачи ещё километра три-четыре. Идти надо вверх по руслу.

Присели переvestи дух и перекусить (пару бутербродов и термос запасливая Юля всё же прихватила). Объяснил перспективу. Стихи почитал (спасибо Пашке, завтра же навестим могилку):

Идёшь – иди, в себя влюбляя местность,
Названья рек, урочищ, перелесков,
Зверей, деревьев...
И в любой глуши не заплутаешь –
Выйдешь, будешь жив.

При других обстоятельствах прогулка вдоль таёжной речки была бы просто сказочной: трава в рост; нетронутые кусты смородины с крупными, готовыми вот-вот осыпаться, гроздьями; задумчивые омуты и светлые плёсы; тихие водоросли чуть качаются в светлых потоках; спиленные под конус осины и бобровые запруды; и грибы, которых всегда полно, когда заблудишься.

Но сегодня Сергею было не до красот. Он и сам подустал продираться по нехоженным тропам и перебираться с берега на берег по свалившимся соснам. И прекрасно понимал, что может чувствовать девушка с кукольными ножками, совершенно не привычная к таким прогулкам.

Но Юля даже не пискнула. Большущие её глаза улыбались. Только когда совсем стемнело, она попросила остановиться на ночлег.

– Юль, ты как? Устала?

– Ну, есть немножко.

– Не боишься?

– Ты же со мной. И, потом, я хорошо запомнила: «Идёшь – иди...» Шла и повторяла. Так гораздо легче.

«Всё, женюсь!» – Сергей даже рассмеялся невольно. Тем более, что увидел в сроднившейся ночи причину странных плесков и вздохов. Бобры! Осмелев в тишине, они принялись за свою привычную стройку.

Унылые пути и хмурые леса,
Да грустные глаза гончего пса,
Не живого, а там – на небесах,
Охраняют меня, когда ночь на часах.

Поиски ответа

Стихи русских поэтов Республики Коми

Надежда МИРОШНИЧЕНКО

Что за страна?!..

Андрею Попову

Что за Страна: то метель, то черёмуха.
Белого цвета и чёрного таинство.
Чёрные ягоды, белые омуты
Сквозь золотые лучи пробиваются.
Чёрный пиджак да на белое платье.
Чёрное с белым насквозь перемешано.
То-то порой мне так горько и плачется,
Что не умею я жить не по-здешнему.
Свет ли с небес или ливни крошечные,
Луг расписной иль дорога разбитая
Или попутчика исповедь грешная,
Об руку с песней да слабой молитвою.
Что за Страна? «Да» и «нет» заплетается
В чёткое «Ё..». Боже праведный, выведи
К чистому слову, где, как полагается,
Сказано всё, как назначено издавна.
Богатырей с их доспехами вижу я
И полководцев – с крестами-медалями,
Что и сейчас в нашем сердце не выжжено,
Что и на завтра достанет и далее.
В горе поёшь, в светлой радости мучишься.
Что за Пристанище: злое и нежное?!
Только другое любить не научишься.
И не умею я жить не по-здешнему.
Чёрные ягоды, белые омуты.
Дон или Волга – всё те же ристалища.
Что за страна: то метель, то черёмуха.
Белого цвета и чёрного таинство.

22.05. – 15.06.20

Андрей ПОПОВ

* * *

– Лечись, сынок! – сказали мне старушки,
Что на скамейке во дворе сидят. –
Вон Достоевский побывал в психушке,
Ему вкололи новый препарат.
Он стал здоровым. Верится в такое
С большим трудом. Но, говорят, смогли.
И подлечили всех его героев,
Поправили и души, и мозги.
И я узнал: правозащитник модный –
Раскольников, князь Мышкин – шоумен,
Пётр Верховенский – стал слугой народным,
И поднимает Родину с колен.
И я поверил, может быть, не сразу,
Жизнь изменилась явно и тайком –
Учителем стал Дмитрий Карамазов,
Считается отличным физруком.
И к жизни Свидригайлова вернули.
Застряла пуля у него в виске.
Он вышел из больницы, бывший шулер,
И мэром избран в тихом городке.
Полифония умерла.
Частушки
У нас в чести. Особенно весной.
Зато любого вылечат в психушке,
Будь ты хоть Достоевский, хоть Толстой.

Александр СУВОРОВ

Мальчики

Живите долго и красиво,
Любите, чтоб любили вас.
И пусть вас не ожжёт крапива
Завистливых недобрых глаз.

Пусть будет дружба вам подспорьем
И честно светит с высоты
Над повседневным плоскогорьем
Огонь мальчишеской мечты.

Не избежать нелёгких тягот
В судьбе, на грозной быстрине.
На ваши плечи тоже лягут
Заботы о родной стране.

И в столкновениях подспудных
Вам жить придётся за троих.
Не раз на перепутьях трудных
Вы вспомните отцов своих.

Так пусть никто на белом свете
На ваш очаг не посягнёт.
Пусть вырастут и ваши дети,
Чтоб стать отцами в свой черёд.

Троицко-Печорск – Сыктывкар

Валерия САЛТАНОВА

Поэт

Ещё ты мал. Из тьмы мелодик
Прядёшь свой бессловесный бред.
Наморщишь лучезарный лобик –
И небо свет прольёт в ответ.

Растёшь. Свиваешь лучик слова
В парчу гармоний и свобод.
Бормочешь снова, снова, снова,
Кусая онемелый рот.

Но вот в неслыханном волнении,
Отныне и навеки впредь
Ты чуешь в сердце озаренье
И тщишься свет запечатлеть.

И всё идёшь за ним в потёмках,
Звук набарматывая зло,
С упорством лютым аистёнка,
Что встал впервые на крыло.

Ты хрипнешь в поисках ответа.
Жгуч и смертелен каждый шаг...
Но ничего нет, кроме света,
В твоём блуждании впотьмах.

И коль родился ты в сорочке,
Мотать тебе надмирный срок.
Так будет до финальной точки,
До края, до скончанья строк.

Наталья СТИКИНА

Петелька

Подвела дурёха-память...
Не смогла признать тебя
Среди тысячи признаний,
Среди тысячи воззваний.
Мне бы быть с тобой, а я

Распустилась, словно шарфик
По петле, на пустяки.
Среди тысяч одиночек,
Среди тысяч многоточек
Всё назло, да вопреки.

Шерстяною ниткой вилась,
Да не грея, не любя.
Потому и оступилась,
Потому и отступилась,
Открестилась от тебя.

Татьяна КАНОВА

* * *

Оглянуться боюсь, и вперёд страшновато смотреть.
Кто я? Что я? Зачем? И нужны ли кому-то ответы?
В глухомани своей довелось мне и плакать, и петь.
Что ещё доведётся? И кто мне расскажет об этом?

Не успела за тем и за этим уже не спешу:
Ни чинов, ни деньжищ, ни наград, ни почёта, ни званья.
И у трудной судьбы я давно ничего не прошу,
Кроме лёгкой судьбы своим детям, а мне – покаянья.

И с Кольёлем расстаться, наверно, уже не смогу –
Деревенщина я, ни о чём мне Козэль с Ремарком.
Что удержит меня?
Этот домик, да жизнь на бегу,
Да на жалких листочках небрежно-сплошные помарки.

Владимир ПОДЛУЗСКИЙ

Белый всадник

Видела мама в широком окне –
Всадник проехал на белом коне.
Дочь упросила готовить убор,
Что в гардеробе лежал до сих пор.
После всех горестей, бед и услад,
Видно, пора отправляться назад.
В давний, уже перевёрнутый мир,
Ныне пронзающий взором с могил.
Дочка со страхом глядит на неё:
Зря, что ль, кружит над двором вороньё.
Стихли дворняги; хоть вой, хоть не вой,
Всадник, как ангел, уже за спиной.
К маме виденья идут чередой
Вместе с последнею в жизни бедой.
Много знакомых людей и цыплят,
Дом ожидает тяжёлый обряд.

Плачут иконы в углу в рушники,
Ждут небеса и души, и руки.
Скоро конец, в потемневшем окне
Всадник проехал на белом коне.

Андрей КАНЕВ

* * *

У Володьки Щана, друга моего,
Прошлой ночью «крышу» напрочь сорвало...
Ни семьи, ни сына, ни квартиры нет.
Служба да погоны, честь да пистолет,
Волевой характер, распорядок дня,
Да командировки – каждый год Чечня.
Спать ложился Вовка, вовсе не со зла
Рядом клал гранату – чтобы сберегла.
Пьяная общага обрела покой,
Ночь была короткой, как последний бой.
Вдруг раздался грохот, стёкол перезвон.
Что приснилось другу, знает только он:
Видно, окружённый, он чеку сорвал.
Палец зацепился за кольцо-запал...
Прошлой ночью напрочь «крышу» сорвало
У Володьки Щана, друга моего.

Юрий ИОНОВ

Козье молоко

К трёхлетнему, вошла неброско
Мне в жизнь победная весна:
Козою серой с кличкой Розка
Явилась нам во двор она.
Была мальчишечке, конечно,
Такая новость – благодать.
И одевался я поспешно,

Чтоб Розку ближе увидеть.
Не скоро кончатся невзгоды
Для всей страны и для села,
А нам в те памятные годы
Коза – кормилицей была.
Но в мае отступили беды,
Вздохнули взрослые легко
И пили водку за Победу.
...А я пил – козье молоко.

Григорий СПИЧАК

Как пела Ротару

На расстрел нас поставили у обрыва,
Перебили бутылки с вином
и о серый бетон раскрошили гитару.
В сердце пусто, в глазах ни слезы, ни надрыва,
А в приёмнике танка
что-то пела Ротару.
А в закате кричал красный свет,
Обещая и ад, и свинец,
и Днестровские волны.
Мне шепнул наш водила-сосед:
«Смерти нет...
Но на всякий... Ты все рожки эти запомни...»

Нет. Не помню. Ни рож, ни команды...
что было?
Был удар из орудий и крики...
И пили водяру.
...водкой той и контузией память размыло,
Но вот – надо же – помню,
как пела Ротару...

Любовь ТЕРЕНТЬЕВА

* * *

«Осподарево моё дитяtko,
Ну поди же ко мне, полюблю...»
Что-то было в словах её. Видимо,
Потому и храню.
Мною, дитяtkом, «осподарево»
Понималось как слёзный исход,
Исцеление от марева
Прежде времени павших забот.
И намучившейся крохою
Прижималась я к тёплой груди.
Усмирялось сердечными вздохами
Ожидание новой беды...
«Осподарево» – Господом дарено!
А поди же – не сразу дошло.
Уже нет моей бабушки старенькой.
В землю вжалась изба тяжело.
Я пеку для детишек оладушки.
Я гляжу, чтоб хватило на всех...
Осподарева моя бабушка,
Каково тебе на небесех?

Инга КАРАБИНСКАЯ

Внутренний редактор

Он с брезгливой точностью, будто бы давит блох,
Тычет костлявым пальцем в страницу черновика:
Первый катрен неплох и последний не так уж плох,
Но между ними – полная чепуха.

Вроде молчит, но во взгляде желчно кипит слюда:
Жидко, мол, пишешь, не надрывая жил.
Всё-таки первый катрен – хорош, и последний – туда-сюда,
А остальное возьми и перепиши.

Прав. Безнадёжно и беспощадно, как ни войю.
Он точно знает, однажды наступит день,
Когда эту рукопись – никчёмную, но мою –
Оценит последний, он же единственный, рецензент.

Кто-то один, последний: редактор, бог,
Полный тоски, сострадания и любви
Скажет: прекрасны твой первый крик и последний вздох.
А остальное иди и переживи.

Виктория НАУМЕНКО

Про любовь и снег

Шаги зимы здесь, как всегда, легки.
Но, вторя им, так вздрагивает небо.
Входи. Я занят ожиданьем снега.
И я не отвечаю на звонки.

Пока мир замер на своих осях,
Как этот бисер влаги на ресницах.
Не смахивай. Смотри. Вот-вот случится.
Звонящий перелом всего и вся.

Мир вдруг сорвётся в бездну-близну
И тут же зазвучит в ином регистре.
Зима меня настигнет, словно выстрел.
Я даже не успею продохнуть.

Не бойся, свет мой, это про любовь.
И лишь чуть-чуть про смерть. Ну так уж вышло.
Да будет снег. Бесстрастный и неслышный.
Он заметёт пунктир моих следов.

Ольга ХМАРА

* * *

Отъездов наших под шумок
Брега заветные Тавриды
Закрыли сердце на замок.
Какие могут быть обиды! –

Не стану я рубить сплеча.
...В краю метелей и морошки,
Вспоминанья горячат
Мои озябшие ладошки.

К себе налаживай маршрут.
На ужин вермишель с котлетой
Тебе с улыбкой подают,
А не – до прошлого билеты...

И мы за несколько недель
Уйдём далёко друг от друга.
В твою весеннюю капель
Моя никак невхожа вьюга.

В объятых праздничной поры
Тебя, конечно! – спросят гости
Про Афродиту, море, Крым.
Ты им, смеясь легко: «Да, бросьте!..»

И ты подумаешь – на кой
В московской давке оглашенной
Ту помнить, нежную, морской
Укрытую
одной лишь пеной...

И ты приветить гладь и тишь,
Бродя с авоськой в гастрономе,
И с облегченьем удалишь
Из телефона лишний номер.

Твой ко всему привычный пёс
В парк позовёт, выдавший виды.
Какие могут быть обиды!..
...О, злые... жгучие... до слёз.

Екатерина ЦУММЕР

* * *

Перед тем, как порвётся в цепочке звено,
До той капли, сорвавшейся в полную чашу,
Прежде чем что-то сказано и решено,
До того как последний светильник погашен,
Я прошу – оглянись. Видишь – близится шторм.
Слышишь – балки скрипят, громко хлопают ставни.
Разлетаются крылья взметнувшихся штор.
Темнота отражается в зеркале спальни.
Видишь – птицы встревоженно в небе кружат,
Ожидая огонь разрезающих молний.
Перед тем, когда грянет зловещий раскат,
Вспомни – ты здесь любим, обязательно вспомни...

Владислав СУШКОВ

Баллада об отце и вечности

Сквозь осень
Так отчётлив горький дым
Листвы, октябрьской вечности, дороги.
Отец был мичман.
Даже отставным –
Он слышал по ночам сигнал тревоги,

Срывался,
Рвался мчаться «по местам».
И мама понимала, обнимала
И знала, что он снова будет – там,
С началом сна начнётся всё сначала.

Он так
И не собрался на покой,
Унять бессилён дрожь глубинной жилки –
Ходил в День Флота в форме щегольской
И к Дню Победы поправлял могилки.

Историю
земли, семьи, страны
он чувствовал спокойно, по-солдатски.
Он знал: кому мы в вечности нужны,
когда б не те, кто похоронен в братских.

Не стоит
В каруселях пышных фраз
Томить себя бессмысленным вопросом.
Ведь если Бог глядит ещё на нас,
То это, знать, они Его так просят.

Им тоже –
очень трудно по ночам,
Срываются по вахтам и расчётам.
Но где-то там, в начале всех начал
их всё же успокаивает что-то.

Сквозь отсвет,
Блик предвечного огня
Они глядят спокойно. И я лично
Уверен: если смотрят на меня,
То только потому, что папа-мичман

Сгорел мгновенно.
Вспышкой.
Не истлел.
И, уходя осеннею аллеей,
До смерти ни о чём не пожалел.
Как и они, дай Бог, не сожалеют.

Öти гоҗся ЛУНÖ

(Повесът)

ТУЙЫС быттьö помасьлытöм лои. Карсянь Кырув сиктöдз кыксё километр и эм, но со вöрзöдчöмсяньыс нель час нин коли, а джын туйсö на сöмын вуджисны. Миш Öле, тадзи сиктса ногөн шуисны Александр Михайлович Коскоковöс, пукалис шоперыскöд орччөн да ылісянь казявліс чорыд веркöса туй вылын артмöм гуранъяссö. Шоперыс абу жö синтöм. Ньöжмöдчас да лёкысь бара сötкыштас.

– Тöдi кö эськö, мый тiянланьö татшöм туйыс – эг жö пет. Машинасö сöмын кисьта. Став сöмыс сы вылö и мунас, – броткöдчис шоперыс.

А öд карсыс петiгөн зэв варов вöлі. Тыдалö, дыр нин виччысöма, кодi медалас сiйöс. Кор Миш Öле сылөн юалöм вылö вочавидзис, кытысянь локтö, дыр эз вермы нинöм шунысö. Сöмын минут кык мысти шопер вомысь чеччыштіс:

– Сöран жö эськö да.

– Ог сөр. Збыльысь Франциясянь локта.

– Сыктывкарса Парижын али мый рöдняд олö? – эз на эскы шопер.

– Ина Парижас, мися, воöдчылi. Он мöй аддзы, кутшöм вылысын паськöмыс? – индiс Миш Öле сылы гөгöрыс гартыштöм шарп да шорты вылас, кодi пидзöсöдзыс кымын сöмын коксö вевттис.

– Абу быттьö эськö миян кодь паськöма да, – шуыштіс шоперыс да водзö юасис: – Код дорö нö ветлiн? Кутшöмкö рöдвуж сэнi тэнад?

– Абу. Вöлі кö эськö...

Сэсся машинаас пуксьöм бöрын висьталіс, кыдзи письтіс Францияöдзыс ветлынысö. Мыйсюрö, дерт, дзебыштіс жö. Эз быдтор йы-

Алексей ПОПОВ

Алексей Вячеславович Попов чужис 1950 вося июль 25 лунö Корткерöс районса Ыдждьдвидз сиктын. Гижö висьтъяс, повесьтъяс да пьесаяс. Лэдзис «Грезд», «Мывкыд Парма», «Олöм войтъяс» да мукöд небöг. Уджалö «Би кинь» журналын шöр редакторн.

лысь юксыны кут дзик тѳдтѳм морткѳд. Эз жѳ висътав и сы йылысь, кызди гажтѳмтчыны босътчис Коми мусыс коймѳд луннас нин. Збылысь эськѳ ставыс бур да мича Францияас. Йѳзыс сѳні аслыспѳлѳсѳс и. Петан ывла вылас, да дзик тѳдтѳм морт вермас чолѳмасыны паськыда вашмунѳм бѳрын. Отиласянь и мѳдласянь кылѳ «Бонжур», «Мерси». Сѳсся мыйкѳ ас ногныс тольгасыны-висъталасыны. Миш Ѳле, дерт, нинѳм оз гѳгѳрво, но юрнас довкйѳдлѳ жѳ воча. Гашкѳ, юрсѳ вундѳм йылысь нюмъялигтыр юѳртѳны, а сийѳ со сѳгласа катлѳдлѳ. Телепит кутис лоны Миш Ѳлелы кывны гѳгѳрвоана варовитѳм. Комиѳн, дерт, эськѳ. Но мед нин кѳтъ роч вылын. Сийѳс ѳд бура жѳ гѳгѳрвоѳ. Но кытысь босътан? Рочнас сѳмын сийѳс новлѳдлысьыс, ар комына мичаник нывбаба, тышкас-мышкас сѳрнитѳ. Сидз нин артмис: Миш Ѳле дзик ѳтнас Роч мусыс татчѳ воис. Мукѳдыс, кодъяс сы моз жѳ Парижас веськалѳмаѳсь, быдѳн ас ногныс варовитѳны. Сѳмын англия кыв кодсюрѳис тѳдѳ. Та вѳсна на дорѳ новлѳдлысьнас ѳти мужичѳйѳс индѳмаѳсь. А Миш Ѳле ни француз ногыс, ни англияса олысьяслѳн сѳрнитанногѳн ни ѳти кыв оз тѳд. Дзик эськѳ тадз шуны оз позь. Некемын кывтѳ, дерт, тѳдѳ, кодъяс ѳнѳ быд том мортлѳн вомысь чеччыштлывлѳны. На улѳ жѳ босътчисны лѳдзчысьны бурлак зонъясыс да мича нывъясыс и рочладорын. Но некемын кыв тѳдѳмнад йѳз муад ылѳдз он мун. Та вѳсна и Миш Ѳлелы пыр ѳнджыка и ѳнджыка лоис телепит кывны гѳгѳрвоана варовитѳмсѳ. Мѳскуаѳ лѳбысь самолѳтѳ пуксис да, сѳлѳмыс ловзъылис: гѳгѳр рочѳн варовитѳны. Мый оз шуны – ставыс гѳгѳрвоана.

Сѳсся Миш Ѳле Мѳскуаын поездѳ сѳлис. Орчча купеясас овмѳдчисны пѳрнѳй арлыда мужичѳйяс. Тыдалѳ, войвылѳ нажѳвитчыны медасѳм войтыр. Первойсѳ лабутнѳя на олисны, но курыдторйыс неуна воманыс веськалис да, сѳмын матькѳм и мѳдис петны. Миш Ѳлелы мыйлакѳ бара окота лои Парижас веськавны, кѳнѳ «Мерси» да «Бонжур» вашъялигтыр шуѳм сѳмын и кывлис. Но кызди ѳнѳ бѳр бегѳдчан? Ковмис терпитны пеж кывъяс шуалѳмсѳ. Ѳтнадѳн ѳд ватага гажа юра йѳзсѳ матькѳмысь ѳлѳдны он уськѳдчы. Косявласны, гашкѳ, дивитѳмсыс.

Варовитѳгѳн кадыс ѳдйѳджык тѳвзис. Но кымын водзѳ мунисны, сымн шоперыс сѳрнитѳмджык лоис. Эз, тыдалѳ, чайт татшѳм лѳкѳн туйсѳ да этшаник доныс и кѳсийысис нуны. Туйлѳн помыс некедз эз во быттѳ. Миш Ѳлелы телепит нин вѳли веськавны ас сиктас, керкаас. Кутлыны Валя гѳтырсѳ, варовитыштны Митрей свѳякыскѳд. Весиг ѳд Нина свестясыс, ярскѳб кывъя том нывбабаысь, кодѳ лоѳ гѳтырыслѳн чѳйѳн, гажыс бырыштѳма. Машинаас пуксигѳн звѳнитлис гѳтырыслы да висъталис, мый петѳ нин карсыс. Валяыс юѳртис, ѳг пѳ гортын ло, а кута виччысьны батьмам ордын. Мыйлакѳ Миш Ѳлелѳн тесьтыс да тѳщасыс тадзи кѳсийѳмаѳсь. Мыйкѳ несидз лоѳма али мый Кырув сиктас сылѳн ветлигкѳстѳ? Валяыслѳн гѳлѳсыс эз жѳ вывтѳ долыдѳн вѳв. Кутшѳмкѳ майшасыѳм быттѳ шымыртѳма, зѳв коса варовитис гѳтырыс. Та вѳсна Миш Ѳлелы нѳшта на ѳдйѳджык колѳ вѳли воѳдчыны Кырулѳдзис. Но туйыс со некедз оз сет тѳвзынысѳ. Мукѳдлаас чорыд веркѳса туйыс сѳтшѳма киссѳма – быттѳ тувсовъя ытва

син водзад. Он төд кытӧн гураныс, а кытӧн асфальтыс. Йи кылалігӧн сэтшӧм жӧ, кор на сійӧ сӧмын босытчӧ. Кӧть йи вывсынь йи вылӧ чеччав. Но машина-над асфальт торсянь мӧдӧдз чеччыштны он лысыт. Гуранас гӧгылыс пырас, да гырк пытшкыд вӧрзяс зӧтшнитӧмсыс. Машинаыслы водзӧсӧ не мунны и. Та вӧсна шоперыс эз и тэрмась. Кӧсйис, тыдалӧ, бӧр гортас ловйӧн вайӧдны асысӧ и кӧрт чибуксӧ.

ТАЙӦ асывсӧ Петя Вась да Кире Катя гозья водз сувтісны. Зятгыслӧн, Миш Ӗлелӧн, талун локтан кадыс матысмис, да гӧсьтыясӧс виччысисны. Дерт, быдлуныя волюсь гӧсьтыясӧс жӧ. Нывьясыс, Валяыс да Нинаыс, керка дортгыс кӧ мунасны, то пыравтӧг оз кольны. А луннас найӧ бать-мам керка дортгыс удж вылас мунӧны и локтӧны. Семе Мить, Нинаыслӧн верӧсыс, на ордӧ кежавтӧг лунсӧ оз жӧ коль. Найӧс и виччысисны талун. Кире Катя мыйлакӧ водзмӧстчис. Миш Ӗлеыслӧн ӧд ас керка нин эм. И гӧтырыс сәні вермас виччысьнысӧ. Но Кире Катя кутшӧмкӧ асысыс гуся мӧвп пӧжӧ да корис, мед на ордӧ чукӧртчасны. Валясӧ тӧрыт куимысь кымын велӧдіс, мед Ӗлеыс оз гортас кеж, а на ордӧ пырас. Быттӧ звӧнитлас кӧ зятгыс карсяныс. Эз кӧ на пӧ став сьӧмсӧ видз Парижас да кольыштис кӧ на, мыйӧн телепонаыслысь пӧтлытӧм горшсӧ тыртны. Тадзи тай Кире Катя нылыслы висыталіс-а. Петя Вась эськӧ кӧсйыліс паныд шуны, мед пӧ гортас пырас, но гӧтырыс кодзнитліс сы вылӧ синнаас сідзи, мый вомыс мужиклӧн восьсӧн вель дыр оліс.

Кире Катя ярскӧб нывбабаыс. Войвылын, Изьва ю дорын, чужлӧма да быдмылӧма. Сэтчӧс сёрнитанногыс абу на вунӧма, кӧть эськӧ комын сайӧ во нин Эжва бокын сулалысь Кырув сиктын олӧ-вылӧ. Оз-оз да и шуас «чеччышт» пыдди «чеччы» либӧ «нӧжйӧ» пыдди «нӧж». Петя Вась та дорӧ велалӧма нин да оз весиг кӧлӧвартлы. А тӧдтӧм войтыр пыр жӧ и пысасыны. Мыйла пӧ кывсӧ чинтан? Кире Катялӧн вочакывйыс дась нин. Тайӧ пӧ тӧянлы, Эжва лятяыслы, кокни вӧлі ывла вылад дыртӧ бызгыны, а миян пӧ сәні, Изьва бокад, кӧдзыдджык да он вермы кузя сулалӧмӧн сёрнитны. Со пӧ и чинталім кывьяссӧ, мед ӧдйӧджык ӧта-мӧдлы коланасӧ висытавыны да янсавыны. Изьва нога паськӧмыс сылӧн выйим жӧ и. Дзебасын видзӧ. Водзті, кор нывьясыс ичӧтӧсь на вӧліны, тшӧкыдджыка пасытавліс. Сибаласы да мырдысьбӧн корӧны кышавнысӧ. Дикӧвинка кодь паськӧмыс да. Сәсся быдмисны да эзджык кутны пойгыны. Вывті коланаинысь, кутшӧмкӧ празыникӧ, Кире Катя кышавлас паськӧмсӧ и бара дзебас. Талун асыв, зятгысӧ виччысьны, эськӧ кӧсйис пасытавыны, да эз жӧ тай мыйкӧ-а. Кыскыліс да бӧр суйис сундукас. Верӧсыс, Петя Васыс, та вылӧ зэв кокниа ышловзис. Эз радейт мыйлакӧ сійӧ, кор гӧтырыс вель дыр кышавлывліс ас вылас сарапаньяссӧ. Час кымын мунӧ та вылӧ да, сійӧн. А часнас мыйта удж на позяс бергӧдны. Кӧть эськӧ уна уджыс гозьялӧн эз нин коль. Во сайын пенсия вылӧ петісны. Да кадыс гортгӧгӧрса рӧбӧтасӧ вӧчны лоисджык. Бара лои изьватас ногӧн шуӧма уджсӧ.

Медводз на дорӧ локтіс Валя нылыс. Абу, тыдалӧ, узысьӧма. Сингысыс тай быттӧ пыкталыштӧмаӧсь-а.

– Эз на триньобтыв? – пыр жö и кутчысис юасыны мамыс.

– Эз на, – коса вочавидзис Валя.

– Абу на, тыдалö, карас воöма, – ассьыс кыв мöвпыштис чöвтыштны и Петя Вась.

– Воан кад нин эськö да, – бара косамоз лои шуöма нылыслöн.

Мамыс да батыс эз кутны пысасыны татшöм кос вочакывъяс до-рад. Тöдिसны нылыслысь сямсö да. Быд нинöм абусыс вермас лөгасыны, абутöмторсыс асьсö сідз песны босьтчылас, мый жаль видзöднысö. Бурджык чöв олыштны, мед ас кежас нин пессяс. Шуан кыв да ачyd мыжанас лоан. Со тай öнi бать-мам дорас воис да пельöсö пуксис, мед некод эз дöсадитчы. Мыйкö ассьыс песö-мöвпалö. Кор Нина чойыс пырис, весиг эз видзöдлы сы вылö.

– Митрей зять нö кöнi? – Нинаыслысь юасыны уськöдчис Петя Вась.

– Гачсö кöмалан на тай коли-а, – вочавидзис мöдыс.

Кире Катя нинöм эз шу. Ньöжмыднад Митя зятьыс збыльысь ньöжмыд. Мыйкö кö босьтчас вöчны, то ыджыд терпенньö колö видзöднысö. Тэрмасьтöг, маласьмөн быттö ставсö вöчö. Но вöчас да, любö жö видзöд-нысö вöчöмтор вылас.

Коркö сэсся и Семе Митрей зятьыс на дорöдз воодчис. Сылөн пыригөн и триньобтис Валялөн телепоныс. Миш Öлеыс, дыр виччысяна верöсыс, звöнитчис. Карсыс пö регыд пета. И со вель уна кад нин коли, а век на, тыдалö, петö кö-а. Некудзи тай сиктöдзыс оз во. Валяыс кисыс мобильной телепонсö эз на лэдзлы. Кадысь кадö звöнитö да шога шуыштавлö:

– Бара öтиторсö дольöны.

– Оз босьт али мый нö? – ышловзис Кире Катя. Кодi кока туис моз вöтлысис ныв бöрсяыс. Быттö полис син увсыс лэдзны, медым мöдыс пöсьйывсыс аскöдыс нинöм эз кер.

– Көнкö туй костас на. Абу пö тай йитöдыс-а.

Семе Мить, Нина да Петя Вась телевизорö дзоргöмөн кадсö лотисны. Дерт, нинöм жö бурсö эз петкöдлыны сэнi. Но век нин видзöдантор. А то босьтчан кö Валялысь шома чужöмсö öтарö видзöдны, ачyd шогö усян. Семе Мить те-левизор вылысь синсö вештывтöг и ассьыс кывсö сюйыштис:

– Сиктас пырасны да, сöмын сэки телепоныс лоас. Вöлök вуджигад оз и кыв.

Нина гöтырыс быттö сылысь шуöмсö и виччысьöма. Чивкнитис-чеччис диван вывсыс да велöдны кутчысис:

– Валя, гашкö, татчö сувтлан? Тайö пельöсас телепоныс бурджыка йитöдсö кутö. Воськов вешйыштан, и вошöма нин, – индiс сулаланiнсö чойыслы Нина.

Кире Катя шлапнитыштис кияснас асьсö да пыр жö и Нина дорыс сувтис:

– Забыль, сідзи öд и выйим. Колökö, сэнi шыасяс Öлеыс.

– Кöть нин кытчö сувт, вошöма кö мортыс... – öвтыштчылис первойсö наысь Валя, но век жö сувтис Ниналөн индöминö да бара босьтчис личкавны телепон кизьяссö. Ставөн чöв ланьтисны, видзöдiсны сы вылö. Том нывбаба вайсян мöс моз сьöкыда ышловзис да бöрдан гөлöсөн шуис: – Кöть нин кытчö сувт. Сийс жö дольöны. Йитöдыс пö абу.

Сиктас эз сӧмын найӧ виччысьны Миш Ӗлелысь Франциясянь воӧмтӧ. Кӧсьта Педӧрлӧн Любаыс да Педӧр Мишлӧн Пашаыс кывлісны жӧ, мый талун пӧ воас Александр Михайловичыс. Миш Ӗлеӧс тадзисӧ эськӧ некод сиктас ёнасӧ оз шу да. Челядьысь ӧприч. Найӧ ас лавка кутысьсӧ ичӧтсьяныс тадз велалісны шуны. Кампеттӧ вӧлі дон кортӧг корсьурӧ сетас да. Ӗні эськӧ Пашаӧс да Любаӧс кампет вылад он нин ылӧд. Кӧкъямысӧд класс помалісны. Но ичӧтдырсьяыс вежӧрас сатшӧма. Ставныслы Миш Ӗле, а налы со Александр Михайлович. А кывлісны та йылысь Дмитрий Семёновичсянь, найӧс школаын физкультура велӧдысьсянь.

Люба да Паша асывсьяныс нин Кырув кузяыс ветлӧдлісны. Пошта разӧдісны. Дерт, уна уджыс абу. Газет-журналтӧ лыда морт судзӧдӧ. Письмӧястӧ абу жӧ гижӧмаӧсь и. Но нывкалы да зонкалы веськодъ. Налы мед сӧмын ӧтлаын олыштны помка вӧлі-а. Мыйкӧ быттьӧ на костын чисалыштӧ да. Кыскӧ ӧта-мӧд дорас. Гажтӧм шымыртлӧ кыкнаннысӧ, кор син увсьяныс кодныскӧ вошас. Гашкӧ, тайӧ чусалӧмыс и радейтчӧмлысь бисӧ вочасӧн ӧзтас да... Вермас жӧ лоны. Йӧз син улысь вешйыштӧм бӧрын тай ки на ки кутчысьӧмӧн муныштасны и быдӧн. Но аддзасны кодӧскӧ да зэв ӧдйӧ нетшыштасны кияссӧ. Яндысьӧны на. Со и Дмитрий Семёновичсӧ казьялӧм бӧрын вешйыштисны ӧта-мӧд дорсьыс, быттьӧ весиг лӧгасьыштӧм чужӧмьяс вӧчисны.

– Мый нӧ абу видз вылынӧсь? – юасьны пондӧс физрукыс.
 – Пошта разӧдам, – вочавидзис Паша. – Тӧ нӧ кытчӧ?
 – Свӧяк тай талун локтӧ, да сӧйӧс виччысьны муна, – эз дзеб помкасӧ физрук.

– А позьӧ тӧянкӧд пыравны Катя баб дорас? – юасьны босьтчис Люба.
 – Мыйкӧ пошта вывсьяныс сылы сетісны али мый?
 – Эз эськӧ да.
 – Эз кӧ нӧ, мый сы дорысь корсьяныд?
 – Ва. Ва юыштны кӧсьям, – нывкалы ӧтсӧг вылӧ воис Паша.

И ӧд пыралісны да васӧ юисны. Код тӧдас ӧнія том войтыртӧ. Мый налӧн юраныс? Асьнысӧ тешитӧм могысь вермасны быдторсӧ вӧчны. Пашалӧн да Любалӧн ӧні юраныс сӧмын ӧтитор – кызкӧ аддзыны помка лоны дырджык ӧтлаын. Со и ветлісны Кырув помӧдзис да бара кежисны Петя Вась да Кире Катя керкалань. Мыйла? Юаласны кӧ – асьныс висътавны оз кужны. Но кежисны тай-а. Весиг керка пытшкӧсӧдзис пыралісны. Дерт, тотшкӧдчисны ӧдзӧсас.

– Ӗлексаныс воис али мый? – игӧдчӧмсӧ кылӧм бӧрын ӧдзӧслань уськӧдчис Петя Вась. Мукӧдыс шай-паймунісны жӧ. Збыльысь мӧй воис? Но ӧдзӧс воссис, и пырисны Паша да Люба. Керкаын вӧлысьяс муртса гораа эз сӧткыштны. Но челядь водзас кутчысисны жӧ. Эз весиг босьтчяны юасьны, мый морла бара пырисны татчӧ.

– Оз на тыдав? – тайӧс юасьны уськӧдчис Петя Вась.
 – Оз на, – вочавидзис Паша.
 – Оз на, оз, – асьыс кыв телепит шуны лои и Любалы.
 – Та дыра оз лок! – шензис Кире Катя.

– Мунан туйыд паськыд, а воаныд – ок векныд, – кывкортавны видзодчис Петя Вась та дыра локтомлысь помкасё. Сэсся сэтшом сюся човтліс видзодлассё нывка да зонка вылө, мый найö весиг лажыньтчылісны.

– Ми сэсся петам, – öдзössö восьтіс Паша.

– Сэні гажаджык, – уйкнитны ывла вылө уськөдчис Люба.

– Петöй, петöй. Тіян татшом и уджныд. Довъявны мед сöмын, – броткөдчис Катя пöч.

– Ми эськө ог на сідз довъялöй да, – татшом мыжаломсьыс сувтыштліс зонка.

– Он тай. Некымынысь нин сиктсö кытшовтінныд, – некод вылө броткөдчынысö, тыдалö, лои Петя Васьлы.

– Абу некод гортаныс да, – помка аддзис Паша.

– Ми öд пошта разöдны кутчысим, – нем виччысьтөг пырöмысь дорйысис Люба. – Мамöс со вежам. Отпускö петіс да.

Верстьö йöзлы эськө чөв овны, гөгөрвоны челядсьö. Но налөн виччысьöмысла пытшкөсас ставыс нин гартчöма вöлі. Бытьö корсисны, код вылө таысь лёксö песны. А найö со асьныс мыччысисны. Кире Катя муртса челядь бөрсяыс вөтчöмөн эз кут броткыны:

– Но-о. А мый нö эськө мянö пыринныд? Нинöм эн вайöй да.

– Мися, гашкө, кодöскө татысь суам, – помөдз дорйысьны, тыдалö, көсйис Паша. Гашкө, кажитчана нывка водзас зіліс асьыс русö петкөдлыны.

– Со и кежалім, – сы дор таысь лои Люба.

– Газет-письмөтö кильчö вылас пуктöй дай. Абуöсь кө бытьö, – дивитана ру письтöма и Петя Васьлөн.

– Мамö эз тшөкты. Кианыс пö сетöй, – аддзис мый вочавидзны Люба. Öнйя том йöзыд тай сэтшöмөсь, оз көсйыны сетчыны верстьöясыдлы. Помөдз воча тшетшканы. Торйөн нин, кор ныла-зонма öтлаынöсь. Öта-мөд водзас вер-масны дугдывтөг асьнысö петкөдлыны.

– Тэ мамтö вежан. А мöдыс нö мый тэ бөрся тротикасьö? – тесьт да тьöщасö дорйыштны уськөдчис Семе Мить.

– Гаж вылө, Дмитрий Семёнович, – велöдысьлы весиг воча лысьтіс шуны зонка.

– Налөн, гашкө, эсйö... – эз вермы кутчысьны сёрниö сюйсьöмсьыс и Нина.

Челядь öдйö гөгөрвоисны, мый йылысь сёрниыс кутіс мунны. Весиг гөрдöісны кыкнанныс. Но вочакывсö аддзис век жö Любаыс:

– Мед абу.

– Абу. Нинöм мян костын абу, – пыксыны уськөдчис Паша. Бытьö йöзасьöмысь повзис да дась вöлі пышйыны. Но Любасö öд öтнассö он коль.

– Абу кө и абу, – челядьлысь гөрдөдөмсö казялөм бöрын көсйис нин öвсыны пысасьöмсьыс Нина, но асьыс тшетшкана сямсö вежны эз вермы да водзö пестіс: – Эм эськө да. Абу кө öд, он кинад кутчысьöмөн сикт кузялаыс ветлөдлöй.

– Кор? Кор ми киён кутчысьöмөн вөлім? – бöрынтьчыны пондіс Паша.

– Öнтай. Аддзылі öд.

– Эн лӧсьӧдлӧй нинӧм абусӧ, – Паша бӧрся уськӧдчылӧс мунны Люба, но нывка мортыд ярскӧбджык да паныд шутӧг эз кут усйысьнысӧ.

– Казяланнӧд татчӧ локтысьсӧ да юбртӧй, – сӧмын и слӧймис налы шуны Кире Катя.

– Водз на налы кильмынысӧ, – ныв водзас челядсьӧ дорйис Петя Вась. Но весьшӧрӧ нин лои сылӧн шуӧмыс. Паша да Люба туй выласӧсь нин вӧліны да. Первойсӧ гырысь йӧзлӧн син водзӧ веськалӧмысь ли мый весиг ӧта-мӧдсьыс ылыстчылӧсны. Быттӧ петкӧдлӧсны, мый весьшӧрӧ найӧ сӧрӧны, нинӧм со на костын абу. Но сӧсся неылӧ муныштӧм бӧрын бара матыстчисны ӧта-мӧд дораныс. И босьтчисны мый йылысь кӧ зӧв сӧлӧмсяныс сӧрнитны.

КЕРКА пытшкын колъысьяслы ковмӧ водзӧ нуны асьыс виччысян удж-могсӧ. Он ӧд тай сӧсся босьт да разӧдчы. Помӧдз нин ковмас виччысьны. Тадзи кымын мӧвпалӧсны Семе Мить гозъя. А Валялӧн сӧмын ӧти мӧвп юрас: мыйла верӧсыс та дыра оз лок. Сибдӧма кытчӧкӧ али мыйкӧ мӧдтор кутӧ. Кире Катя видзӧдӧ сы вылӧ да оз жӧ вермы некутшӧм отсӧг сетны. Таысь мамыдлы медся нин лӧк. Кор он сяммы мездыны быдтастӧ, сӧлӧмыд нӧшта на ӧнджыка майшасьӧ. Петя Вась мортыс мӧдджык руа. Сӧлӧмыс эськӧ мый оз вӧч, но вежӧрыс такӧдӧ да оз лӧдз чепсасьнысӧ. Сӧмын кывнас татшӧм здукъясас шыбласьны востерджык лолӧ. Кытыськӧ юр вем пыдӧссьыс ли мый мыччысьӧны кывйӧзъяс. Кодӧс ачыс думыштис, унджыксӧ, дерт, бур йӧзсяныс кывліс да пель саяс сюркнявлӧс. Со и ӧни гӧтырыслӧн майшасьӧм вылӧ видзӧдӧгӧн бара на ӧти кывйӧз юрас воис:

– Да-а. Виччысян уджыд – гырйын ва тойӧм кодъ.

– Воас жӧ ӧд коркӧ, – аслысмоз шуис Семе Мить зятъыс. Сылы, лабутнӧй оласнога мортлы, кызкӧ гӧгӧрвотӧм вӧлі Валя свестяыслӧн да тьӧщаыслӧн помтӧм майшасьӧмыс да часӧ вылӧ ӧтарӧ гоньялӧмыс. Быттӧ мыйкӧ сӧсся вежсяс, кутан кӧ тадзи пессынысӧ? Нинӧм оз вежсьы. Петӧма кӧ нин мортыс туйӧ, коркӧ воас. Оз кӧ талун, бӧрынджык. Туй вылад ӧд быдторйыс жӧ овлӧ.

– Быдса лун воштӧма лои. Удж вылысь вӧзйысьны ковмис и. Буретш отчӧт кад суис да, – туй костас вошӧм верӧссӧ таысь нин босьтчис дивитны Валя. Нывбабаыдлы крукасянторйыд помся вермас сюрны. Сӧмын помкасӧ сетлы. Сӧки и кӧнкӧ Африкаладорын мунысь косьсьыс мыжаӧн верӧсьяссӧ весиг вӧчасны.

– Суӧдан ӧд. Аски дырджык уджалан дай, – бара сылы сӧлӧм сетны видліс мамыс. Сӧсся пуксис да вель дыр чӧла пукаліс. А вель дырыс Кире Катялӧн сӧрнияс костас минут куим-нӧль. Сӧсся зӧв сюся видзӧдны кутис верӧс вылас. Петя Вась нинӧм оз гӧгӧрво. Мыйӧнкӧ бара сійӧ мыжмис али мый? Сӧмын татшӧм кадас гӧтырыс тадзисӧ сы вылӧ дзоргылӧ. Чайтис, мый Кире Катя сылы мыйкӧ лӧкысь шуас, но гӧтырыс ставныслы гӧгӧрвотӧм юӧр висьталӧс: – Сӧсся ӧд абу куш Миш Ӗлелӧн воӧмыс талун вылӧ празьникыс. Нӧшта на мыйкӧ и.

Валялы, Ниналы да Семе Митьлы тайӧ шуӧмыс некыдзи эз пысась. Но Петя Вась босьтчис муртавны, кутшӧм нӧ нӧшта празьник талун, код йы-

лысь Катяыс дӱжньштӱс. И некыдзи юрас эз во. Тайӱ медся на лӱкыс, кор он гӱгӱрво. Друг да Катяыс сы дорӱ шыася, кутшӱм пӱ нӱ празньник, Василей, талун? Мый сӱтчӱ и вочавидзас? А Ниналы бара-й та вӱсна ассыс юр вемсӱ оз ков песны. Сылӱн и татшӱм шуӱмысь сӱблӱмыс бурмӱ:

– Менам отпуск, да бур.

– Школаӱ тай меным оз жӱ ков мунны, – верӱсыс быттӱӱ тайӱ кывъяссӱ и виччысьӱма. Зӱв долыд чужӱмыс лои. Лӱбӱбъяссӱ весиг тӱпкӱдыштӱс. – Гожӱм. Челядӱлӱн каникул и миян, велӱдысьяслӱн, шойчӱг.

Кире Катя ныв гозьяыслӱн сӱрни нырвизьӱ эз мӱд суйсьыны. Сылӱн юрын мукӱд мӱвп на тыр. Видзӱдалӱс, мый нин лои вайӱма туйвыв мортлы пызан вылас, да кинас тапкӱдыштӱс тшайниксӱ. Абу на эськӱ дзикӱдз кӱдзалӱма да. Но позяс нин бара шонтыштны. Тайӱс, дерт, чӱла эз кут вӱчны:

– Кыкысь нин тшайниксӱ пузьӱдлӱ. Век на абу.

Валяыс быттӱӱ сылысь тайӱ ноксьӱмсӱ и виччысьӱма. Пыр жӱ и ассяныс содтӱс:

– Кӱдзалӱс став сӱяныс. Шуис, мый ӱдӱӱ воас да, ме, йӱйыд, водзвыв дасъ-тыси.

Мамыс эськӱ сы вылӱ видзӱдлӱс жӱ, но нинӱм вочасӱ эз шу. Мый нӱ сӱйӱ сӱтшӱмсӱ дасътӱс? Куш кӱӱн воис да. Кире Катя на став сӱянсӱ лӱсӱдӱс. Шуан кӱ нылыслы тайӱс, бара лӱк лоан. Гашкӱ, Валяыс сӱйӱс и виччысьӱ, мед код вылӱ кӱ скӱрлунсӱ песыштны.

– Шонтынытӱ уна кад оз мун, – Петя Вась асывнас эз сӱй да тшыгыялыштӱс нин. Та вӱсна пызан дорас мӱгӱн матыстчылӱс. Нянь шӱрӱм чегыштӱс да вомас суйис. – Гашкӱ, тшыг воас да кӱдзыднас на сӱяс. Сӱнӱ, колӱкӱ, торьясӱ эз и вердлыны. Лысӱм пӱтка кодӱдз омӱльтчис.

Нинаыс чойыслысь песьсӱмсӱ, тыдалӱ, кӱсйис водзӱ на паськӱдыштны. Зӱв аслыспӱлӱс сӱйӱ да. Пыр видзӱдчӱ кывнас кодӱскӱ пысыштны. Со и ӱнӱ шогалысь чойсӱ крукыштӱгмоз шуис:

– Миянлы эськӱ мый да. Валялы сӱӱкыд-а. Виччысьынысӱ, шуа.

– Мый нӱ сӱӱкыдыс? – син еджыднас весиг видзӱдлӱс сы вылӱ Валя. – Оз кӱ лок и мед оз лок. Оз ков вӱлӱ звӱнитӱмӱн юӱртны, мый дас ӱтиын тшук нин воас. Кык час нин со туй вылас кӱйгам. Йӱрмӱма кытчӱкӱ.

– Ветлӱм-мунӱм морт некытчӱ оз йӱрмы, – дорйыны зятьсӱ уськӱдчис Петя Вась.

Семе Митьыс вель дыр мӱвпалӱс, кытчӱджык нин свӱякыс ветлывлӱс, да муртса эз весьӱпӱрт вывтӱ гораа шуӱмнас:

– Кор нӱ Миш ӱлеыс ӱнасӱ ветлӱс? Парижас тай кыдзкӱ надурнӱйӱн ли мый мунӱс-а. Сӱсся торья некытчӱ эз петав. Гашкӱ, Сыктывкарӱ сӱмын.

– Мый нӱ сӱнӱ йӱй моз чарзан? – уськӱдчис физрук вылӱ гӱгырыс. – Су-седъясыс весиг повзисны горӱдӱмсьыд.

Кире Катя сӱмын Валя шӱгӱн и олӱс быттӱӱ. Сӱйӱс тай и пыр видзӱдчӱ пес-туйтны-а:

– Оз ков вӱлӱ, Валюк, та ылнасӱ мунны лӱдзны. Парижтӱг на эськӱ овсис. Ме тай нӱ со ола. Сытӱг, Париж адззывтӱгыс.

– Ме эськӧ ветлі жӧ. Парижас. Сэні пӧ ок гажа, – кокъяссӧ кресталӧмӧн диван помӧ пуксис Нина. Синъясыс ӧзйыны весиг кутісны.

– Йӧймӧдчис тай Сашаыс, кор кыліс, мый кутшӧмкӧ викторина мунӧ, – чойыслӧн шуалӧмсӧ быттьӧ эз и кывлы Валя. Верӧсыслӧн вежон чӧж ветлігӧн унаыс нин шулӧмторсӧ бара босытчис висытавны ӧні. – Тӧдан-ӧ пӧ тэ Париж? Тадзи быттьӧ сійӧ шусис. Лун и вой вочақывъяссӧ корсис. Чайті, йӧйтӧдлӧны, сӧм пычкӧны сӧмын. А ӧд збыльыс сетісны. Медся сюсьӧн лоӧма да.

– Виолетта чой кӧ эз отсав, эз эськӧ вермы да, – свӧяксӧ сюсьӧн шуӧмыс паркис Семе Митьӧс.

Валяыс тайӧс и виччысьӧма. Сы дорӧдз тивкнитіс да быттьӧ китшкыштӧмӧн шуис:

– Вай ланьт нин аслад Виолеттанад.

– Вежӧгтан али мый сы дорӧ? – крукасис Нина.

– Эн сӧр нинӧм абусӧ, – вомаліс чойсӧ Валя. – Саша пыр сы дорӧ котраліс, да скӧрми весиг.

– Код дорӧ нӧ сэсса ветлас, оз кӧ библиотекакар дорӧ? Сійӧ ӧд пыр со лыддысьӧ, уна тӧдӧ, – нывъясыслыс вензӧмсӧ видліс торкны Кире Катя.

Петя Васылы тайӧ шуӧмыс эз кажитчы. Зятьсӧ дорйыны босытчис:

– Ӗлексаныслӧн и аслас юрыс дзуртӧ. Эз кӧ ӧд дзурт, эз вермы.

Валя эз кут айыскӧд та кузя вензыны. Бара шуаліс унаыс нин висыта-лӧмторсӧ:

– Ме медся ӧна скӧрми, кор ӧтнаслы путӧвкасӧ сетісны.

– Бур, мый ӧтнаслы. Кыкылы вылӧ кӧ, то Виолеттакӧд и мунісны. Сійӧ отсасис да, а эн тэ, – серӧктіс Нина.

Кире Катя эськӧ важӧн нин казяліс ыджыдджык нылыслыс вывтіасьны пондӧмсӧ, но ӧніӧдз на нинӧм эз шу. Но тадзи век чӧв овны оз на мӧд. Та вӧсна и Нинаыслы весиг ки чышкӧднас мышкас вартіс:

– Эн вывтіась, Нина. Этштӧ тӧд жӧ.

– Саша эськӧ ӧтнасӧн оз и кӧсйы вӧлі мунны, – чойыслы моз шуаліс Валя, но медсясӧ асьсӧ такӧдӧм артмис. – Но ме мырдысьӧн ысті. Мися, сэтшӧм кӧ нин телепит Парижас веськавны, – ветлы.

– Туйсӧ писькӧдас, да мӧдыс ставным ветлам, – аслысмоз брӧльснитіс Семе Мить. Тайӧ шуӧмнас быттьӧ гӧтырыслы отсӧг вылӧ локтӧмакодъ лои.

Нинаыс со водзӧ тшетшкыны кутіс:

– Кутшӧм на ӧд туй писькӧдас. Гашкӧ...

Водзӧсӧ шуны мамыслӧн ки чышкӧдыс эз лэдз. Бара мыш кузяыс инмыліс небыдик дӧраыс. Такӧд тшӧтш мамыслӧн гӧлӧсыс скӧр лоис:

– Ланьт, мися.

– А ме татчӧ со мый тіяны шуа, – мама-нылалы шӧракостас видліс сюйсыны Петя Вась. – Ойдыс ютӧ он потш. Кӧть мый ті ӧні эн висыталӧй, а мырдысьӧнмоз сылӧн мунӧмыс лоис. Меыс ӧприч ставныд паныд сувтінныд.

– Ме эськӧ эг паныд вӧв да, – нурбыльтіс Семе Мить.

НАЛОН сёрнитигөн Паша да Люба век на отлаын вөліны. Верстьө-яслөн нинөм абусө сөрөмыс эз падмөд найөс. Сөмын недыр ас кезаныс быд ногыс көритісны гырысыясөс бызгөмсьыс. Сэсся вуні налөн тайө. Бара ассыныс сералігтыр кутісны нуөдны. Кытчөдз эз казявны Катя пөч дорө локтысьөс. А өд Катя пөчыс налөн петігөн шуис, медым юөртасны, быттьө кодкө кө налань босьтчас тапиктыны. И нывка да зонка уськөдчисны Катя пөч керкалань. Грыма-йирка котөртісны посводзтіыс да тотшкөдчытөг гурйыв восьтісны керка өдзөссө. Муртса эз весьөпөртны сәні вөлысыяссө.

– Локтө! – горөдіс пыригмозыс Паша.

– Слабог. А то ме нин чайті... – ышловзис кокниа Валя.

– Машинаөн Олексаныс воис? – өшиньлань уськөдчис Кире Катя. – Шысө тай нө эг кывлы.

– Оз өд Александр Михайлович лок, – шуис Люба.

– Коді нө? – синъяссө на вылө чашкөдіс физкультура велөдысьыс.

– Виолеттайд, Дмитрий Семёнович, талань локтө, – вочавидзис юалөм вылас Паша да бергөдчис Кире Катялань. – Ті, Катя пөч, асьныд шуиннныд, мед юөртім, кодкө кө кутас тиянлань локны.

Люба да Паша сэсся водзөсө накөд эз мөдны овны, пыр жө и усйысисны. Бөрас ёна и сералісны асланыс шмонитөм вылас. Керка пытшкө кольысыяс недыр чөв олісны. Сэсся Валялөн броткөдчөмыс лөньлунсө торкис:

– Сійө нө мый татысь корсьө?

Нина некыдзи лөньны оз вермы. Ассыс лөксө песө и песө. Мамыслыс өлөдөмсө оз кывзы. Со тай бара босьтчис:

– Митя, петав да бөр ысты. Чойтө ассыд. Валялы со сійө оз кажитчы. Мед татчө сэсся некор оз лок.

– Эн лысьт! – петны лөсьөдчысь зятсьө сой пөлөдыс кутіс Петя Вась. – Локтысь мортөс ми некор на бөр эг ыстылөй. Мед пырас.

– Сійө өд Олексаныслы зэв ёна отсаліс, – Кире Катя бара Валяөс такөдны пондіс. Кыдзи ачыс чайтіс, сійөс и нылыслы висьталіс: – Со и локтө төдмавны, кыз да мый ветліс.

– Эз кө отсав, бурджык вөлі. Ас помсьыс Сашалөн нинөм эськө эз артмы, – мамсө асывбыд на такөдөмсьыс аттьөбалөм пыдди коса вочавидзис Валя.

Семе Митьлысь Виолетта чойсө дыр виччысьны эз ковмы. Том нылыд тэрыб вөраса да. Котөрөн-сорөн кайис кильчө содсө да тэрыба матыстчис өдзөс дорас. Тані сійө джөмдыштіс быттьө. Кывзысьыштіс, кутшөм сёрни юргө керка пытшкас. Но сэсянь нинөм эз кыв. Тыдалө, чөв олоны. Тотшкөдчис да восьтіс өдзөссө. Медым пыригмозыс чолөмасьны:

– Видза оланнныд!

– Пыр, пыр. Шойччы да шонтысь, – сыланьө матыстчис Петя Вась. Мукөдыс быттьө эз вөвны ёна нимкодьбөсь сылөн локтөмлы. Сідз тай Виолетталы кажитчис-а.

– Водзлань воськовт, Виолетта сватья, – эз жө кут чөв овны Кире Катя. – Важся ямщик моз эн өдзөс тагөс дорас сулав.

– Сашаыс нӧ абу на? – кытшовтіс видзӧдласнас керкаын вӧлысьясӧс Виолетта.

– Он мӧй аддзы? – татшӧм юалӧмсьыс вомаліскодь Валя.

– Тэ нӧ кытысь тӧдан сылысь локтӧмсӧ? – Ниналы лои телепит тӧдмавны нывлысь. – Звӧнитліс али мый тэныд?

– Митя висьталіс, талун пӧ воас. Менам сы дорӧ ӧти мог эм. Со и локті.

– Кутшӧм нин мог тэнад менам верӧс дорӧ? – пинь пырыс век на сёрнитіс сиктса библиотекаркӧд Валя.

– Эм тай, – Виолетта эз гӧгӧрво, мыйысь скӧралӧ сы вылӧ Миш Ӗлелӧн гӧтырыс, да быттӧ дэльӧдігмоз на весиг вочавидзӧма сылӧн лои: – Локтас да аслыс висьтала. Позьӧ пуксьыны?

Кире Катя кутіс нин дӧзмыны и нывъяс вылас, и зятъяс вылас. Асывбыд на со лоӧ на ногӧн овны. Но выльӧн воӧм рӧдня переводсьыс яндысьны ковмас. Ас кежын кӧ вӧліны, эськӧ сямсӧ петкӧдлыштіс. Йӧз дырйи оз позь. Быть бурӧн ов. Сойбордӧдыс босьтіс Виолеттаӧс да ӧшиньдорса лабичӧдзыс нуӧдіс:

– Пуксьы. Сулалӧмӧн ӧд ог мӧдӧй виччысьны. Сійӧ, гашкӧ, шонді лэччытӧдзыс оз лок да.

Виолетта, библиотекар мортыд, куш киӧн некытчӧ оз петав. Со и ӧні небӧгӧн локтіс. Но мода вылас шуис жӧ:

– Ме сы дыра виччысьны ог вермы. Меным библиотекасӧ восьтны колӧ.

Ачыс восьтіс небӧгсӧ да сатшкысис синнас шыпасъясӧ. Быттӧ некытӧн сесся мортыслы лыддысьнысӧ. Татчӧдз та могысь локтӧма. Но ӧлӧдны весиг Нина эз кӧсйы. Мед пукалӧ да зунясьӧ. Налӧн виччысян уджыслы помыс эз на тыдовтчы. Та вӧсна Петя Вась водзӧ босьтчис майшасьны:

– Ылаліс кытчӧкӧ да оз и лок.

– Колӧкӧ, Парижсьыс на эз пет, а ми тані вишкам-виччысям, – майшасяна мӧвп чужис юрас Семе Митьлӧн.

– Тэ нӧшта сәні дзизгы, – пыр жӧ таысь и мыжа лоис Валя водзын школаса физрукыс. – Карсянь нин Саша звӧнитліс да.

– Колӧкӧ, эз ачыс да, – эз кӧсйы сетчыны Семе Мить да весиг серӧктыштіс юрас воӧм мӧвпсьыс. – Парижса анясыд пӧ сәтшӧма мужиктӧ сяммӧны песны, мый нимтӧ весиг вунӧдан.

Тайӧ шуӧмыс дӧзмӧдіс тьӧщасӧ. Со тай кызд сы вылӧ будзгыльтчыліс, но эз скӧрысь ӧлӧд бызгӧмсьыс:

– Эн сӧр, Митрей зять, нинӧм абусӧ. Ыштас Ӗлексан код вылӧ кӧ. Татшӧм мича гӧтыр дорад.

– Эз кӧ гажа юрӧн, – мыйкӧ асьыс мӧвпалӧм бӧрын гораа шусис Петя Васьлӧн.

– Саша менам оз ю. Абу мукӧд кодъ, – вомаліс айсӧ Валя нылыс.

– Да, оз ю, – эз кут вензыны Петя Вась. – А ютӧм мужикыд кодзӧм кань кодъ. Нинӧм сылы оз ков.

– Кутісны сәні ставныс нинӧм абусӧ бызгыны, – дӧзмыны босьтчис Кире Катя. – Вежон на ветлӧдлӧ Ӗлексаныс, а мыйсӧ нин эн большгылӧй. Тайӧ Париж йывсьыс.

Парижсö шуöмысь Виолетта кыпöдлiс небöг вывсьыс видзöдлассö да аслысмоз шуыштiс:

– Париж, Париж!

– Тэ нин лыддысьбöмсьыд виж, – пыр жö и нерыштiс Петя Вась. – Чöвтлы нин тэ тайö небöгсö. Удж вылад мöй эз на дышöд?

– Локтас да, ог и чолöмась, – нимкодя весиг артмис шуöмыс Валялөн.

– Эн сör нинöм абусö, – эз эскы чойыслы Нина.

– Паныд на уськöдчан, – кывкöрталiс быттö Семе Мить.

Виолетталөн шуöмыс, нывъясылөн артасöмыс неуна такöдыштiс Кире Катяöс вывтi дöзмöмысь. Но эз дзикöдз. Нывбабаясыд вермасны дыр терпитны, но мешöкыс кö потас, на шөрö бурджык не веськавны. Кире Катя дöзман гөлöсөн нин броткыны босьтчис:

– Мый нö збыльсь та дыра оз лок? Сибдiс кытчöкö али мый нö?

Эз öд чайт, мый тайö шуöмыс тшöктас Виолеттаöс нинöм абусö брöльснитны. Библиотекар весиг небöгсö лабич вылас пуктылiс юрас катöм мöвпсьыс:

– Гашкö, эз на тасянь звöнит да? А Парижсяньыс на. Вермас öд татшöмыс лоны. Со тайö небöгас гижöмаöсь...

– Тэнад пыр лыддысигад вежöрыд нин гудыртчöма, тыдалö. Мый лыддян, сiйöс и олöмсьыс виччысян, – вензыны сыкöд кутчысис Кире Катя.

– А татчö ме со мый шуа, – чорыд гөлöсөн суйсис Петя Вась. Ставөн видзöдлiсны сы вылö да пондiсны виччысьны, мый нин татчö шуас керкаса кöзяиныс. А сiйö со мый водзöсö висьталiс: – Татчö и шунысö нинöм. Быд сöröм вылад.

– Сыктывкарсянь, шуис, звöнитча да, – Виолетталы вылö моз чöвтiс Валя. – Машинаын пö нин пукала.

– Эз жö öд ылöдлы? – майшасьны уськöдчис и Кире Катя да ачыс аслыс жö и вочавидзис: – Эз ылöдлы. Но та дыратö сёрмигад быдторйыс юрад воас.

– Эн сэтшöма, тьöцца, майшась, – жаль лоис весиг Кире Катяöс Митрей зятъыслы. – Локтас коркö. Гашкö, машинаыс джöмдiс.

Керкаын вöлысьяс кöйсiсны нин кутчысьны сёрниö, кызди да кытөн машинаыс дудiс, но весиг некод эз слöймы вомсö паськöдны. Керка öдзöсыс воссис, да бара мыччысiсны Паша да Люба. Пыригмозыс ва юны корны мöдiсны. Быттö сэсся тайö керкаын кындзи быдлаын нин ваыс бырöма. Но гырысьяс эз пондыны пинясьны челядь вылад. Сетiсны кöшысь васö юны.

– Оз на тыдав? – век жö юалiс Нина.

– Оз, – вочавидзис ассьыс ва юан чередсö виччысьысь Люба.

– Воас кö, висьталам, – вом дорсьыс кöшсö вештiс да кöсйысис Паша. – Ми танi неылын лоам. Дышöдiс ветлöдлынысö да, потшöс дорад и пукалам.

Петя Вась эз весиг видзöдлы керкаö пырысь челядь вылад. Сiйö дзоргис öшиньö да ассьыс мыйкö мурталiс-арталiс. И аслыс вылö моз жö шуыштiс:

– Парижас öд эськö, йöзлысь висьталöмсö шуа, быдторйыс вермас лоны да. Зэв пö сэнi олысьыс аслыспөлöс. Торйөн нин баба рöдыс. Верман и ылавны. Некрытчö ёна петавлытöм морттö вермасны öдйi кöкöдны. Со тай висьтавлiсны, мый коркö...

– Мый нӧ, батьӧ, сӧран? – весиг Нинаыс таысь босътчис дивитны. – Выжывмин али мый нин?

– Мый, батьӧ, джӧмдін? – Петя Васьян локтіс Валяыс. – Мыйкӧ кӧсйин висътавны, да Нина со торкис.

– Василей, мый ланьтін? – шай-паймунӧм гӧлӧс писътис Кире Катялӧн. Нем виччысьтӧг сылы лоис татшӧм шуӧмыс верӧсыслӧн.

Петя Вась каитчис нин эськӧ шуӧмсьыс да. Мый юрад оз мортыдлы волы да? Нинӧмла сӧсся мукӧдыслы висътавны. Но шуӧма тай со лои. Бӧр ӧд он бергӧд. Сӧмын дорйысян удж аслыс вӧчис:

– Гашкӧ, мися, ылаліс сэтчӧ Парижас да. Шуӧны тай, мый сэтчӧс аньясыслӧн мужикъяс вылад синъясыс кодзлалӧны. Вермис и код вылӧ кӧ ыштыны Миш Ӗлеыс. Со тай Виолетта шуис, мый Парижсянныс на звӧнитліс, а эз карсянь.

Виолетталы пеляс сӧмын Париж кывйыс, тыдалӧ, и пысасьлӧ. Мукӧд кывйыс пель боктыс кывтӧны. Со тай бара на синсӧ кылӧдлӧмӧн аслыс шуис:

– Ой, Париж, Париж...

Семе Мить ӧніӧдз на бура эз гӧгӧрво, мыйла ставӧн тадзисӧ майшасьӧны. Сылы кажитчис, тесьтыс збыльсӧ висъталӧ. Зӧв тай ӧдйӧ сы дор сувтис:

– Вермас жӧ лоны. Тӧ, тесьт, тшук збыльсӧ висъталан.

– Эн вай лӧсьӧдлӧй. Нина, тӧ мый татчӧ шуан? Сӧрӧны ӧд? – бара бӧрдан гӧлӧс писътны босътчис Валялӧн. Чойыслысь вочавидзӧмсӧ весиг эз кут виччысьны да усъкӧдчис век на ӧдзӧс дорын сулалысь Паша да Люба вылӧ. – Мый нӧ тані кывзысянныд?

Челядлы мӧдысь шуӧм эз ковмы. Пыр жӧ и усйысисны керка пытшсьыс. Ылӧ эз пышйыны. Потшӧс бокас пуксисны. Ас вӧчӧм лабич вылӧ.

– Васьӧ, мый нинӧм абусӧ сӧран? – верӧс вылас усъкӧдчис Кире Катя.

– Сӧра, сӧра, – эз пыксы Петя Вась, но чӧв олыштӧм бӧрын век жӧ бара видліс подулавны ассьыс мӧвпсӧ. – Кӧть эськӧ... Со тай Мирон Ӗньӧ йылысь коркӧ висътавлісны...

– Кутшӧм Мирон Ӗньӧ? – повзьӧм чужӧмӧн бательаныс сетчис Валя.

Кире Катялы окота лои вувзысьны верӧс вылас нинӧм абу сӧрни панӧмсьыс. Но кызкӧ тай век на кутчысис. Бара ковмис Валяыслы лабутнӧя висътавны:

– Тӧ сійӧс он тӧд. Ме на ичӧт вӧлі – кувсьыліс. Василей, мый нӧ Мирон Ӗне йывсьыс висътавлісны?

– Нинӧм, Катя, дзик нинӧм, – сӧмын ӧні дзикӧдз гӧгӧрвоис ассьыс вывтӧасьӧмсӧ Петя Вась. – Сідз тай юрӧ воис.

– Босътчин кӧ – висътав, – топӧдіс батьсӧ Нинаыс.

– Висътав, тесьт, эн пов. Ме ӧд тані. Доръя, – китшнитіс-серӧктіс гӧтыр дорыс пыр жӧ сувтысь Семе Мить.

Петя Вась кывсӧ быттӧ нылыштис. Кӧсьяс эськӧ вомсӧ востыны да гӧтырыслысь ёсь видзӧдлассӧ аддзӧм бӧрын зӧв ӧдйӧ парьяссӧ топӧдас. Век со лоӧ кодыськӧ пыр повны. Но сӧмын на Кире Катя вешйыштис на дорысь, пинь пырыс моз брӧльснитіс юрас пӧжсьӧм нин шуанторсӧ:

– Сійо ёна важон салдатавны ветліс да сэтысь гётырсё вайліс. Тані од сылөн вёлі жё нин. Гётырыс, шуа.

Катяыс сюсь пеля вёлёма. Кывлёма на тай шуёмсё. Зэв одйё тивкнитіс верёс дорас. Тыдалё, мед водзё нинём абусё оз висьтав. Но ассияныс содтіс со мый:

– Миш Олеыс од эз тай Парижас салдатавны мун.

Семе Мить тьощаыслысь русё бура нин тёдё. Он кё сы ногон сёрнит, пыр жё и тэ вылад каттысьны кутас. Та вёсна одйё и Кире Катя дор лоис:

– Олексаыс абу сэтшём. Оз ылав мёд вылад.

Валялысь тайё сёрниыс сёлёмсё кырлаліс. Сідз нин войяссё оз узь. Вежогтё верёссё францияса аныяс дорас. Гортас отнасён олігён мыйсё нин эз мөвпав. Весиг вётас Сашаыс уськөдчыліс. Быттьё кузь кока нывьяс пөвстын гартчө. Гётыр вылас синсё эз весиг чөвтлы. Валя садьмис да, вир-яйыс быттьё көдзалёма, ки-коксё вель дыр вөрзёодны эз сяммы. Асылөдзыс сэс-ся эз вермы унмовсьны. Пыр водзё паськөдіс вётас усьём серпассё. Быдсяма ногыс верёссё адзыліс мөвпьясас. Нёшта тані со кутісны больгыны нинём абусё. Та вёсна и зэв скөра шуёмыс артмис:

– Вай ланьтөй нин.

Петя Вась казяліс нылыслысь кельдөдөм чужөмсё да ставныслы удж ад-дзис:

– Вай петалам ывла вылас да сэні виччысям.

Мукөдыс эз пыксыны. Весиг Кире Катя паньд эз ло. Отчукөрөн босьтчисны петавны кильчө вылас. Но Петя Вась петігмозыс шуыштіс на:

– Сідз эськө и вёлёма да. Важ йөзлысь кывсё да олөмсё он вуштышт.

– Мыйла нө тэ, Саша, Парижас и мунін? Майшасьөмыс узьны ни овны оз лэдз. Сөмын тэ йылысь и мөвпала. Кызди тэ сэні, Парижас? Колөкө, мыйсё сэні эн вөч? – отнасён кольөм бөрын бөрдансорөн аскөдыс сёрнитіс Валя. – Збыль кө нө менам вөтьясын моз сэні олін?

Валя весиг повзис тайё шуёмсьыс. Мед эськө некод оз кывлы. Матыстчыліс өшинь дорё. Ывлаө петысьяс кильчө вылас тапикасисны. Стрөнөг песісны. Батыс сирөд мыр кодь на. Со тай кутшөм кокниа вештыштіс керка водзё сувтөдөм сьөкыд лабичсё. Семе Мить зятыс эськө ырыштчыліс жө отсыштны, но нёжмыд мортыд эз весиг слөймы матыстчынысё, кызди Петя Васьлөн лабичыс качліс мусьыс да пуксис коланаинё. Мамаыс да чойыс мыйкө ас костаныс варовитөны. Нина кинас өвтыштавлө. Тыдалё, мамыскөд вензё. Виолетта отдортөм морт моз сулалө бокинджык. Видзөдліс на вылө Валя да гөгөрвоис, мый сылөн шуёмыс ывлаөдз эз воөдчы.

(Водзё лоё на).

Литературо- видение

Даниил ТЕСТОВ

Даниил Фарукович Тестов родился в Сыктывкаре в 1997 году. Больше десяти лет проучился в художественной школе и благодаря ежегодным пленэрам посетил многие города Русского Севера. В 2015 году поступил в Литературный институт им. А. М. Горького на семинар поэзии Галины Ивановны Седых. Публиковался в журналах «Москва», «Юность» и «Плавающий мост», а также в альманахах «Муза», «Переключка» и «Белый бор».

«Сущность ЭПОХИ»

Игоря Вавилова

*Шёл Егорушка, травы собирал,
Брал хорошие, плохие не брал...*

Сыктывкарский поэт и журналист Игорь Вавилов умер в 2011 году. А совсем недавно, этим летом, вышла вторая посмертная книга его произведений – «Сущность эпохи». В ней собраны не только стихи, но и короткие рассказы, интервью, эссе, корреспондентские заметки о поездке в Чечню, а также отрывки из статей, написанных об Игоре после его смерти. Писали действительно много, в основном друзья и знакомые: Игорь был хорошим человеком (правильным), он всегда был честен (прежде всего перед собой). Но для того, чтобы стать настоящим писателем, этих качеств как будто недостаточно (без них тоже не получится, но это ведь не всё). Почему-то кажется, что об Игоре не договорили, не услышали в его словах нечто важное, – он и правда сказал гораздо больше, чем произнёс, – так умеют только поэты.

Кустарь одиночка
Трудился всю ночь,
Глаз не сомкнул,
Изготовил стул,
С вычурной спинкой,
С ножками гнутыми,
Смёл все соринки
Под самое утро,
Встал на него
И просветлел,
Голову в петлю
И... улетел.

Я не знал Игоря, никогда его не видел – наверно, теперь так и будет: друзей, которые помнят его как человека, с каждым годом всё меньше. Именно поэтому мне хочется показать, как выглядит Игорь-писатель, что можно услышать в его стихах и, главное, почему эти стихи до сих пор кажутся «важными» и «настоящими». Игорь Вавилов стал для меня откровением, я не думал, что в Республике есть такая поэзия – по-хорошему современная. Мне бы очень хотелось сказать, что и Коми земля вырастила своего современного автора, но, пожалуй, это не совсем так: Игорь Вавилов был скорее русским поэтом, чем региональным, и на самом деле для Республики это большая редкость, потому что подобное самоопределение зависит не от авторского желания, а от широты взгляда на культуру.

Игорь был поэтом Московской школы – он закончил Литературный институт (как и некоторые его сыктывкарские друзья), учился у Юрия Кузнецова, застал Юрия Левитанского... – унаследовал мощную поэтическую традицию. Кроме того, он был очень образованным человеком. В рассказе «Параллели», например, он соотносит писателей (как русских, так и зарубежных) с современными музыкантами: Батюшкова с Чаком Бери, Горького с Бобом Диланом, Достоевского с группой «Крематорий», Булгакова с группой «Зоопарк» и т. д. Иногда эти сравнения выглядят забавно (или даже кажутся поверхностными), но, если присмотреться, есть в этом какая-то своя правда, манера высказывания действительно как будто общая: «земные дороги ведут не в Рим», «маленькая девочка со взглядом волчицы», «любили ловить ветра и разбрасывать камни» – слышится в этом что-то Достоевское. Помимо обязательных авторов (знакомых каждому), таких как Пушкин, Гоголь, Гомер и Булгаков, в рассказе упоминаются Сэлинджер, Гаршин, Кортасар, Джойс, Хемингуэй, Фаулз, Павич, Гамсун, Маркес, Аввакум, Сервантес, Гессе, Заболоцкий, Хармс, Вийон, Розанов, Рабле, Эко... Игорь не просто прочитал этих авторов, он их почувствовал, по-своему понял, обдумал – раз уж отважился сравнить с музыкальными исполнителями (которых, к слову, обдумал не меньше). Такой обширный опыт в области литературы и в области музыки позволил ему испытывать переживания на уровне не то что русской, а всей мировой культуры.

Дрыхла лошадь после боя
Без обеих задних ног
Вечным сном.
Через горы лет к скелету
Подошёл Олег пытливый,
Следопыт-юннат.
Альпенштоком ткнул ей в челюсть,
Раздробил худые рёбра,
Святотат.
Не на шутку разошёлся,
Танец живота исполнил
На костях.

А на поле боя – мины
Потихонечку ржавеют
В дождь и в снег...
Так и принял от кобылы
Смерть, достойную юнната,
Следопыт Олег.

На вопрос, о чём стихи Игоря Вавилова, ответить легко – о порядке. Любый поэт так или иначе пишет о порядке (причём об одном и том же порядке), просто для каждого он проявляется по-своему. Игорь очень остро ощущал смену времён года («сезонов», как он сам их называл).

За сенокосом – глядишь, и осень.
Черна равнина – гуляй, рванина,
Лесные стрельбы по всем усадьбам,
Вино с весельем на редких свадьбах.
Мир остывает и смотрит долу.
На юг все птицы, а дети – в школу.

У каждого сезона свой порядок, свой набор жестов – и всему своё время. Наверно, поэтому Игоря так напугала Индия (её климат и плодородная земля) – в цикле «Индиомы» он сделал по сути стихотворный пересказ (почти корреспондентскую заметку), но произнести что-то внятное в поэтическом плане не сумел – в Индии нет поэзии, нет привычной смены сезонов («ни снега, ни дождя») – нет порядка. Игорь воспринимал мир циклично, по-земледельчески – как чередование времён года, чередование «свадеб» и «похорон». Люди женятся, люди умирают – а значит, всё так, как должно быть. Его взгляд на природу, наверно, можно назвать ритуальным или даже языческим, но, в отличие от многих молодых поэтов, Игорь в язычество не играет, он скорее ощущает его как необходимость.

«Зарни» – золото по-коми,
«Ань» – по-коми значит баба.
До крестителя Стефана
Коми поклонялись Солнцу...

Если посмотреть на композицию всего стихотворения, станет понятно, что «солнце», «лес» и «воду» Игорь противопоставляет «крещению». Но это не торжество языческой веры, «просто кажется, что коми очень сильно изменились с той поры, как их крестили» – поклонение природе и вера в христианского бога разошлись, хотя не должны были, потому что на самом деле они об одном и том же – Игорь так сказал, это его авторская правда. В более поздних произведениях он откажется от прямых высказываний, и «правда» превратится в ощущение, в отголосок. Отчасти поэтому стихи Игоря о Боге не

выглядят как проповедь или нравоучение – притом, что это именно христианский «Бог», а не поэтический. Игорь каждый раз уменьшает его, присваивает, окружает очень конкретными деталями – он как бы лишает «Бога» эпического начала в своём высказывании, но не в читательском восприятии (то есть он-то говорит о своём, о конкретном Боге, о Боге здесь и сейчас – а читатель воспринимает это как слова о Боге вообще, но уже без раздражения).

Пятка – носок, пятка – носок.
Фуэте, поддержка, мягкий соскок,
Руки за голову, корпус пряменько,
Глаза чуть прикрыты, щёки румяненко.
Кротость, томление, грация, пластика –
Всё не от мира, все безучастны...
Даже к тому, что учитель строг,
Даже к тому, что колет в бок,
Даже к тому, что где-то есть Бог.
Пятка – носок, пятка – носок.

Для поэтики Игоря Вавилова в этом стихотворении, пожалуй, важнее всего то, что «Богу» противопоставлены «безучастие» и «отрешённость» людей в танцевальном классе, – то есть «Бог» Игоря как раз таки «от мира», он имеет образное воплощение, он в чём-то проявляется. Даже в земледельческом (в циклическом) взгляде Игоря на природу «Бог» занимает очень конкретное место – он «зима» – и чем дальше, тем эта «божественная зима» кажется неизбежнее. В ранних стихах Игорь её не ощущает («и так далёк зимы приход») – он знает, что она будет, но, как на неё смотреть, пока непонятно. Со временем ощущение появляется, обретает привкус: «чувствуешь зиму в медовых и яблочных спасах» – и не только потому, что заканчивается лето, а потому что праздники религиозные, «зимние». В последних стихах Игорь как будто бы ждёт прихода холодов – чтобы «вьюга пела вечные гимны про Духа, Отца и Сына», «про то, что я буду всегда». Как будто именно здесь он готов отпустить свой «языческий», земледельческий взгляд на мир. Как будто в молодости легко верить в природный порядок (в то, что одни рождаются, другие умирают, и так и должно быть), но, повидав какую-то часть жизни, приблизившись к концу, всё-таки хочется протянуть руку к обещанной «вечности», и это по-настоящему страшно – а вдруг не хватит веры? «Авторская правда» Игоря (рациональная правда) и то, что он почувствовал много лет спустя, не совпали: оказалось, что ближе к концу христианская религия и старая вера коми в природу совсем не об одном и том же.

Снег – канава,
Следы – крестики,
Или слова,
Вразной, вместе,

Петляющим зайцем,
По законам инстинктов,
С полноводья к старицам,
С полношерстия к линькам,
Но канава мала
И даётся на раз,
След остыл, ослаб,
Видно, крестик не спас.

Рядом с ощущением цикличности (ощущением смены сезонов) в поэтике Игоря постоянно находится один из самых важных для него образов – образ «тишины». И это ни в коем случае не отсутствие звука – «тишина» имеет воплощение, иногда вполне осязаемое: «тишина стихает», «звуки тишины становятся дождём» – всё это не просто поэтическое украшательство. «Тишина» – это порядок (то, каким его видит Игорь). Она вобрала в себя всё, что для мира является привычным, правильным. Даже «музыка межсезонья» – музыка непонятного для земледельца времени года, музыка воды, вышедшей из берегов, – она всё равно «тиха», всё равно «свадебна и похоронна» («река затопит берега... и станет полной и неслышной, как жизни ход») – мир такой, каким должен быть. Игорь очень чётко разграничивает повседневные (правильные) звуки и те звуки, которых быть как бы не должно: «лай собак и гам мальчишек» – это бытовой шум (звук города, звук жизни), но «дети плачут, псины лают» – это уже нарушение «тишины», потому что «дети» просто так не «плачут» и «псины» просто так не «лают» («собаки» лают, «псины» – нет). Враждебным звукам Игорь даёт стилистическую окраску. Для него «тишина» – это как бы «бездействие мира».

В чёрном небе корабли
Среди звёзд мерцали,
Над окружностью земли
Молча проплывали.
От медведицы к Весам
Шёл под утро,
Шёл и думал сам на сам
Поздний путник:
«В навалившейся тиши
По примете,
Мент, родиться не спеши
На планете».

Когда поэт совершает самоубийство или просто умирает относительно молодым, появляется большой соблазн отыскать причину или хотя бы предчувствие смерти в его стихах. К концу книги Игорь всё больше говорит о пустом и бессмысленном быте («поучаствуешь в хоре», «пару детей заведёшь

прикольных»), а потом признаётся, что «стал неискренен», – а в первом же рассказе «Ирландские танцы» можно найти строчку: «Главное ведь что? Самому себе не врать». Такой вариант предлагают читателю составители. «Сущность эпохи» – это их взгляд на Игоря (он выражается в том, какие произведения выбраны и в каком порядке они располагаются). Какая-то своя часть правды в такой интерпретации есть, но сформировавшийся поэт никогда не станет просто так писать стихи о бессмысленном быте или стихи о том, что сейчас не пишется, осознавая свою «неискренность», – и каких-либо событий (или наоборот – не-событий) в жизни для такого разворота явно недостаточно (система поэтических образов, сложившаяся в течение многих лет, просто не даст уйти настолько далеко) – должно произойти серьёзное нарушение внутри самой поэтики. Мне показалось, что дело опять-таки в «тишине»: когда Игорю пришлось отказаться от своего «земледельческого взгляда» в пользу христианской вечности, «тишина» перестала быть воплощением земного порядка – она соединилась с «зимой» (с божественным). «Я отойду в тишину» – вот оно, чувство, с которым Игорь приближается к концу книги. Когда «порядок» оказывается не на земле, а на небе, больше не кажется, что мир такой, каким должен быть, – то, что раньше воспринималось как проявление жизни (как цикличность мира), начинает восприниматься как рутина, как быт (однообразный и бесполезный). И возможный финал здесь только один.

С воскресенья на понедельник
в нарды играл и проиграл,
С понедельника на вторник
чуть-чуть недоспал,
Со вторника на среду
творил труды,
Со среды на четверг
не было воды,
С четверга на пятницу
читал книжку,
С пятницы на субботу
выпил лишку,
С субботы на воскресенье
думал о тебе,
С воскресения на понедельник
смотрел «Бег»,
В понедельник с утра
как обычно был строгим,
А после обеда
встретился с Богом.

Всё не было настолько окончательно, этот кризис поэтики скорее всего был временным (как и все остальные): рано или поздно написались бы но-

вые стихи, в которых воплощён новый порядок, образная система в очередной раз усложнилась бы (стала более развитой) – стоило только подождать. Но похоже, что Игорь не мог, не умел не писать, – как будто, если он долго не пишет, ему начинало казаться, что больше он не поэт. Это сильный страх, его можно разглядеть в многочисленных маленьких стихотворениях, разбросанных по всей книге. В основном они откровенно неудачные (не думаю, что Игорь вообще хотел, чтобы их публиковали), но есть среди них и очень хорошие (обаятельные и тяжёлые).

Котёнок молоко лакает.
Котёнок и смешон, и мил.
Прихлопнул мошку – мир переменял
И не заметил. Так бывает.

Конечно, если продолжать писать стихи, ощущая, что в поэтике дефект, но не имея возможности его исправить, рано или поздно уличишь себя в «неискренности». Игорю было тесно в Республике, он скучал по путешествиям, по весёлым временам с группой «Герда», по разговорам в общежитии Литературного института (о которых написал в рассказе «Тургенев»). Прозвучит забавно, но Игорь Вавилов как будто действительно был писателем – я имею в виду «писателем прежде всего». Он так и не нашёл покоя в семье, как мне показалось: да, есть отдельные стихи, посвящённые родным, но, если посмотреть на поэтику в целом, места для любимой женщины, для детей, для матери в ней словно бы и нет. Игоря интересовали более глобальные вопросы.

Пошумит и пройдёт –
Это что до дождя.
Погрешит и помрёт –
Это что до меня.

Разумеется, всё, что я сказал, – это интерпретация. Я не знал Игоря, но прочитал одну книгу его произведений. В этой книге, кстати, в интервью с Геннадием Юшковым есть момент, где Игорь задаёт вопрос: «Герои чьих авторов вам наиболее близки?» – и меня поражает правильность этого вопроса – не «какие авторы?», а «герои чьих авторов?». Игорь прекрасно понимал, что мы ничего не знаем об авторе, никогда не можем сказать, каким он был человеком на самом деле, потому что «чужая душа – потёмки», но мы можем рассуждать о его персонажах, можем судить об образе автора в том или ином произведении (их мы понимаем).

Я не говорю, что все стихи Игоря Вавилова великолепно написаны, иногда они очень сильно отличаются по качеству. Но Игорь смог создать свою образную мифологию – логику, которой вынужден подчиняться каждый образ в каждом стихотворении, – именно эта логика и даёт мне (да и любому читателю) возможность интерпретации (что является признаком настоящей поэ-

зии). Игорь очень редко использует лирическое «я», стихов от первого лица у него не так уж и много – в основном это истории, часто повествовательные или даже сюжетные. То есть его стихи при желании можно пересказать, только это ничего не даст – поэзия Игоря оседает на кончиках пальцев, фразы, которые он выстраивает, хочется взять в руку, они имеют объём: «в небо, где звёзды и птицы», «без обеих задних ног», «вечер короткий, и город – такой же», «до слёз влюблённый дурачина в непоправимость бытия». Если ранние стихи Игоря ещё можно цитировать фрагментами (и они сохраняют целостность), то из более поздних не получится забрать ни слова – в них нет прямых высказываний, есть только хрупкие ощущения. Даже в документальной статье про Чеченскую кампанию Игорь не заявляет о чувствах людей напрямую, он изображает: вместо того чтобы произнести слово «страх» (страх русских военных), он описывает ритуал, по которому отслужившие солдаты во время отъезда крепили к багажнику машины веник, чтобы тот как бы замёл их следы и разорвал всякую связь с «этим проклятым местом».

Многие молодые (да и не только) авторы часто путают «поэзию» с «художественностью» или «афористичностью». Игорь Вавилов – это пример того, как надо писать. Он однозначно создаёт поэзию – возможно, не столько по качеству исполнения, сколько по сути (и всё равно: двадцать стихотворений из пятидесяти у него великолепны). Он создаёт мощнейшую прозу (рассказ «На посёлках», например). Его стоит издавать (сделать маленькую хорошую выборку, проиллюстрировать и издать), о нём стоит говорить. Игорь хоть и был скорее русским поэтом, чем региональным, но его образность очень крепко сцеплена с Республикой. Из диалога молодых авторов с такими поэтами, как Игорь Вавилов, часто возникают региональные поэтические школы – образная мифология, придуманная одним человеком, подхватывается другими: обдумывается, развивается, оспаривается – так и происходит «литературный процесс».

Павел ЛИМЕРОВ

Павел Фёдорович Лимеров, главный редактор журнала «Арт-Лад», член СП России, ведущий научный сотрудник сектора фольклора ИЯЛИ КНЦ УрО РАН, кандидат филологических наук. Область научных интересов: фольклористика, этнография, мифология, религиоведение, история литературы. Автор более 200 научных публикаций, в том числе девяти книг.

Фальшивые БУСЫ

(Литературно-критическое эссе)

Можно ли научить писать стихи среднестатистического жителя нашей планеты? Ещё в чудесном XIX веке поэт считался фигурой сакральной, пророком, и, как утверждал А. С. Пушкин, ему являлся шестикрылый серафим, когда он влачился в пустыне. Простой народ, никогда не видевший серафимов, воспринимал глаголы поэта настороженно, в его пророчества не верил. В этом и кроется суть конфликта поэта и толпы, отмеченная ещё дореволюционными литературными критиками. Всё верно: толпа и не могла верить поэту, поскольку в его время она была чуть ли не на 90 % неграмотна. Но уже в начале XX века уровень грамотности был иной, и в 1918 году поэт Николай Гумилёв читал в Петрограде лекции о поэзии представителям победившего пролетариата и даже пытался научить их писать стихи. Неизвестно, насколько успешной оказалась эта попытка, однако, возможно, кто-то из его учеников пополнил ряды пролетарских поэтов, коль вскоре пришло их время.

В 60-е годы XX века в знаменитом тогдашнем споре «физиков» и «лириков» нетривиально решался вопрос о том, что в недалёком будущем победит кибернетический разум и поэзия счётных машин вытеснит Союз писателей. И вот наступили то самое недалёкое будущее и век компьютеров, но мы пока ещё не слышали о хорошей компьютерной поэзии. Зато литературное творчество стало массовым, и Союз писателей почувствовал себя крайне неудобно. Число пишущих увеличилось настолько, что, кажется, извечная дилемма «толпа и поэт» перевернулась: стихи пишет толпа,

а малочисленные поэты удивлённо на это смотрят. Конечно, я немного утрирую ситуацию, но мне как редактору журнала приходится считаться с писательством, как явлением именно массовым. Желание опубликоваться во что бы то ни стало зачастую превышает желание чтения того же журнала, в котором автор предполагает издать плод своего творчества. Не мной замечено, что Россия из самой читающей страны постепенно превращается в самую пишущую.

Впрочем, почему бы и не писать, если есть некая мера таланта, а перед внутренним взором – знакомые со школьной скамьи литературные образцы? Однако эта мера у всех разная. Кто-то всю жизнь пишет стихи или прозу, но его творческие усилия имеют успех только в пределах круга близких друзей и родственников, а кто-то ледоколом пробивается в известные журналы и даже в крупные издательства. Как это происходит? Кто выносит приговор одним и зажигает зелёный свет другим? Опять же – редакторы журналов и издательств. И, коль скоро автор решает вступить в писательское сообщество, – Союз писателей.

На встречах с читателями мне часто задают вопрос: по каким критериям подбираются произведения в журнал? А критерий может быть только один – личный литературный уровень. Совсем необязательно, чтобы это был уровень Льва Николаевича или Александра Сергеевича, лишь бы автор владел литературным языком, избегал художественных штампов и, вообще, просто не тупил. Конечно, даже если автор принят к публикации в журнале, это не значит, что он принят и в Союз писателей. Но более важно другое: его творческие усилия получают экспертную оценку, и он может рассчитывать на успех в писательском деле. Так оно и было с самого зарождения журнального дела в России. Хотя, что и говорить, писательский путь тернист, и большинство пишущих сходит с него уже после первой публикации, так и не набив профессиональных литературных мозолей. Поэтому тех, кто остался на писательском поприще, – не так уж и много.

Однако можно прослыть писателем и минуя экспертную оценку. В век компьютеров и интернета сделать это очень просто. Можно опубликовать свои произведения на каком-нибудь сайте вроде «Стихи.ру», можно сделать компьютерную распечатку на радость поклонникам, а можно и издать книгу, если найти на это средства. Как правило, никакими художественными достоинствами такая книга не обладает, но автор по факту включается в состав писателей – во всяком случае ближайшим окружением. И если его аура гениальности осенит только ближний круг, то ничего скверного в этом нет. Но таким авторам свойственно крайне завышенное представление о своём творчестве. Они атакуют библиотеки, проводят презентации своих книг, встречаются с читателями, навязывая им свой невысокий литературный уровень. Печально, что им верят. Это в советские годы они назывались графоманами, теперь они – самодеятельные писатели.

Я был свидетелем того, как на одном из праздников Коми книги в Удорском районе лидер «самодеятельных» авторов Светлана Говорухина, представляя сборник местных поэтов, на чём свет громила Союз писателей. В её пламенной речи СП выглядел скопищем невежд, не понимающих истинной поэзии авторов-любителей, и публика ей аплодировала. Сборник «Эзсысь ёльяс» (Се-

ребряные ручки), ею представленный, надо заметить, крайне неоднозначный. Составленный по принципу «всем сёстрам по серьгам», он включает произведения как известных авторов, так и авторов-любителей, в числе которых сама Говорухина. Её стихи из этого сборника уже обсуждались в интернет-сообществе, поэтому говорить о них нет смысла. Отмечу лишь, что стихотворение о зиме, с абсолютно неожиданной и сложной интерпретацией этого хрестоматийного образа, меня просто потрясло:

Эськõ воис төвлõн пом,	Хотя и наступил зиме конец,
Но эз на пõдлась сьлõн вом...	Но не закрылся пока ещё её рот (пасть)...

Надо думать, этот рот был открыт минимум несколько месяцев, так что сразу закрыть его зиме очень трудно. Но лирическая героиня негодует и требует его закрыть: «Уйди, зима! Я жду весну!» – вот смысл всего этого опуса. Поэтесса надеется, что весна всё же придёт и напоит её и всю природу талой водой. Ничего другого в этой жизни ей не нужно.

Как редактор, я никогда не напечатал бы в журнале «Арт» стихи Говорухиной и не стал бы издавать их целыми книгами – будь я издатель. И ещё я глубоко убеждён, что подобные публикации просто вредны: в умах неискущённых читателей они становятся эталоном литературного качества, подменяя собой настоящую поэзию. А это уже больше похоже на жульничество, чем на приобщение к искусству слова. Представьте, вы пришли в магазин купить кольцо с бриллиантом, а вам предлагают пару стоптанных ботинок. Нет сомнения, что вы сходу найдёте тысячу различий между тем и этим, и от башмаков, как минимум, откажетесь. Но безыскусная поэзия графоманов – это те же стоптанные ботинки, только читатель не видит различий между ними и алмазом. Он всматривается в башмаки, полагая, что приобрёл чудо, а в это время лукавый продавец посмеивается себе в усы. А может, и не в усы – неважно.

Отделить зёрна от плевел могла бы литературная критика, если бы она существовала в республике. Но её нет. А читатель становится всё более неискущённым, поскольку нынешний бакалавриат в вузах свёл литературное образование к минимуму. В этой ситуации, кстати, было бы нелишним предварительное рецензирование литературных изданий тем же Союзом писателей, коль скоро он у нас есть. Однако издателю зачастую наплевать на содержание книги, если имеются деньги. Вот и издательство «Анбур», ничтоже сумняшеся, в 2019 году подарило миру книгу стихов С. Говорухиной «Дона сикõтш» (Дорогие бусы).

Благодетелем поэта-любителя выступил «Благотворительный фонд имени Н. Т. Семенюка», спонсировавший издание. Можно было бы ожидать большего от дизайна книги, но он оставляет желать лучшего. Красный цвет, шрифты и рисунок обложки не сочетаются друг с другом, при этом дешёвые стеклянные бусы рисунка спорят с эпитетом «дорогие» – в названии книги. Само название, видимо, символизирует дорогие сердцу автора стихи: каждая бусина – отдельное стихотворение, а всё ожерелье – образ всего поэтического дара Светланы Говорухиной. Не знаю, намеренно ли издатель проиллюстрировал кни-

гу фальшивым украшением, но суть творчества Говорухиной отражена верно.

Первые бусины творческого ожерелья поэтессы посвящены милой её сердцу Удоре. Эта тема здесь не случайна. Об Удоре писали и А. Ванеев, и Ю. Васютов, и Г. Бутырева. И С. Говорухиной, как равной среди них, – надо внести свою лепту в удорскую тему.

Удора, сѡвмы тэ, Удора, Вашка да Мозын ю вомѡн, Верман на ошйысьны мыгѡрнад, Авъя да мича ныв-зонмѡн. Бурджыка зэлѡдлы сѡнъястѡ, Кужѡмѡн разь топыд гѡрѡдъяс, Лѡсьыда нюжѡд тэ туйястѡ, Тэчав бур олѡмѡ зорѡдъяс. Ѳд казтывны кутам кѡ важсѡ, Овны да вывны век вѡлі вын. Тэ бергѡдлін уджсѡ дай гажсѡ, Сідзкѡ водзланѡ повтѡма сын.	Удора, крепни ты, Удора, Через Вашку и реку Мезень, Можешь ещё похвастаться статью, Толковой и красивой молодёжью. Получше напряги свои жилы, Умело развяжи тугие узлы, Красиво протяни ты дороги, Поставь в лучшую жизнь стога. Ведь если будем вспоминать прошлое, Жить да поживать всегда были силы. Ты крутила работу и веселье, Так что вперѡд бесстрашно гребн.
---	--

Я намеренно привѡл произведение полностью, поскольку оно открывает сборник и, по мысли автора, является программным. Это блестящее, как консервная банка, стихотворение являет собой образец детской наивности и пророческого задора, того самого, чтобы «глаголом жечь сердца». Говорухина обращается к Удоре и призывает её «крепнуть», развиваться. Понятно, что мысль эта пришла в произведение из советского прошлого, из победного шествия удорского народа к коммунизму. Но сегодня, на фоне угасающих удорских деревень, этот призыв звучит как-то странно, если не цинично. Нельзя же родственникам повешенного всё время намекать на верѡвку. Однако Говорухина не унимается, она требует, чтобы Удора напрягла жилы и развязала тугие узлы, «красиво» протянула дороги, поставила стога в лучшую жизнь. Более безумная картина возможна разве что в снах Льюиса Кэролла. Читатель может вообразить, как Удора в образе Алисы в Зазеркалье, напрягая жилы, распутывает узлы, которые навязал ей кролик. Но как понять, почему в лучшую жизнь можно попасть только через стог сена? Кто косит траву в полночь, тот попадѡт в рай? Что мы курим? А тут ещё этот призыв «протянуть» дороги. Может ли Удора это сделать? Вопрос из области метафизики. Так же можно спросить: существует ли мир духов? Если да, то надо призвать шаманов, пусть они эти дороги наколдуют. Тем более, глагол *нюжѡдны* «протянуть» упорно сочетается со словом *кокъяс* «ноги». Заключительная строка стихотворения «*Так что вперѡд бесстрашно гребн*» – тоже непроста и вызывает ряд ассоциаций. Очевидно, Удора пригрезилась Говорухиной в образе большой деревянной лодки, и поэтесса командует ей бесстрашно грести. Возможно, в этом образе реализована детская мечта Говорухиной стать моряком, непонятно только – чем Удоре грести, если в верхних строчках ничего не говорится о вѡслах?

Если читатель сомневается в адекватности моего перевода, предлагаю вооружиться словарями и перевести стихотворение самостоятельно. Слово «сынны» можно ещё перевести как «гнуть», вроде – «вперёд бесстрашно гни». Поэтический язык Говорухиной полон таких сложных образов и аллюзий, что сообразить, о чём идёт речь, под силу разве что самой Говорухиной. К примеру, как истолковать первую фразу стихотворения?

Удора, сѡвмы тэ, Удора,	Удора, крепни ты, Удора,
Вашка да Мозын ю вомѡн...	Через Вашку и Мезень реку...

С первой строкой вроде всё ясно – это риторическое пожелание, но оно обретает новые смыслы в сочетании с образами второй строки. Вашка и Мезень – две основные реки Удорского района, однако в поэтическом мире Говорухиной – это одна большая река, поэтому кратко называется словом ю «река» – в единственном числе: *Вашка до Мозын ю* «Вашка и Мезень река». Слово *вомѡн*, имеющее значения «через», «поперёк», завершает строительство сложной метафоры *крепни через Вашку-Мезень*, и нам становится понятен творческий замысел Светланы Говорухиной: показать Удору в образе моста, соединяющего берега одной реки Вашки-Мезени. Пожалуй, ни одному писателю ещё не удавалось создать такие сильные и сложные сюрреалистические образы. Рядом с ними известный образ из стихотворения Альберта Ванеева *Удора, Удора, кык мича ю дорын* «Удора, Удора, возле двух прекрасных рек» – просто детский лепет. Он ведь строит образ традиционно, по правилам коми грамматики, а Говорухина выше этого. Для неё понятия грамматики, рифмы, метра и, как видим, даже смысла – просто перечень недоразумений.

О других стихотворениях этого сборника также можно сказать, что они по-своему гениальны. Что ни говори, а в каждом из них есть своя изюминка. Особенно мне нравятся стихи дидактического характера, в которых Говорухина с высоты своей гениальности учит читателя правде жизни. Стихотворение строится, как набор поучений: автор предлагает человеку, вступившему на дорогу жизни, – шагать и не бояться этого, работать, жить по божьим заповедям. С этим трудно не согласиться. Тем неожиданнее вывод: тогда «никто не сожмёт тебя в кулаке!» А в другом поучительном стихотворении поэтесса учит, что жить надо, никого не боясь, с гордо поднятой головой, тогда «никто не насторожит на тебя силки!» Великие учителя человечества! Они наконец-то успокоились в своих гробах: в мир пришла Говорухина, и она научит людей, как надо жить!

По-своему хороши и русскоязычные стихотворения поэтессы. Они разнообразны по тематике: есть про любовь, есть о природе, опять же – о зиме, а также про неверного мужа, о женском счастье. Как вам, к примеру, такое?

Вниманья достаточно собственным детям,
 Счастьем зальётся, коль рядом с ней муж,
 И плакать не будет, конечно, в жилетик,
 Сумеет сорвать у судьбы своей куш!

Прямо-таки некрасовская женщина! Зачем жилетик, ей бы в горящую избу. Но рифма-то какова: *детям – жилетик!* Нет, Некрасову до такой рифмы как до Пекина по-пластунски. Однако куш! Логика стихотворения говорит о том, что сорвать куш для поэтессы – удачно выйти замуж, а не сорвать джекпот, как подумали некоторые. Вполне возможно, что Куш – имя мужа, а Судьбой звали его бывшую, от которой его и сорвали.

Вот так, расшифровывая каждое слово, каждую метафору, и нужно читать стихи нашей гениальной поэтессы. И всё равно остаются образы, которые не под силу понять даже самым авторитетным специалистам. Вот, например:

И пока в мир распахнуты ваши глаза,
Пусть играет в них жизни роса.
Пусть минует любая гроза,
И лишь от счастья струится слеза.

Я бы спросил поэтессу, что такое «жизни роса» и откуда она появляется в глазах? Как она в них играет, и что в это время чувствуют глаза? Они должны быть только «распахнуты в мир»? А если моргнут? Каким должно быть счастье, чтобы слеза заструилась? Почему струится одна слеза, её источает только один глаз?

На этой же странице есть четверостишие, которое начинается словами: «Радужной кистью припудрилась осень». Я думаю, читатель вправе знать, что такое «радужная кисть». Художники утверждают, что кисти бывают колонковые, беличьи, из щетины, но радужных не знают. Это что, с радуги шкурку сняли? Худо-бедно, но кистью они пишут картины, маляры кистью красят, а вот пудрить... Пудрить осень может только Говорухина. Вообще, с природой у неё свои счёты. То она сидит «в ледяной купели» и «духовно» осеняет себя крестом, то сетует, что зима никак не закроет свой рот. А когда, наконец, наступает весна, рождаются такие строки:

Убывают последние зимние дни,
С ветром морозным уходят они,
Уступая дорогу весне молодой,
Ручейкам с серебристою талой водой,
Появлению новых весенних гонцов,
Сладострастному пению юных птенцов.

Читатель волен спросить: о каких «новых весенних гонцах» идёт речь? Откуда они появились в стихотворении? На этот вопрос ответил бы Ф. И. Тютчев, в чьём стихотворении гонцами являются вешние воды, которые шумят, плещут и гласят:

Они гласят во все концы:
«Весна идёт, весна идёт,
Мы молодой весны гонцы,
Она нас выслала вперёд!»

Таинственные гонцы нашей поэтессы перекочевали именно отсюда, но Фёдор Иванович не в претензии, поскольку «гонцы» прекрасно рифмуются со словом «птенцы», сладострастное пение которых выводит стихотворение на новый, далёкий от тютчевского, уровень. Кто эти юные птенцы, и почему их пение «сладострастно» и так возбуждает автора? С точки зрения старины Фрейда, данная строка стихотворения не что иное, как сублимация эротического влечения поэтессы к молодым скворцам. Эта аллюзия сугубо личного характера говорит о том, что при чтении стихов Говорухиной необходимо знание самых интимных подробностей личной жизни автора. Только в таком случае читатель может постичь глубочайшие смыслы её стихов.

Кто-то может сказать, что я излишне придирчив к творчеству самобытной поэтессы из народа, что вырвал из контекста её стихов отдельные фразы для своих глупых шуток, а в самом стихотворении они совсем не глупые, а, наоборот, умные. Сразу отвечу: если стихотворение хорошее, то, сколько ни вырывать из его контекста отдельные фразы, метафоры, образы, они просто будут выглядеть цитатами. Их можно заучивать наизусть и даже шептать на ушко любимой – если это лирика, а не сладострастное пение юных птенцов.

Что касается остальных стихов сборника, в нём осталось ещё немало интересного, способного повеселить любопытствующего читателя. В интернетовской полемике по поводу стихов Говорухиной я назвал её творчество графоманией. И мне было сказано, что у любого пишущего должна быть своя ниша, всем хватит места на литературном поле. Да я и не против графоманов. Как сказал один литературный критик: любой писатель – графоман, но не все графоманы – писатели. Писатель пишет, и у него получается, а то, что получается у графомана, – можно прочесть в сборнике стихов С. Говорухиной. Но я бы советовал это читать разве что под общим наркозом.

И тем не менее, я не против графоманов. В большинстве своём это замечательные творческие люди, вполне искренне считающие, что они создают литературу. Я думаю, что, как и профессиональные писатели, они такие же участники литературного процесса. Они по-своему талантливы, и я даже уверен, что у многих из них есть приличные тексты с претензией на художественность. И всё же они не дотягивают до того, чтобы называть их искусством слова. У признанных поэтов есть стихи хорошие, даже гениальные, есть стихи просто слабые, но язык не поворачивается назвать их любительскими или графоманскими. И не от того, что это стихи признанных поэтов, а потому, что это и есть литература.

Однажды к знаменитому французскому поэту-классицисту Николя Буало обратился сам король-солнце, Людовик XIV, с просьбой оценить его новые стихи. Поэт нашёл нужные слова: «Наш король действительно может всё. Он захотел написать плохие стихи, и у него получилось!» Не совсем понятно, зачем королю ещё и лавры поэта? Мне кажется, после этого диалога Людовик перестал писать плохие стихи и начал мудро править страной. Я к тому, что, может, и кое-кому из графоманов заняться чем-то другим?

Литературные ПРИЗРАКИ

Как «утопить» опостылевшую действительность в омуте вымысла, как превратить её в воздушный фантом, который счастливо сдувается с «обеденного стола» жизни простым дуновением лёгкого ветра фантазий? Обо всём этом прекрасно знал не только приснопамятный «социалистический реализм» с его извращениями – прекрасно знала об этом и русская классическая литература.

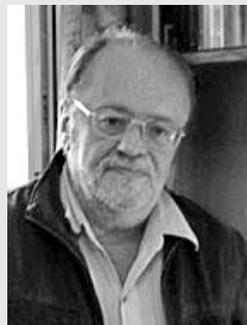
Рискнём заметить: наиболее известные и замечательные герои нашей литературы – обыкновенные призраки. В действительности, в «яви» русской жизни их никогда не было, нет и не будет.

Ошибался, наивно ошибался романтик русского имперского консерватизма Константин Леонтьев, когда и пафосно, и забавно заявлял во всеуслышание, что нам, мол, верноподданным Императора, не такие графы нужны, как граф Толстой, а такие графы, как граф Вронский, которого, между прочим, придумал как раз «нежеланный» для России, в глазах Леонтьева, граф Толстой.

Леонтьеву совсем не приходило в голову, что без Толстого не было бы и Вронского, что без Толстого не существовал бы, наконец, и сам роман «Анна Каренина» и многое другое, что сумел гениально выдумать «ненужный» России граф Толстой.

И заметим: подобное восприятие изящной словесности как некой квинтэссенции реальности для русского общества всегда очень типично.

Славная наша писательница Тэффи, например, вспоминала, что была в юности влюблена в князя Болконского из толстовского «Войны и мира». А не менее славный поэт Яков Полон-

Сергей НОСОВ

Сергей Николаевич Носов – историк, филолог, литературный критик, эссеист и поэт. Доктор филологических наук и кандидат исторических наук. С 1982 по 2013 годы являлся ведущим сотрудником Пушкинского Дома (Института Русской Литературы) Российской Академии Наук. Автор большого числа работ по истории русской литературы и мысли, в том числе нескольких известных книг о русских выдающихся писателях и мыслителях, оставивших свой заметный след в истории русской культуры. Стихи выходили в различных российских и зарубежных изданиях, переводились на несколько европейских языков. Живёт в Санкт-Петербурге.

ский рассказывал и нечто ещё более удивительное: в юношеские годы он испытывал влюблённость в Царь-девицу из сказки Ершова «Конёк-горбунок». То есть воспринимать обыкновенную популярную детскую сказку как материальную реальность в России для пылкого молодого человека с умом и талантом – вовсе не проблема.

Это весьма примечательно на самом деле, что в нашей стране традиционно подтверждался и подтверждается на все сто процентов следующий мудрый философский тезис: человек видит только то, что ему кажется, а кажется человеку только то, что он желает видеть.

Так, если тебе кажется, что ты счастлив – ты и счастлив, если тебе кажется, что у тебя горе – тебя горе непременно и охватывает. В чём это горе заключается, даже неважно: ты «по полной программе» переживаешь своё горе, если веришь, что оно к тебе явилось. И, конечно, горя может и вовсе не случиться, если ты его переживать не хочешь.

Например, умирает близкий тебе (по родству или так просто – «близкий близостью душевной») человек – жалко, конечно, но ничего не поделаешь, судьба... Иногда даже находятся «плюсы» в случившемся – наследство, больше места в квартире, свобода... Но могут умереть просто твой любимый кот или пёс или рыбки в новом аквариуме – и ты страшно страдаешь и плачешь в подушку, если, конечно, вовремя настроишься на то, что, вот, пришло в твою жизнь нежданное большое горе.

Герои Чехова, в частности, горько страдали лишь от того, что вырубают их любимые деревья («вишнёвый сад»), поскольку почему-то связали в своём сознании с судьбой этих деревьев собственную судьбу...

Так, в принципе, можно связать судьбу с чем угодно: с тем, что какой-то чёрный кот, например, вздумал перебежать тебе дорогу, с тем, что солнце скрылось за тучи, как только жена ушла в магазин и бросила тебя ради каких-то тряпок...

Человек, как принято говорить, творец... И потому, собственно, человек (в отличие от животных) в основном сам творит те состояния жизни, в которые попадает.

Это только кажется, что действительность существует независимо от нашего сознания – оно само творит окружающую действительность, так же как наши «мозолистые руки», например, способны передвигать куда угодно возделённую кровать в спальне... В России это давно доказано «плотью жизни».

Одно время у нас считалось: люди явно не равны друг другу, каждому – своё. Одни – сытые дворяне, другие – бедные крестьяне; одни – важные господа, другие – жалкие крепостные рабы. Объединяло этих людей только то, что все они поклонялись верховному «помазаннику Божию», то есть Императору.

Потом такая жизнь перестала нравиться, и было твёрдо решено: все равны. То есть «равнее всех», конечно, коммунисты (они всегда впереди). Но и остальные, «прочие граждане» тоже равны, поскольку у них просто ничего нет и владеть им нечем, делить им нечего.

Наконец, надоело и это: скучно, не за что бороться, кроме бесплотного коммунизма, все люди братья, и нельзя толкнуть даже соседа, не говоря о начальниках...

И тогда было решено вернуть в мир борьбу и «рынок». Рынок быстро восторжествовал, и всё стало продаваться и покупаться, включая, естественно, любовь, совесть и саму жизнь.

Однако такой «демократический правопорядок», импортированный с Дикого Запада с опозданием лет на двести, оказался слишком экзотическим.

И тогда пришли к мудрому компромиссу: продаётся, но – не всегда, равны, но – не все, воруют – только избранные. При этом все дружно, «соборно» верят в Бога. Больше всех верят высокопоставленные начальники, затем по «степени веры во Всевышнего» идут крупные бизнесмены, затем начальники поменьше, бизнесмены помельче... и так до последнего пьяницы. Но и он – не без креста, хотя и с бутылкой вместо головы.

Такой «правопорядок» быстро признали самым родным и «суверенным», что и было доведено до сведения граждан с помощью современных средств массовой информации.

Возникает только один «итоговый» вопрос: а чего мы, собственно, лет эдак сто с лишним так суетились? Отвергали, ниспровергали, снова устанавливали и опять с вождедением ломали до самого основания... А чего во имя? Намного мудрее было бы: ломать – понемногу, отвергать – не всерьёз, принимать – полусутия. Так и жили бы в своё удовольствие в окружении тихой гармонии: и насилие нестрашное, и враньё нечрезмерное, и днём довольно светло, и ночью довольно темно, и зимы холодные есть, и лето тёплое бывает... Чем не «Божья Благодать»?!

Однако вернёмся к художественной литературе.

Александр Герцен в «Былом и думах», если называть вещи своими именами, ненавязчиво похвалялся, что он, мол, нашёл реальный «аналог» лермонтовскому Печерину – некоего Печерина, свободомыслящего юношестудента, что-то пылко сочинявшего, сочинявшего, сочинявшего, а затем покинувшего Россию навсегда и ставшего где-то в Ирландии католическим монахом.

Герцен, по сути дела «из любви к искусству» (чтобы увидеть лично и потом красочно рассказать, насколько прав был юный гений, Лермонтов, как в России «душно» человеку с умом и талантом) даже писал письма этому Печерину, встречался с ним... Но тогда уже фанатик-католик, который публично жёг протестантские Библии, Печерин этот мало походил на лермонтовского Печерина, одинокого, разочарованного во «всём и вся» скитальца. Прототипа, увы, так и не вышло... Да и не могло выйти. Лермонтовский Печерин – персонаж насквозь выдуманный. Таких, как он, в реальной русской жизни не существовало.

Да, были, конечно, праздные дворяне, которые пресыщались жизнью раньше, чем в неё по-настоящему вступали, и всё норовили попробовать, всё испытать, чтобы затем на всё и наплевать, «проигрывая в карты» и своих

крепостных, и свою душу. Но их образы далеко не так красивы и загадочны, как образ Печорина из «Героя нашего времени».

И вообще «герои нашего времени» – Онегины, Печорины, Рудины, даже Обломовы – персонажи, прежде всего, сказочные. Это какие-то романтические рыцари без войска, рыцари «лишённые наследства» из средневековых легенд... Наряжены они их создателями, конечно, в «русском стиле», но по сути своей – они аляповато украшают российскую действительность, а не ярко отражают её, как доказывала традиционная русская критика во главе с Белинским.

Не хотели, традиционно не хотели в России признавать, что художественной литературой всецело правит вымысел, правит своевольная и прихотливая, а нередко необузданная, диковатая писательская фантазия. Эта фантазия создаёт и создавала не реальных героев «русской жизни» (или, допустим, немецкой жизни, китайской жизни...), а только некие красивые, обольстительные или, наоборот, ужасные, отвратительные тени и призраки.

Однако наивному читателю всегда кажется, что эти тени и призраки материально существуют, реально по жизни бродят; он в них верит, а писателей, творцов призраков – обожествляет. И всё – совершенно зря!

Никаким самоучителем по жизни, никакой открывательницей истин художественная литература не является. Фактически она находится в тягостном рабстве у произвола безудержной фантазии и жить без «вывертов» и «гримас» этой фантазии просто не может.

Чему, если быть до конца откровенными, научили нас Толстой и Достоевский? Да ничему не научили, живём, как и жили, скорее даже ещё суетливее, мелочнее и пошлее, чем в прежние эпохи! А что наши национальные гении проповедовали? В сущности, только общеизвестное: смирение, нестяжательство, веру в добро и красоту. Не будь их романы и иные творения сладостным художественным вымыслом, никто и не стал бы их особенно долго и всерьёз слушать: прописные истины, как известно, быстро надоедают.

Так называемая жизненная мудрость русской классической литературы и её так называемая философская глубина в весьма значительной степени – обыкновенные мыльные пузыри, готовые лопнуть от серьёзной критики в любой момент.

Мы не шутим. Наша классическая литература – преимущественно литература «больших идей». И мы убеждены, что при всех возможных исключениях и оговорках, во многом, очень во многом был прав Владимир Набоков, не воспринимавший всерьёз «идейность» большой литературы и «литературу больших идей», ядовито посмеивавшийся над Достоевским, Горьким, Томасом Манном.

Однако сам-то Набоков в конце концов со всей своей верой в безыдейное «чистое искусство» к чему пришёл? К своей «Лолите», к апофеозу большого сознания, лелеющего и смакующего свои извращения как «самое дорогое» в реальной жизни, среди её якобы всепожирающей пошлости. Этим и прославился, как известно, на весь мир. И этим, в сущности, Набоков славен в

современном мире и до сих пор, поскольку «Лолита» его есть действительно лучшее, наиболее художественно впечатляющее и убедительное из всего, написанного им.

Но признаемся себе честно: такая слава, увы, не самой высокой пробы, что-то родственное «славе» маркиза де Сада...

Кстати, эта набоковская девочка, Лолита – тоже призрак, своего рода сладостное эротическое привидение, посещавшее набоковские писательские грёзы, а отнюдь не сколько-нибудь реалистический персонаж. Можно сказать, она слишком соблазнительно прекрасна, чтобы существовать на самом деле.

Девочки возраста набоковской Лолиты, конечно, были, есть и будут, но они – не феи, а ещё достаточно глупые дети, и, для того чтобы наделять их даже в своих фантазиях чертами «фей любви», надо, увы, перечеркнуть в себе весь здравый смысл, а попросту говоря, в достаточной степени «рехнуть-ся».

Неизвестно, кто в конечном счёте более был «не в себе», – утончённо-изопрённо-извращённо и бездонно похотливый Набоков или «жестокий талант» Достоевский, который своих героев с христианской любовью мучил и мучил, мучил и мучил, мучил и мучил...

Достоевский проповедовал духовно светлые «большие идеи», но его сознание было вместе с тем не чуждо извращённого мучительства. Набоков эстетски отрицал любые «большие идеи» в литературе во имя «чистой красоты», но и его сознание было не чуждо извращённого сладострастия, чреватого похотливо наглой эксплуатацией «детской плоти» и всё тем же мучительством...

Кричащие противоположности сошлись в парадоксальном «поцелуе», равно свидетельствуя об одном: в так называемой большой литературе очень часто торжествуют болезненные «вывихи» сознания и фантазий, принимаемые за откровения и художественные прозрения, тогда как оценивать их должна по большей части психиатрия.

Художественная литература – точка преломления безудержных фантазий, неуёмного лицедейства (актёрского подражания жизни во всех её видах и формах) и торжествующего алогизма, «выворачивающего наизнанку» здравый смысл, который в жизни содержится. И это – художественная литература, «изящная словесность» в своих лучших, на века запоминающихся проявлениях и достижениях, таких, например, как творчество Гоголя, Кафки, Джойса, того же Набокова.

Что же говорить о литературе «второго эшелона» и «второго сорта»?.. Это нередко и даже чаще всего просто «мрак и бред», где каждый «творец» изгаляется в своих диковатых фантазиях как только может, что, надо сказать, и нравится массовому читателю, который ищет в «читабельной» художественной литературе только способное поразить, ошеломить, озадачить (как «щелчок по лбу» среди бела дня), ищет, говоря по старинке, «эдакое», чтобы потом глубокомысленно, важно заявить: «она оно как закрутил-то, господин сочинитель, чудно».

Новую жизнь, настоящую, материальную, из крови и плоти, художественная литература (и классическая, и, тем более, не классическая, с историческим предназначением – «в макулатуру нашего времени»), естественно, не создаёт (из слов реальность не создаётся!), а жизнь старую, уже существующую – не копирует и если «краюшком» всё же отображает порой, то, в сущности, так же «точно», как издевательская галерея кривых зеркал в парке культуры и отдыха...

Так что же всё-таки неустанно творит литература? Ответ очевиден, как ясный день: только тени и призраки, «бродячий» вымысел, способный закружить голову, замутить воду, одурманить, ошеломить и околпачить.

В этом смысле и в этом «контексте» лучший и наиболее убедительный литературный герой – булгаковский Воланд со своей славной свитой «кудесников», берущий на себя роль мага и демиурга, а в сущности, весь состоящий из упоительной «дьявольщины», которую обиженный советской властью и необычайно талантливый писатель Михаил Булгаков с наслаждением выпустил «на волю», в жизнь, чтобы сполна отомстила она и его жестокой к талантам эпохе, и его недругам, и его более удачливым и пронырливым коллегам по «писательскому цеху» за ту вакханалию привилегий и удовольствий, которую они себе посреди советской бедности и бытовой неустроенности благополучно «урвали»...

В одном из последних интервью, уже незадолго до смерти, Борис Стругацкий заметил, некоторым образом комментируя явления нашей классической литературы, что в писателе должен быть необычайно развит актёрский талант. Это очень верно. Писатель постоянно искусно мимикрирует в своём творчестве, как бы гримасничает и гримасничает, создавая «рожицы» (образы) героев, как создавал их, в частности, Гоголь...

И не случайно эти гоголевские «хари» – Ноздревы, Собакевичи, Городничие и прочая «нечисть» – так живучи, так легко, как привидения, «перескакивают» или «переползают» из эпохи в эпоху, что проницательный, зоркий на «нечисть» Бердяев более чем полвека спустя после их появления на «Свет Божий» назвал их с ненавистью и злостью мерзкими «духами русской революции» (революции 1917 года), о которой эти гоголевские «хари» на самом деле, сидя в своих поместьях и чиновничьих креслах в середине XIX века, и знать не могли, и ведать не ведали...

И прав, увы, прав был Бердяев! Призраки тем и отличаются от живых людей, что они – бессмертны. Стареть они просто не способны, только перевоплощаются и перевоплощаются... без усталости и без конца. И видят эти призрачные, бесовские «хари» выдающиеся Гоголи и Гофманы, Кафки и Набоковы... и отображают, смакуют и раскрашивают. И рождаются тогда в литературе не только глупые, пошлые и старые Коробочки, но и юные, нежные и сладостные Лолиты, и бредят ими славные писатели, лелея «бесовщину» в самих себе.

Вы спросите: а как же наша «здоровая и честная» литература, где же наш «Буревестник» и наш человек, который «звучит гордо»? Как где? Известно

где: в мусорной яме жизни и истории, большевикам, знаете ли, продались с потрохами... А где же князь Андрей Болконский? Где Пьер? Опять же, известное дело: в эмиграции с 1917 года, англичанами давно стали, то ли лордами, то ли лейбористами... А кто же остался-то, где наши нынешние герои? В который раз приходится повторять: в животном мире. Вы почитайте Пелевина – «Жизнь насекомых». Хороший писатель, правдивый и такой весь из себя отечественный, суверенный. Второй Платонов. Вместо «Котлована» у него «Чапаев и пустота» написана. Славная книга, весёлая.

На этом позвольте закончить нашу статью, поскольку место для таких статей в нынешних журналах строго ограничено: квота, знаете ли, новые правила, минкульт и минюст распорядились, «18+», забота о несовершеннолетних, борьба с гомосексуализмом в массах. Да и вообще – жизнь у нас и без литературных привидений и призраков полна чудес.

**ТОМ ГИЖЫСЬЯСЛӨН
ЛИТЕРАТУРНОЇ
ЖУРНАЛ**

Вöрын

ОЛІС-ВЫЛІС öти сиктын зэв тöлка зонка, кодлы вöлі сöмын на сизим арöс. Сійö зэв ёна радейтис чужанінсö, зіліс мичмöдны öшинь ув, аддзöм лöп-ёгсö ывлаысь пыр чукöртис. Бур зонка воис сьöлöм вылö ставлы. Öтчыд сійö муніс батыскöд вөрö пес вöчны. Воисны пожöма ягö, батыс и шуö:

– Ме кута пöрöдчыны, а тэ, Ванюк, öзты бипур, сюся видзöд да кыйöд, мөдым биыс оз кус, пузьöд тшай.

Пиыс вочавидзö:

– Тані, батыö, вöрсаяс öлöны, найö вöчасны ставсö, мый ме тшöкта. Тэнад локтігкежлö ставыс лоас дась.

Сувтис зонка югыдінö, горöдіс:

– Вöрсаяс, видза кора отсалыштны меным, а ме тiянöс мезда лöп-ёгысь!

– Мый колö вöчны? – кыліс гөлöс.

Зонка ставсö висьталіс, а ачыс мöдöдчис чукöртны вежöртöм йöзлысь пыбласьяс. Колис кад, Ванюк бергöдчис да аддзис бипур вылысь пöтка яя шыд да сэтöра тшай. Бипур дорын некод эз вöв. Аттьöалис зонка вöрса ёртьясö, сетис кыв, мый кутас водзö видзны вөр-васö да сійöс радейтны. Сэккості воис батыс, чуймис дась пажын вылö да ошкис писö: «Ванюк, тэ тай менам зэв зіль да тöлка!»

Диана МОРОХИНА
(Искусство гимназия)

Вөрса да Пывсян Айка

ОЛІС-ВЫЛІС Вөрса. Оліс сійö пармаын, аслас лыска чомйын, Чула сиктланьын. Тані сылы ставыс вöлі тöдса, ас. А неылын сулаліс пывсян, и оліс сәні Пывсян Айка.

Вөрса да Пывсян Айка воысысны. Вөрса вайлывліс сылы пармаысь аддзöм сёян. Пывсян Айка прöстö эз жö пукав: ломтас шоныдджыка пывсянсö, пелькөдчас да корас Вөрсаöс рытпукны. Гажаа варовитігмос сёяны найö тшака шыд, чöсмасясны вотöсөн да юмов маөн.

Коркö Чула сиктысь кайисны вөрö йöз, матыстчисны налөн оланін дорö, мыйкö корсьысьöны. Вөрса мөвпыштіс: «Ак, тайöяс меньым став сёянöс бырöдасны». Сылы эз кажитчы, мый йöз юасьтöг пырисны овмöсас. И кутіс мөвпавны, кыдзи эськö вöтлыны найöс татысь. Медводз шуис котöртлыны Пывсян Айка дорö отсöгла. Муніс, пырис пывсянö, аддзö: Пывсян Айка шойччö, мыйыськö, тыдалö, ёна мудзöма. Забеднö Вөрсалы, сылы унджык уджыс сюрö да, öд быд лун колö кытшовтны став вөрсö, öлöдны лёк вöчысьясöс. Вөрса коріс чужöмсö, паськөдіс синъяссö, ыджыд гөлөсөн шыасис:

– Абу тэныд яндзим тадзи куйлыны? Со, гусясысыяс ветлёны орччён, некодлысь нинём оз юасыны!

Пывсян Айка нюжмасьёмён сувтис джаджыйсь:

– Мый мясянь колё? Көдзыд ваён тэнё киськавны? Али корёсьодны? Зэв тай ёна ызьёмыд! Код төдас, кодъяс найё, бур вайысыяс али лёк вочысыяс. Эн шызьёд став вёр-васё, пуксьыв лабичас, мовпыштлам, мый вочны.

– Тэ, – шуис Вёрса, – вай пывсянтё жарджыка ломты, русё лэдз ывлаас, мед став вёрсё вевттыяс. А ме ру пытшкөдыс мисьтёма петкөдча на водзын, го-раа горёда – йёзыс повзясны да пышъясны.

– Жаль али мый вёрыс тэныд? – пыр на сувтөдны көсьё Вёрсаёс Пывсян Айка. – Вёрыс тані озыр, ставлы тырмас тшак-вотёсыс.

– Абу сыын делёыс, а кызди, кутшөм могөн локтёны. Важ йёз, вөрө пыригөн на, юасьлісны, позьё оз тшак-вотёсла, звер-пөткала пыравны, уна эз босьтлыны сэтысь, нулісны, мында мыш вылас төрас. А тайёяс нинём оз юасыны, котралёны тані, быттьё гортаныс.

Тадзи найё дыр на, гашкё, вензисны. Кылө, кодкө көджас пырис, сэсся таркөдчис. Восьтисны өдзёс, а сэні ичөтик морт сулалө.

– Мый колё? – юалө Пывсян Айка.

– Вөлі зэв уна тусь тані, сэсся эз кут сюравыны. Бать-мам ылө мунёмаёсь, ме наысь кольччи.

Пывсян Айка Вёрсалы шуё:

– Тэ дзебин став вотёссө? Бать-мамыс, көнкө, мында синва кисьтисны, зонка вошөма да. Öдйө ордым вөч, мед татчө петасны. Ачюд со лёкалан, а вёрын кымын «оз позь» колө төд вылад кутны. Бурсө медводз ачюд петкөдлы, сэсся мукөдсө велөд.

Вёрса кывзысис, уськөдчис ывлаө. Здук мысти пырис да шуис:

– Тонө бать-мамыд, эсийө чукыль саяс, талань локтёны.

Зонка радьсла чеччыштис места вылас, да друг кутшөмкө ёкмыль уси джоджас. Лэптіс, разис тубрассө, а сэні сэтшөм мича көвдум куйлө. Зонка мыччис Вёрсалы да шуё:

– То, мамөй пуктыліс, вөрө пыригад коль пө мыр вылө вёрса олысысысылы. А менам вунёма, лэбач сьылөм шыё ылалі. Налөй, тайё тиянлы, чөскыд тусь-вотёсысь. Мед мөд во унджык на лоас.

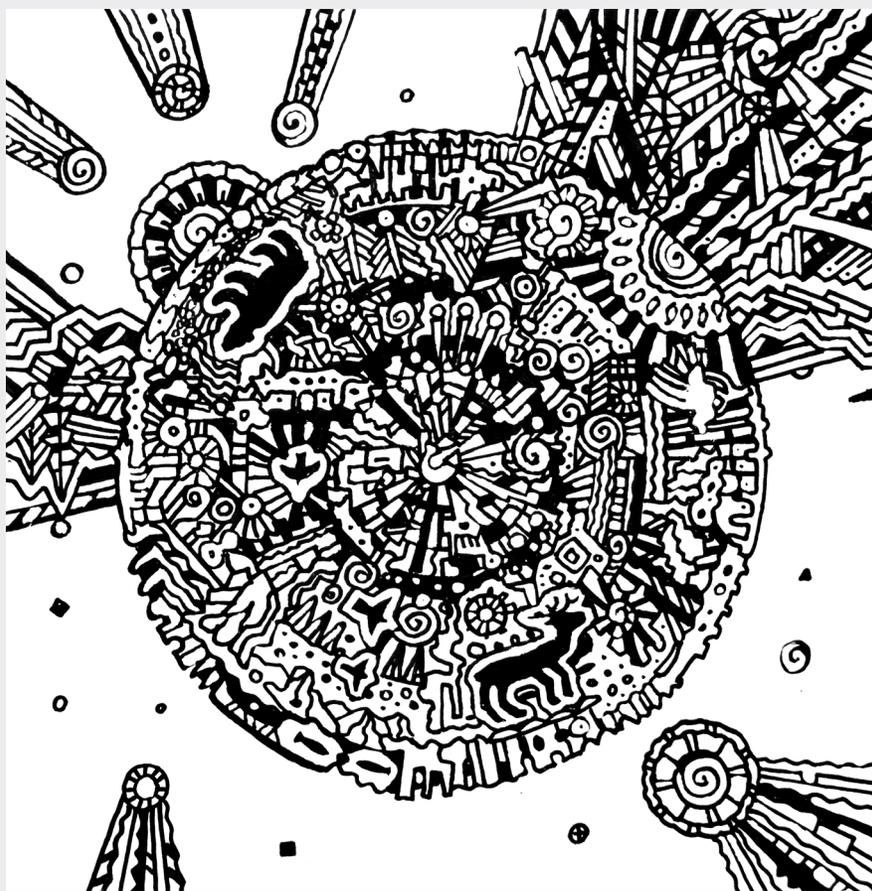
Сэсся петис зонка бать-мамсө паныдавыны. А Вёрса да Пывсян Айка джынъясисны дивө кодь көвдумён да воисны өти кывйө: абу на став йёзыс тшыкөмаёсь, и дыр на вёр-ваыс мичаён кольё.

Журналлөн редколлегия:

Елена Афанасьева, Алёна Шомысова, Любовь Ануфриева, Алёна Старцева.

Арт-факт

«Энергия духа»

Образ протопопа Аввакума в изобразительном искусстве второй половины XX – первых десятилетий XXI века

Протопоп Аввакум (Петрович) (1620/1621–1682) – один из выдающихся, знаковых людей XVII века, оказавших огромное влияние на ход российской истории, определив раскол русской церкви и породив мощную духовную, идеологическую и экономическую силу в лице последователей Аввакума – старообрядчества.

Перманентный интерес художников (в начале XX в., середине XX в., начале XXI в.) к «родоначальнику русской природной речи» – протопопу Аввакуму – объясняется поисками в истории России харизматической личности, которая созвучна времени. «Выпросил у Бога светлую Россию Сатана, да очервлянит её кровью мученической», – пророческое откровение протопопа Аввакума.

В представленной нами публикации рассматривается воплощение художниками конца XX – первых десятилетий XXI века личности протопопа Аввакума в произведениях живописи, графики, скульптуры, находящихся в государственных собраниях и частных коллекциях.

Кроме художников, вдохновлённых «Житием протопопа Аввакума, им самим написанным», публикуются произведения, созданные во время паломничества и пленэров: в один из самых крупных ареалов расселения старообрядцев, находящийся на территории, прилегающей к месту пустозерской ссылки протопопа Аввакума. Это – бассейн реки Печоры, в том числе на территории современной Республики Коми (Усть-Цилемский район, в прошлом входивший в состав Мезенского уезда Архангельской губернии) и «Пустозерск» (современный Ненецкий Автономный

**Ольга
ОРЛОВА**

Ольга Владимировна Орлова, заведующая музейно-исследовательским отделом Национальной галереи Республики Коми, куратор, член Союза художников России.

округ) – место заточения и гибели протопопа Аввакума, знаковое место для каждого старообрядца.

Зрительный ряд даёт возможность проследить эволюцию в разные исторические периоды, прожитые впечатления, внутреннее зрение в изобразительные формы, помогающие художникам с разными эстетическими пристрастиями реконструировать образ мощной духовной силы. Через собственно художественные формы приблизиться к «изобразительной формулировке» личности и трагической судьбы протопопа Аввакума.

Иконографический материал об Аввакуме, в том числе и в изобразительном искусстве XIX – первой половины XX века, был впервые опубликован в статье В. И. Малышева. В исследовании XXI века «Церковный раскол XVII века в произведениях русской живописи» С. Е. Лазарева и О. Г. Курдюмова отмечается: «В советский период разработка темы Церковного раскола в отечественной живописи несколько приостановилась. В силу политики государственного атеизма... И касаться истории раскола художники не решались». Но были и исключения.

В середине 1960-х годов образ протопопа Аввакума становится несколько неожиданной актуальной фигурой. В живописи к нему обращается советский художник Евгений Демьянович Мальцев (1929–2003). Его дочь, искусствовед Дарья Мальцева пишет: «Всё его творчество посвящено созданию крупномасштабных тематических картин исторического и социально-философского содержания. Его произведения находятся в Русском музее, Третьяковской галерее, в музеях и частных собраниях в России, Германии, Японии, Франции, Италии, США и других странах. Одна из важнейших тем в творчестве Е. Д. Мальцева – это история старообрядчества. Отец происходит из семьи староверов, которые, несмотря на многолетние скитания от преследований, пройдя через всю Сибирь, укрывшись в Узбекистане, а потом оказавшись в Ленинграде, остались верны заветам предков, сохранили живую традицию книжности и начётничества. На формирование мировоззрения будущего художника большое влияние оказали несколько лет, проведённых в сибирской тайге по окончании института, чтобы поближе познакомиться с людьми, их судьбами, в которых отразилась вся история нашей страны. В 60-е годы участвовал в экспедициях Русского музея по спасению икон из разрушенных храмов Русского Севера, и эти впечатления отразились во многих его холстах, как пейзажных, так и тематических. В 1973 году 10 ленинградских художников получают заказ на создание картин для галереи в Усолье Сибирском, отражающих историю сибирского края. Наряду с образами Ермака и Семёна Дежнёва, воплощёнными его соратниками, Е. Д. Мальцев включает в этот ряд протопопа Аввакума, изобразив его в сибирской ссылке с семьёй» («Протопоп Аввакум в Сибири. 1973. Холст, масло. 160х200. Иркутский областной художественный музей им. В. П. Сурикова).

Впервые в XX веке образ пламенного борца за веру и благочестие получил зримое воплощение. В 1975 году эта тема была повторена с вариациями в одноимённой картине, заказанной жителями села Григорово в память об их ве-

ликом соотечественнике (1975. 170x332. Дом культуры села Григорово, Новгородская область). В работе над этими холстами Е. Д. Мальцев углублённо изучал старообрядческую литературу, историю раскола, музейные материалы, связанные с костюмами, предметами быта. Наиболее значительной работой, касающейся истории раскола, является «Самосожжение», написанное в 1977 году и приобретённое впоследствии Государственным Русским музеем.

Картины, созданные в 19 столетии Мясоедовым и Милорадовичем, носят подчёркнуто иллюстративный характер. И только Сурикову в его «Боярыне Морозовой» удалось создать образ, отражающий дух и суть старообрядчества, ставший одним из символов приверженцев старой веры. Именно творчество Сурикова оказало большое влияние на становление молодого Е. Д. Мальцева. Сочетание действенности образно-психологического решения и художественно-пластического воплощения идеи стали основной задачей в создании масштабного полотна (170x332 см). В картине практически нет действия, всё внимание сосредоточено на психологическом состоянии людей, объединённых непоколебимой верой, в которой их как бы поддерживают мерцающие в глубине холста древние лики святых на иконах. Картина носит обобщающий характер, не ограниченный иллюстрацией конкретного эпизода в истории старообрядчества. Однако во многом именно трагические события Великопоженской гари просматриваются в основе создания этого полотна, увековечившего силу духа и несгибаемость веры наших предков. Этот многолетний труд художника, предпринятый не по заказу, не ради славы и признания, а по велению души, стал долгом памяти тысячам мучеников за крест и веру, за древнее благочестие.

Сейчас, по прошествии 40 лет со времени создания первой из картин, посвящённых старообрядческой тематике, можно сказать, что в истории отечественного искусства XX века это была единственная серьёзная попытка привлечь внимание широкой публики к истории староверия, к трагедии раскола. Понятно, что в 70-е годы это направление шло вразрез с официальной концепцией искусства, но и в постперестроечный период оно так и не получило никакого развития. Искусство призвано влиять на общественное сознание, поэтому я и позволила себе обратиться к этой странице творчества моего отца, почти забытой и похороненной в музейных запасниках, чтобы напомнить живущим сегодня о драматических последствиях раскола и о духовном подвиге хранителей старой веры.

Сплав темы Русского Севера и старообрядчества представляют картины Северной серии, запечатлевшие картины повседневной жизни русского народа на фоне северного ландшафта, включающего выдающиеся памятники русской архитектуры и деревянного зодчества, такие как Соловецкий монастырь, Кижы, Кондопога и т. д.

Основными направлениями творчества Петра Павловича Оссовского (1925–2015) являются человек, Родина. Среди картин последнего десятилетия многие произведения художника посвящены религиозной и исторической тематике. Прожив долгую и творческую жизнь, П. П. Оссовский ничего

не слышал о старообрядцах. Настоящим откровением для него стал просмотр кинофильма Николая Достая «Раскол», из которого Пётр Павлович впервые узнал о трагических событиях церковного раскола XVII века и судьбах старообрядчества. Это открытие дало новый мощный толчок в творчестве художника. Осовский, уже будучи Академиком РАХ, Народным художником СССР, Лауреатом Государственной премии СССР, написал ряд картин, посвящённых событиям истории старообрядчества, исповедникам старой веры и современным старообрядцам. Наибольшую известность приобрёл триптих «Аввакум. Подвижники старого обряда» (2013. Холст, масло. 150x89,5. Егорьевский историко-художественный музей). На трёх полотнах, высотой около полутора метров, изображены три образа, или три сюжета. В центре – образ Спасителя, выполненный в стиле рублёвского Звенигородского Спаса. На левой части – священномученик Аввакум у костра в последние минуты своей жизни, а также три старообрядческих старца с двуперстно воздетыми десницами. Правая часть триптиха посвящена преподобномученице Феодосии Морозовой. Она изображена сидящей в сени ангела. Триптих создан с использованием техники угольной графики, что придаёт этому произведению особый символизм и драматичность. П. П. Осовский творчески переосмыслил историю Руси и её духовных истоков.

Петербургский художник-станковист поколения XXI века Игорь Владиславович Кожевников обратился к теме старообрядчества и протопopa Аввакума в первой половине 2010-х годов. Для него древлеправославие и протопop Аввакум стали символами Русского народного неконформизма, примером негибаемой воли и источником национальной духовной силы. Как говорит сам художник: «В эпоху победившего капитализма и общества потребления, крушения культурных традиций и разложения нравственных ценностей, сращивания олигархического режима и номенклатурной части РПЦ, духа тотального торгашества, беспринципности и приспособленчества – особенно важен пример духовной стойкости старообрядцев и протопopa Аввакума – людей, которые ради своей веры и убеждений готовы были идти на костёр, на жуткие мучения и смерть...». Впервые И. В. Кожевников услышал о старообрядцах в детстве, примерно сорок с лишним лет назад в благополучные советские времена (тогда в основном их называли «кержаками» или «раскольниками»). «Говорили о них со смесью уважения, любопытства, опаски и какого-то недоумения. В общем, старообрядцы были какой-то загадкой природы, каким-то непонятым реликтом, доставшимся нам, советским людям, от прошлой эпохи... Моё отношение к старообрядчеству было, если так можно выразиться, «советско-никонианским». Во время моего обучения в Академии художеств, где год проучился в мастерской церковно-исторической живописи, я вплотную столкнулся с древнерусским искусством «дониконианского» периода, которое очень высоко ценил руководитель мастерской – профессор Александр Константинович Крылов. Знакомство с древлеправославным культурным наследием, влияние на мой ум и душу невероятно харизматичного и одержимого идеей сохранения традиций

древнерусского искусства профессора Крылова зародили во мне любовь и сформировали вкус к искусству той эпохи», – рассказывает Игорь Владимирович. От Александра Константиновича Крылова он впервые услышал о протопопе Аввакуме, к личности которого тот испытывал чувство большого уважения. С 2016 года И. В. Кожевников начал работать над картиной под рабочим названием «Двуперстие», в которой, пользуясь средствами современной живописи, пытался передать непоколебимую духовную мощь двуперстного знамения. Так, в 2017 году появилась картина «Протопоп Аввакум». (Холст, масло. 120x100. Из мастерской художника). Она выставлялась дважды: в Большом зале Санкт-Петербургского Союза художников (2018), в Научно-исследовательском музее при Российской Академии художеств (2019).

Первый памятник в России протопопу Аввакуму был установлен 5 июня 1991 года в селе Григорово Большемурашкинского района Новгородской области (370 лет до этого – Закудемский стан Нижегородского уезда) на месте рождения Аввакума. Автор – Народный художник России Вячеслав Михайлович Клыков (1939–2006). Скульптура создана в 1988 году как исторический портрет протопопова Аввакума. На свитке в руках Аввакума написано: «...Простите мя грешного, и помолитесь о мне, и вас Бог простит и благословит...».

В 2017 году Культурно-Паломническим Центром имени протопопова Аввакума был объявлен конкурс памятника для с. Усть-Цильма. Памятник предполагалось установить на берегу Печоры, по которой когда-то духовный вождь староверов отправлялся в ссылку. Здесь же неподалёку староверы празднуют главный праздник села – Петров день, а на следующий день водят знаменитую усть-цилемскую Красную горку. Одним из первых откликнулся Григорий Викторович Потоцкий из Москвы. Эскиз – очень хорошо передаёт дух протопопова Аввакума. Перед тем как взяться за работу, скульптор просмотрел несколько фильмов и прочитал множество книг об Аввакуме. В образе присутствуют определённые исторические элементы, связанные с жизнью и трагической гибелью огнепального протопопова: Аввакум стоит в деревянном срубе, одна рука поднята с двуперстием, другая рука придерживает книгу как символ знаменитого Жития.

Образ протопопова Аввакума близок сыктывкарскому скульптору, Заслуженному художнику Российской Федерации, Народному художнику Республики Коми, почётному члену Российской Академии художеств Анатолию Иосифовичу Неверову, который родился и вырос в старообрядческом селе в Архангельской области. Художник признался, что идея воплощения образа проповедника давно зрела. «Неверовы – это неверящие по-новому, я сам из староверов, старообрядцев. Я родился в деревне Неверово, она так называлась ещё со времён Ломоносова. Мне сам бог велел обратиться к этой теме. В Усть-Цильме уже стоит одна моя работа – памятник к 450-летию села. Организаторы не дали участникам конкурса конкретного места для будущего памятника, но я памятник протопопу Аввакуму вижу рядом со старообрядческим храмом в Усть-Цильме, мне кажется, там он будет на своем месте», – поделился в одном из интервью своими идеями Анатолий Неверов. Эскиз

памятника протопопу Аввакуму выполнен совместно с дочерью – петербургским скульптором Анастасией.

В 2018 году по просьбе настоятеля церкви Св. Николая Чудотворца старообрядческой Поморской общины о. Петра Ляпунова А. Неверовым было сделано два варианта эскизов памятника протопопу Аввакуму в Нарьян-Маре, один из которых показали на выставке в Нарьян-Маре. К сожалению, оба проекта не осуществились.

Скульптор из Архангельска Сергей Никандрович Сюхин дважды ездил на место ссылки и казни протопопы Аввакума – в исчезнувший ныне город Пустозерск. При создании эскиза памятника для Нарьян-Мара взял за основу медный складень с перегородчатой эмалью. В левой руке Аввакума – свиток, напоминающий о сочинениях подвижника. Сюхин не стал изображать протопопы в парадном облачении, чтобы не получился «очередной из сотен святых»: «Я посчитал, что его нужно показать в ветхих одеждах, в которых он стяжал и отстоял веру предков. Изучив иконографию, увидел, что во многих случаях ангелы заслоняют фигуру Спаса, словно любят себя: «Смотрите, люди добрые, какие мы красивые да дородные». Своих ангелов я развернул к Спасу. По замыслу они должны звучать, как струны любви к Богу. К зрителю повернуты в профиль, оттого изящны и «бестелесны», а главное, у них крылья, создающие ощущение полёта и неба».

В станковой скульптуре к личности протопопы Аввакума художники обращаются редко. В 1988 году Академик РАХ, Народный художник Российской Федерации Андрей Владимирович Балашов выполнил небольшую работу (бронза, 34x13x21. Государственный музейно-выставочный центр «РОСИЗО»).

В 2008 году молодой петербургский скульптор Матвей Вайнман в своём дипломном проекте создал динамичный, пронзительный эскиз пустозёрского сидельца, в котором передана «непрерывность жизни духа». Позднее М. Вайнман перевёл эскиз в терракоту и бронзу.

Петербургский автор отдельных иконописных образов, ансамблей храмовых иконостасов Георгий Панайотов в 2019 году выполнил два варианта миниатюр к «Житию» протопопы Аввакума (грунтованный картон, акрил. 46x33. Собственность автора). Иконописец не только умеет переработать существующий живописный канон, но и разрабатывает новые иконографические типы. Исследователь современного церковного искусства, профессор Н. С. Кутейникова писала ещё ряд лет назад: «...Его поиски вряд ли стали бы так продуктивны и были достойны Церкви, если бы устремления его сердца и души не были направлены к Красоте и Правде. Именно через зримые Красоту и Правду стремится Георгий Панайотов выразить присутствие Духа, и это ему удаётся». Работая над миниатюрами, Георгий Панайотов скрупулёзно изучил основные принципы украшения церковной книги. Миниатюра к «Житию» протопопы Аввакума (выполнена автором к выставке «Энергия духа» в Нарьян-Маре) привлекает живой естественностью позы, простыми жестами, эмоциональным напряжением. Задачей, которая стояла перед художником, была разработка небольшого рисунка.

Художник использовал стилизованную каллиграфическую скоропись рисованных шрифтов с характерными росчерками и завитками: безупречным поморским полуставом.

Книжная миниатюра на сегодняшний день не находит должного отклика в работах современных художников, выбравших смыслом творчества церковную живопись, тем более интересным следует считать это начинание молодого художника. Самая большая сложность – в лике. Миниатюра – ярко-красочная, живая, с выразительными деталями, гармонично соединена со строгим отношением к образу. Эклектика, элементы модерна легко и органично сочетаются с традициями. «Рассматривая древние образцы, понимаешь, что для иконописца канон был как чужой язык. Так и в иконописи. Когда к тебе приходит глубокое понимание языка иконописи и начинаешь на нём свободно говорить, понимаешь, что многое можешь себе позволить в рамках канона, – уверен иконописец. – Интересно, что на Руси иконы всегда так воспринимались – это было нечто незнакомое для народа. С принятием христианства люди стали с трепетом и опаской относиться и к воспринятой культуре. У греков же иконография зародилась органично, и отношение к церковной жизни было несколько иным, более спокойным. Это было активной частью их жизни».

На конкурсе книг советских издательств в 1960 году среди лучших работ художников назвали оформление книги «Житие протопopa Аввакума» Соломоном Бенедиктовичем Телингатером (1903–1969), советским живописцем и графиком, мастером иллюстрации и шрифтового искусства, представителем стиля конструктивизма. Это – одна из наиболее значимых работ художника данного периода. По мнению искусствоведа Г. Алямовской: «Оформление издания интереснейшего памятника русской литературы задумано весьма своеобразно. Многие в нём напоминают старинные рукописные раскольниковы книги: чёрный переплёт, неровные обрезы, желтоватая бумага, стилизованная каллиграфическая скоропись рисованных шрифтов с характерными росчерками и завитками. Вместе с тем оформление современно по динамике ассиметричных композиций, свободной графике шрифтовых надписей, единству художественных и технических элементов издания». Элементы книжного ансамбля изобретательно, стройно замонтированы в книжном развороте. Ясный, простой, строгий образ протопopa Аввакума – глубоко эмоционален, выразителен. Шрифтовая композиция использована в качестве важнейшего элемента графического и образного оформления «Жития».

Живописец, график, книжный иллюстратор из Петербурга Александр Михайлович Лыткин в 2018 году обратился к «Житию протопopa Аввакума», «классика старой допетровской прозы», протопopa всея Руси (А. Ремизов). Художником было выполнено 34 иллюстрации для издательства «Вита Нова» в технике граттаж, к которой он обратился впервые. А. Лыткин, прочитав и прожив историю «Жития», выбрал стиль «огненного», создав повышенно-экспрессивную серию произведений. Используемые им цвета (красный, чёрный, серый) дают контрастность и напряжение прорыва (про-

царапывания острым Словом Аввакума) – через испытания пройти до конца в вере своё «Житие» и написать «самую жизнерадостную книгу, на тему: путь к вольной смерти» (А. Ремизов).

Чистота и Вера слова в «Житие» продолжает вести за собой. «Склад её речи был мне, как столповой распев Московского Успенского собора, как перелёты Кремлёвского красного звона, а потом уж я оценил и как меру «русского стиля» наперекор модернизированным былинам и Билибинской «подделке», невылазно-книжному «Слову о полку Игореве», гугнящим, наряжённым в лапти, «гуслирам» и тому крикливому, и не без хвастовства, «истинно-русскому», от чего мне было всегда неловко и хотелось заговорить по-немецки. Подождённый необычайным словом книги, бредил, как сказкой: так живо и ярко всё видел – и горемычное «житие» и упрямство непреклонной «веры» и венец: пылающий сруб – огненную казнь», – так писал А. М. Ремизов.

Мальцев Е. Д. «Протопоп Аввакум в Сибири». 1973. Холст, масло. 160х200.
Иркутский областной художественный музей им. В. П. Сурикова

Мальцев Е. Д. «Протопоп Аввакум в Сибири». Авторское повторение работы
1973. 1975. 170х332. Дом культуры села Григорово, Новгородская область

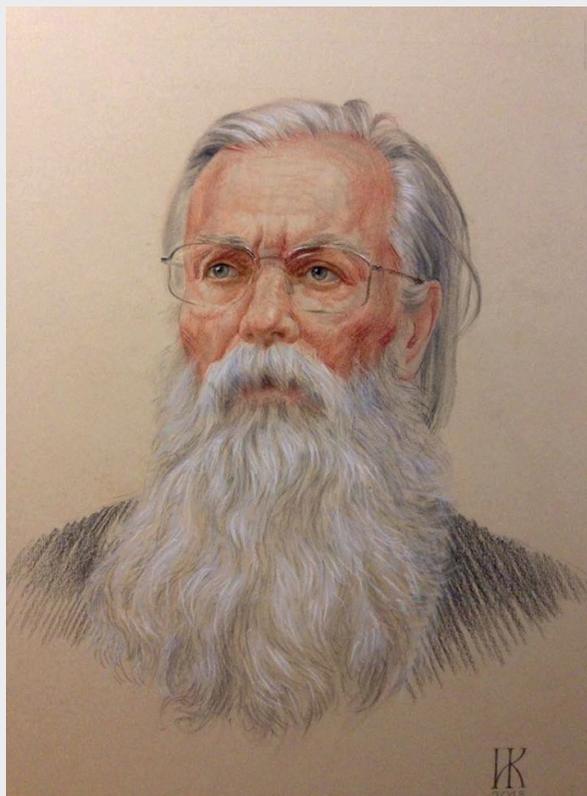
Мальцев Е. Д. Из «Северной серии». Холст, масло.
Собрание семьи художника

Оссовский П. П. «Аввакум. Подвижники старого обряда». 2013. Холст, масло. 150x89,5. Егорьевский историко-художественный музей

*Кожевников И. В. «Протопоп Аввакум. Двуперстие». 2017.
Холст, масло. 120x100. Собственность автора*

*Кожевников И. В. Портрет руководителя
Древлеправославной Поморской Церкви Олега
Ивановича Розанова (1937–2017). 2018*

Сюхин С. Н. Эскиз памятника протопу Аввакуму возле Церкви Св. Николая Чудотворца старообрядческой Поморской общины в Нарьян-Маре. 2019. Дерево, резба

Клыкков В. М. Памятник протопу Аввакуму в селе Григорово Большемурашкинского района Новгородской области. 1988. Установлен 5 июня 1991 г.

Балашов А. В. Протоп Аввакум. 1988. Бронза. 34x13x21. Государственный музейно-выставочный центр «РОСИЗО»

Неверов А. И.,
Неверова А. А.
Эскиз памятника
протопопу Аввакуму
в с. Усть-Цильма. 2017.

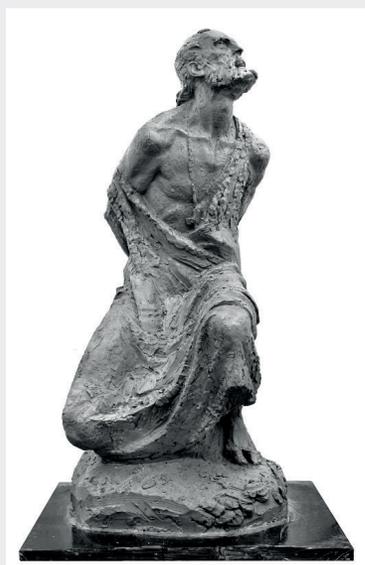
Потоцкий Г. В. Эскиз
памятника протопопу
Аввакуму в с. Усть-Цильма.
2017. Глина

Неверов А. И. Эскиз памятника протопопу Аввакуму возле Церкви
Св. Николая Чудотворца старообрядческой Поморской общины
в Нарьян-Маре. 2018. Гипс, тонировка

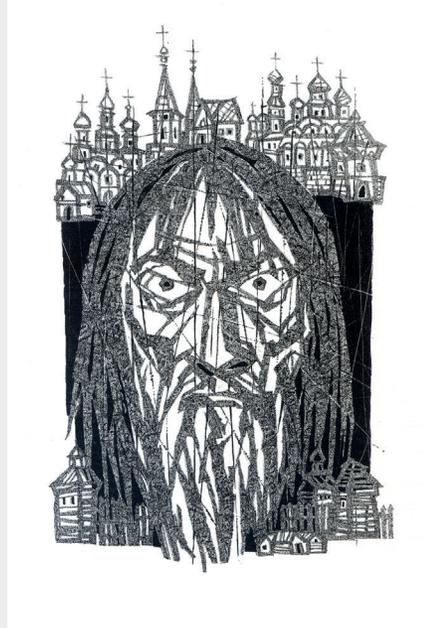
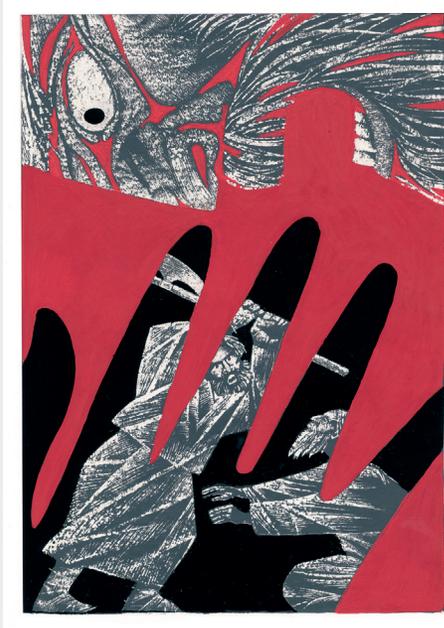
Панайотов Георгий. Миниатюра к «Житию» протопопа Аввакума. 2019.
Грунтованный картон, акрил. 46х33. Собственность автора

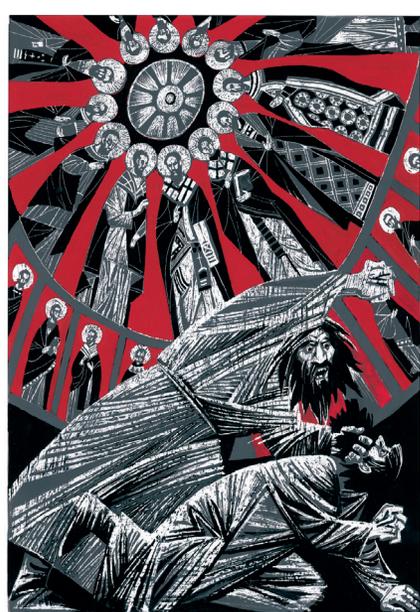
Вайнман Матвей. Протопоп
Аввакум. Фрагмент дипломной
работы. 2008. Гипс

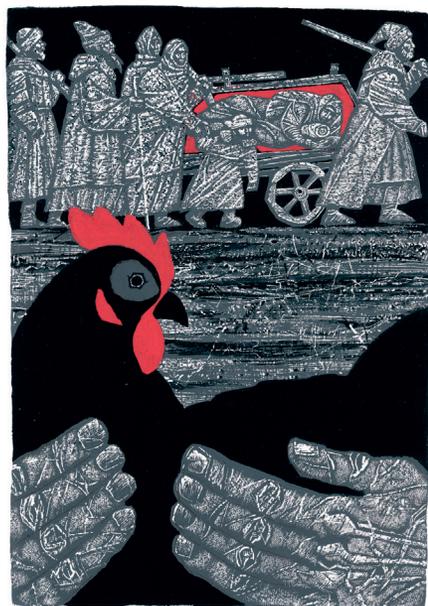
Вайнман Матвей. Эскиз. 2008.
Бронза. 20,5х10х11.
Собственность автора

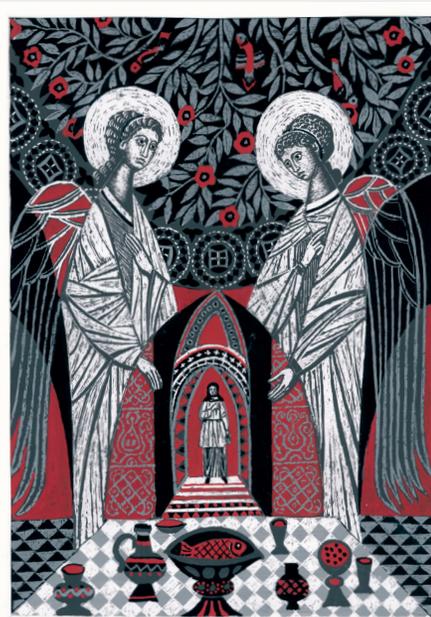
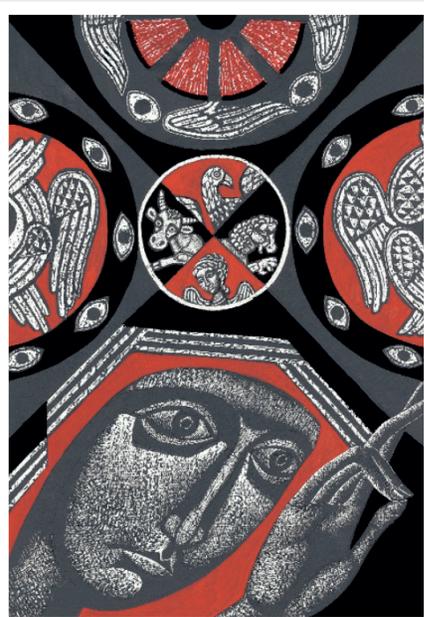
Лыткин А. М. «Житие протопона Аввакума». Развороты к книге. 2018.
Граттаж. «Вита Нова»

Лыткин А. М. Иллюстрации к «Житию протопопа Аввакума». 2018.
Гронтаж. «Вита Нова»

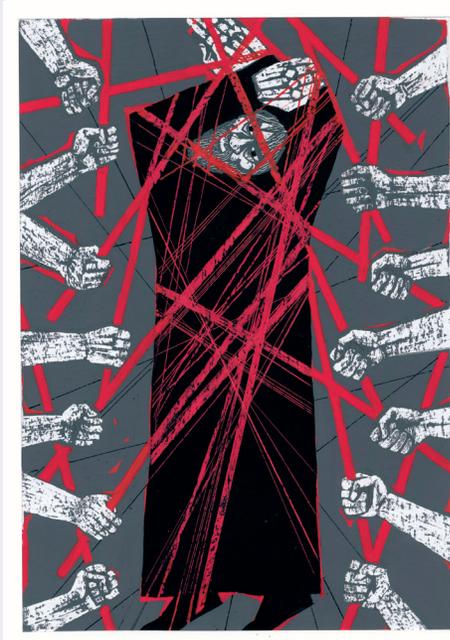
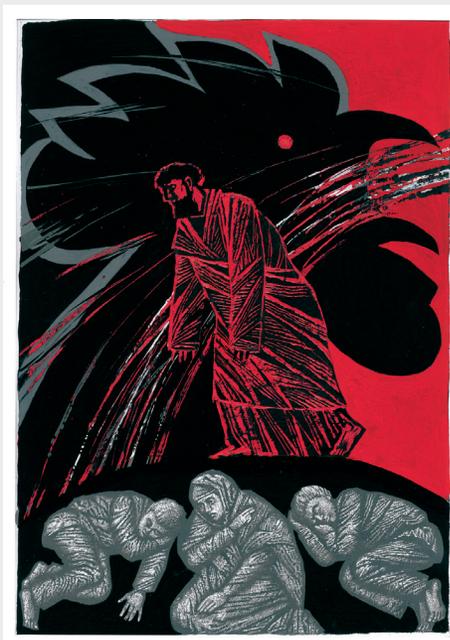
Лыткин А. М. Иллюстрации к «Житию протопопа Аввакума», 2018.
Граттаж. «Вита Нова»

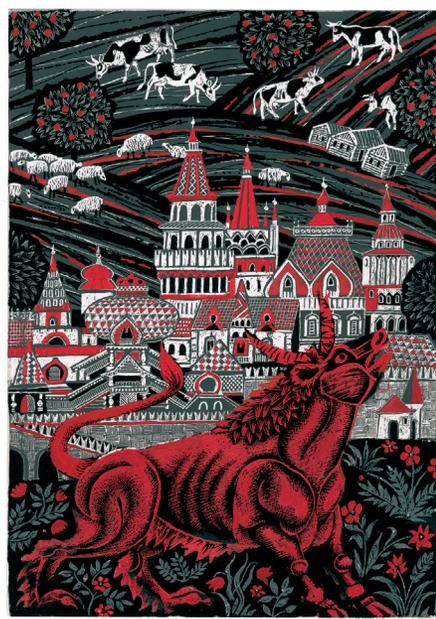
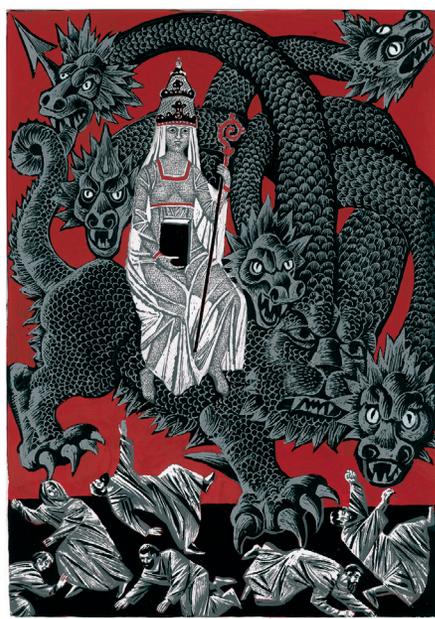
Лыткин А. М. Иллюстрации к «Житию протопопа Аввакума». 2018.
Граттаж. «Вита Нова»

Лыткин А. М. Иллюстрации к «Житию протопопа Аввакума». 2018.
Граттаж. «Вита Нова»

*Лыткин А. М. Иллюстрации к «Житию протопопа Аввакума». 2018.
Граттаж. «Вита Нова»*

Лыткин А. М. Иллюстрации к «Житию протопона Аввакума». 2018.
Граттаж. «Вита Нова»

Лыткин А.М. Буквицы к «Житию протопопа Аввакума». 2018.
Граттаж. «Вита Нова»

БЫСТРО! УДОБНО! ДОСТУПНО!

АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ПОДПИСКА 2020

Дорогие наши читатели!

Теперь вы можете оформить годовую подписку на электронную или печатную версию журнала «Арт» (при условии получения в редакции журнала), не выходя из дома. Достаточно перечислить 200 р. по указанным ниже реквизитам, в сообщении указать e-mail и ФИО подписчика.

Наши реквизиты:

Получатель: АУ РК «Редакция журнала «Арт»
ИНН/КПП 1101485466/110101001 р/с 40603810328004070042
КОМИ ОТДЕЛЕНИЕ № 8617 ПАО СБЕРБАНК
БИК 048702640 к/с 30101810400000000640
e-mail: artkomi@mail.ru

Журнал «Арт» можно приобрести

- в сети магазинов «Ридер»,
- в магазине «Ордым» (Дом печати, г. Сыктывкар, ул. К. Маркса, 229),
- в магазине «Дом книги»,
- в книжном киоске торгового центра «Дом быта».

Оформить подписку вы можете во всех отделениях ФГУП «Почта России».

Подписной индекс:
П4453

www.artlad.ru

ART ART

<http://www.artlad.ru/>

Подписной индекс: П4453

ART ART